

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVIII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 7–8 декабря 2012 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство «Самарский университет»

УДК 94
ББК 63.3
П37

П37 **Платоновские чтения** : материалы и доклады XVIII Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 7–8 декабря 2012 г.) / отв. редактор П. С. Кабытов. – Самара : Издательство «Самарский университет», 2012. – 264 с.

ISBN 978-5-86465-529-0

В сборнике представлены статьи участников XVIII Всероссийской конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском государственном университете 7–8 декабря 2012 г.

Проблематика материалов сборника представляет собой широкий спектр сюжетов социально-экономической истории, международных связей, власти и общества, а также основных направлений общественной и исторической мысли истории культуры и этносов России.

УДК 94
ББК 63.3

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов (ответственный редактор);
д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман;
д-р ист. наук, проф. Н. Н. Кабытова;
д-р ист. наук, проф. М. И. Леонов;
д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов;
канд. ист. наук, доц. В. А. Тюрин (ответственный секретарь)

ISBN 978-5-86465-529-0

© Авторы, 2012
© Самарский государственный университет, 2012
© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Тюрин В.А. XVIII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2012 г. 9

Секция I. Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России

Левина Е.С. Советские потери в Великой Отечественной войне: статистика и причины	14
Шестало С.С. Тыловые эвакуогоспитали Куйбышевской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	16
Растрепин П.П. Иргизский список «Сказания о Мамаевом побоище» о роли Сергия Радонежского в событиях 1380 года	19
Столяров О.Д. Классификация иностранцев, входивших в состав правящей элиты в период правления Анны Иоанновны	21
Манькова А.И. Репрезентация образа Российской империи в сочинениях Екатерины II	24
Классен Н.В. Статистический образ немецкого населения Самарской губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.	27
Баишев Н.И. Беспорядки 5 ноября 1916 года: анатомия военного тыла	29
Батыршин А.Р. К истории формирования железнодорожной магистрали Самара-Златоуст (конец XIX первая треть XX века)	33
Синельникова Е.Ф. Роль научных обществ Петрограда-Ленинграда в международной политике Советской России в 1920-е гг.	
Мингалимов И.В. Советская истребительная авиация в Курской битве	40
Коваленко Т.А. Мероприятия по снижению смертности в Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	42
Мокина Н.Н. Кадры связистов в Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)	45
Пономаренко И.В. Размещение эвакуированных предприятий военно-промышленного комплекса в Ульяновской области в годы войны (1941–1945 гг.)	47
Серганин М.В. Предоставление общежитий работникам предприятий нефтяной и химической промышленности как способ решения жилищного вопроса в 1960-е – начале 1970-х годов (по материалам БАССР)	50

Абросимова К.А. Местная печать в период строительства Куйбышевской ГЭС (на примере газеты «Гидростроитель»)	53
Багаутдинова А.Р. Крупные промышленные предприятия Самарской области в новой системе управления народным хозяйством: введение в тему	55

Секция II. Власть и общество в истории России

Кочережко С.С. Дворянское объяснение участия крестьян в Пугачевском восстании 1773-1775 гг.	58
Михайлов Д.С. Военно-гражданская система управления Оренбургским краем в первой половине XIX века	60
Островкин Д.Л. Особенности развития земской медицины в Пермской губернии во второй половине XIX века	63
Тихонов Н.Е. Правовое положение холопов в Древней Руси	65
Васильева М.А. Нормативно-правое регулирование положения детей-сирот в Российской империи в 1825-1881 гг.	68
Адамова Л.Г. Проблема пожарной безопасности в деятельности органов местного самоуправления Саратовской губернии в середине XIX – начале XX веков	71
Кусов В.В. Социальный и служебный портрет самарского судебного пристава второй половины XIX века (на примере В.И. Кашпирова)	74
Шебалков С.В. Государственная преступность в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: общая характеристика, мотивы, статистика	77
Мещеряков А.В. Должность горного инженера в системе управления Оренбургского казачьего войска	80
Досекин Е.С. Деятельность Е.Н. Трубецкого в Государственном Совете	83
Васильева Д.Р. История института судебного представительства и правозаступничества в России	86
Моисеева М.Н. Как и почему Советы пришли к власти	89
Алехин Д.Б. Местные структуры советской власти в Самарской губернии после ликвидации КОМУЧа	92
Мистрюгов П.А. Организация системы революционных трибуналов в Самарской губернии: путь от создания до упразднения (1918-1922 гг.)	95
Плетнева В.Н. Классовая линия как принцип организации мероприятий по проведению сплошной коллективизации в Средне-Волжском крае	99

Иванов А.М. Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость (на примере Смоленской областной организации)	101
Ковалёва Е.А. Взаимоотношение Сталинграда с городами-побратимами в 1940-х-1950-х годах	104
Евменова О.Н. Адаптация населения к новым условиям организации местного самоуправления в период системных реформ (1991-1999 гг.)	106

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций

Плотников И.Н. Золотоордынский город в советской и современной российской историографии	109
Васильева А.Г. Традиционализм в отечественной общественной мысли XVII в.	112
Уварова М.С. Эволюция взглядов в историографии на консерватизм второй четверти XIX в.	115
Шепелева А.Ю. Церковь в освободительном движении южных славян в 1875-1878 гг. (на примере губерний Поволжья и Приуралья)	118
Старикова Е.П. Историография церковно-государственных отношений в Марийском крае: постановка проблемы	121
Колесникова С.Ю. Периодическая печать и коммуникативное поле исторической науки второй половины XIX века: А.Г. Брикнер	123
Плужник Л.В. Городское самоуправление в дореволюционной отечественной историографии	125
Петрякина О.А. Российская консервативная периодика в годы правительственного кризиса 1879–1881 гг.	129
Замуленко В.С. Российский либерализм рубежа XIX–XX вв. в историографии 2000-х годов	131
Пазин Р.В. Вопрос политического террора в тактике «Союза освобождения» в начале XX в.	134
Давыдова К.А. Концепция русской революции 1905 г. в трудах П.Б. Струве	138
Шевченко А.В. Основные проблемы историографии при изучении Евангелическо-лютеранских общин Среднего Поволжья	140
Миняшев В.С. Взгляды депутатов I Государственной Думы Российской империи на двухпалатную парламентскую систему	142
Сливков Е.И. Рабочий вопрос в трудах С.Н. Прокоповича	146
Богданова А.В. Детское общественное движение на территории России в 1918-1922 гг.	150

Мягченкова А.В. Образ Степана Разина как символ «монументальной пропаганды» советского государства	152
Морозова О.Г. Из истории Куйбышевской научной библиотеки в 1960-е – 1980-е годы XX века (историографический обзор)	154
Маркелов А.Ю. Отечественная историография о сенате в период принципата Августа	157
Шеховцева Д.М. Отечественные историки о романизации Испании	160

Секция IV. Русская культура, история этносов и повседневность

Евграфова В.Е. Женщина и ее роль в монгольском обществе, согласно письменным источником по истории Золотой Орды XIII–XIV вв.	163
Леунова М.А. Отношение власти и Русской православной церкви к старообрядцам в XVII – начале XX века	166
Вяльцева Е.Н. Польская диаспора Самарской губернии во второй половине XIX века	169
Цыганова Я.М. Провинция в историко-культурном пространстве Российской империи XIX – начала XX вв.: пути изучения в современной науке	171
Вяльдина Т.В. Проблемы нравственности населения Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв.	14
Доценко Е.В. Редакторы сатирических журналов 1905 г.	177
Андреева А.О. Приходская жизнь Самары в начале XX века: историографический аспект	180
Тиманкина А.В. Новейшие исследования о жизни и деятельности К.П. Головкина (1990-е – 2000-е гг.)	182
Заглодина Т.А. Смольный институт как прообраз социального образования в России	185
Шафрановский А.Н. Хулиганство в Самаре начала XX века	187
Васильченко М.А. Повседневность солдат Чехословацкого корпуса в 1918 году	189
Полушина Н.П. Городское социокультурное пространство Российской провинции 1920-х гг.	192
Горшенин А.В. Повседневная жизнь в тыловом городе в 1941–1945 гг. (на примере работников Куйбышевского трамвайно-троллейбусного управления)	194
Орехова Н.В. Ликвидация последствий немецко-фашистской оккупации и развитие киносети в Сталинградской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны	197

Макарова И.Н. Оценка результатов деятельности служащих местных органов управления образования в Куйбышевской области в 1950-1960 гг.	200
Комлева М.В. Развитие библиотечной сети г. Волгограда во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.	203
Кузнецова Е.М. Возникновение мультипликационных образов в истории культуры	206
Желтоухова (Помелова) Д.В. Эволюция освещения деятельности музеев на страницах периодической печати 1945–1993 гг.	208

Секция V. Международные отношения России: история и современность

Дроботов Е.Н. «Цветные революции» в современных международных отношениях	211
Девизорова Н.Н. Закрыто ли китайское общество?	213
Оленина К.И. Ограничение суверенитета: парадокс или мировая тенденция?	216
Сергеева Н.С. ФРГ между Западом и Востоком	218
Щетинская Я.В. Американское экспертное сообщество о развитии американско-российских отношений	221
Исаев Р.О. Феномен мифологической организации общественно-исторического сознания в Германии накануне Второй мировой войны	224
Валиахметова М.М. Противоречия в российско-эстонских отношениях	225
Колганова К.Г. Турция и ЕС: 25 лет ожидания	228
Пиковская К.Б. Россия в представлении политической элиты США в 1991–2008 гг.	231
Пшеничкин С.С. Ценз как инструмент порядка в демократических странах	234
Масленникова Ю.Д. Специфика ближневосточной политики России в условиях сирийского конфликта	236
Литвинова А.Н. Евросоюз как плацдарм для продвижения Германией своих национальных интересов	238
Селиверстов И.С. Оценка советской угрозы Центральным разведывательным управлением США в 1940–1950-е годы	243

Секция стендовых докладов

Гильмутдинов Н.В. История создания корпоративного органа присяжных поверенных в Казани	245
---	-----

Филонов А.А. К вопросу о состоянии лесного хозяйства удельного ведомства в Царевококшайском уезде Казанской губернии в конце XIX века	248
Ломейко П.В. История изучения городища Лбище	250
Малинкин Е.М. Пограничные гарнизоны территории «понизовых городов» на рубеже XVII – XVIII вв.	253
Федяева Т.П. Крестьянское движение в Марийском крае в 1918 – 1921 годах (историография вопроса)	256
Попова М.А. Нижегородская периодика XIX века в рамках российской цензуры	258
Тушканов Д.И. Религиозный вопрос в газете «Московские ведомости» в 1860-х годах	261

XVIII ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2012 Г.

7-8 декабря 2012 г. в Самарском государственном университете состоялась ежегодная всероссийская конференция – XVIII Платоновские чтения. Значимость очередных Чтений определяется тем, что они проводились в провозглашенный в 2012 г. – Год российской истории.

Платоновские чтения являются межвузовским форумом научной молодежи России. Они собирают молодых исследователей из основных регионов европейской России, Урала и Сибири. По Положению о Чтениях в них могут принимать участие аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. В основе работы конференции заложен конкурсный характер.

Традиционно, начиная с 1996 г. при организации очередных Чтений ставятся две главные задачи:

- содействовать развитию научного творчества молодежи,
- пропагандировать российское национальное историческое наследие.

На всем протяжении существования Чтений, они показали свою высокую эффективность и значимость для вузовской молодежи. В среднем в работе каждой из ежегодных конференций принимают участие до 200 студентов, соискателей и аспирантов; выступают с докладами 50 – 70 и более человек. Все представленные и прошедшие конкурсную экспертизу материалы докладов были опубликованы.

Платоновские чтения получили заслуженное признание в среде студенчества и молодых ученых. Их особенность состоит в постоянстве, регулярности, единстве требований к уровню научных работ и составу участников. Проведение Чтений стало научной традицией. Во многих городах Российской Федерации – Москве, Екатеринбурге, Чебоксарах, Оренбурге, Саратове, Казани и других сложился круг постоянных участников этого форума научной молодежи.

Начиная с 1996 г., организатором и главным исполнителем Платоновских чтений являлся Самарский государственный университет. В течение ряда лет методическую и научную помощь в проведении конференции оказывал Санкт-Петербургский Институт истории РАН.

Проект «Платоновские чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы исторического факультета Самарского государственного университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. Платоновские чтения объединили эту сферу научно-исследовательской деятельности в области истори-

ческих наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но также по территории всей России.

Традиционным на протяжении многих лет является состав Оргкомитета конференции во главе с профессором П.С. Кабытовым. В 2012 г. в него вошли профессора Э.Л. Дубман, А.Ф. Крутов, Ю.Н. Смирнов; ответственный секретарь Чтений, доцент В.А. Тюрин, лаборант К.В. Карманова. Активное участие в организации конференции приняли студенты исторического факультета Самарского государственного университета.

Как и на предшествующей конференции 2011 г. работа XVIII Платоновских чтений проводилась в рамках 5 секций. К четырем традиционным прибавилась еще одна – «Международные отношения России, история и современность».

Работа конференции проходила в 2 этапа:

- Заседания секций – 7 декабря 2012 года.

- Пленарное заседание – 8 декабря 2012 года.

На всех 5-х секциях прозвучало 72 доклада студентов, магистрантов и аспирантов, а всего на заседаниях присутствовало 123 чел.

На первой секции – **«Социально-экономические, внешнеполитические проблемы истории России»** выступавшие 15 докладчиков (7 аспирантов и соискателей, магистрантов, 8 студентов) представляли Самарский государственный (7), Самарский государственный экономический (1), Тольяттинский государственный (1), Башкирский государственный (1) университеты; Поволжскую государственную социально-экономическую академию (2) Поволжский государственный колледж (2), Санкт-Петербургский институт истории РАН (1). Президиум секции: д.и.н., проф. Э.Л.Дубман, д.и.н., проф. Г.А.Широков, к.и.н., доц. Д.В.Серых. Первое место на секции за доклад «Иргизский список «Сказания о Мамаевом побоище» о роли Сергея Радонежского в событиях 1380 года» присуждено студенту Самарского государственного университета Растрепину П.П., второе место соискательнице Поволжской государственной социально-гуманитарной академии Мокиной Н.Н. за доклад «Кадры связистов Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны», третье место – студентке Самарского государственного университета Кармановой К.В. за доклад «Образ русских глазами поляков в Северной войне».

Вторая секция **«Власть и общество в истории России»** – 15 докладчиков – объединила студентов (8), аспирантов и соискателей (7). Из них 5 человек представляли Самарский государственный университет, Самарскую гуманитарную академию – 3 чел., Самарский государственный экономический университет – 1 чел., Оренбургский государственный

педагогический университет – 3 чел., Уфимский государственный педагогический университет – 1 чел., Поволжский (Казанский) федеральный университет – 1 человек, Волгоградский государственный социально-педагогический университет – 1 чел. Президиум секции: д.и.н., проф. Н.Н. Кабытова, ст. преп. Н.А.Курсков, к.и.н., доц. В.А.Тюрин.

Первое место за доклад «Нормативно-правовое регулирование положения детей-сирот в Российской империи в 1825 – 1881 гг.» присуждено студентке Оренбургского государственного педагогического университета Васильевой М.А.; второе место – за доклад «Организация системы революционных трибуналов в Самарской губернии: путь от создания до упразднения (1918 – 1922 гг.)» аспиранту Самарского государственного университета Мистрюгову П.А.; третье место за доклад «Государственная преступность в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.: общая характеристика, мотивы, статистика» аспиранту Казанского (Приволжского) федерального университета Шебалкову С.В.

В секции **«История общественной и исторической мысли, политических партий, общественных движений и организаций»** прозвучало 15 докладов (8 студентов, 2 магистранта и 5 аспирантов). Из них Самарский государственный университет представляли 10 человек, Самарский государственный аэрокосмический университет – 1, Самарскую государственную сельскохозяйственную академию – 1, Поволжскую государственную социально-гуманитарную академию – 1, Пермский государственный национальный исследовательский университет – 1, Башкирский государственный университет – 1. Президиум секции: д.и.н., проф. М.И.Леонов, д.и.н., проф. О.Б.Леонтьева.

Первое место присуждено за доклад «Детское общественное движение на территории России в 1918-1922 гг.» аспирантке Башкирского государственного университета Богдановой А.В.; второе место за доклад «Образ Степана Разина как символ «монументальной пропаганды» советского государства» студентке Самарской государственной сельскохозяйственной академии Мягченковой А.В.; третье место за доклад «Беспорядки 5 ноября 1916 года: анатомия военного тыла» студенту Самарского государственного университета Баишеву Н.И.

Секция **«Русская культура, история этносов и повседневность»**, на которой прозвучало 15 докладов (6 студентов, 3 магистранта, 6 аспирантов и соискателей), по своему составу выглядела следующим образом. Вузы Самары – 10 докладов, из них государственный университет – 8, социально-гуманитарная академия – 1, аэрокосмический университет – 1. Представители других городов – 5 докладов, в том числе: Тольяттинский государственный университет – 1, Белгородский государственный университет – 1, Саратовский государственный универси-

тет – 1, Волгоградский государственный социально-педагогический университет – 2. Президиум секции: к.и.н., доц. З.М.Кобозева, к.и.н., доц. С.В.Польской.

Первое место за доклад «Повседневная жизнь в тыловом городе в 1941-1945 гг. (на примере работников Куйбышевского трамвайно-троллейбусного управления» президиум секции присудил студенту Поволжской государственной социально-гуманитарной академии Горшенину А.В., второе место за доклад «Ликвидация последствий немецко-фашистской оккупации и развитие кинесети в Сталинградской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны» магистрантке Волгоградского государственного социально-педагогического университета Ореховой Н.В.; третье место за доклад «Редакторы сатирических журналов 1905 г.» студентке Самарского государственного университета Доценко Е.В.

Пятая секция «**Международные отношения России: история и современность**» объединила 12 студентов-докладчиков. Из них 11 человек представляли Самарский государственный университет, 1 человек – Тольяттинский государственный университет. Президиум секции: д.ф.н., проф. А.В.Нечаев, к.ф.н., доц. А.А.Проскураина, к.и.н., доц. М.В.Астахов.

Первое место на секции за доклад «Евросоюз как плацдарм для продвижения Германией своих интересов» присуждено студентке Самарского государственного университета Литвиновой А.Н., второе место студентке Самарского государственного университета Валиахметовой М.М. за доклад «Противоречия в российско-эстонских отношениях» и студентке Самарского государственного университета Пиковской К.Б. за доклад «Россия в представлении политической элиты США в 1991-2008 гг.», третье место – студенту Тольяттинского государственного университета Дроботову Е.Н.. за доклад «Цветные революции» в современных международных отношениях (на примере событий в Грузии и на Украине», студентке Самарского государственного университета Масленниковой Ю.Д. за доклад «Специфика ближневосточной политики России в отношении сирийского конфликта» и студенту Самарского государственного университета Селиверстову И.С. за доклад «Оценка советской угрозы Центральным разведывательным управлением США в 1940-1950-е годы».

8 декабря 2012 г. состоялось пленарное заседание XVIII Платоновских чтений. К участникам пленарного заседания обратился председатель Оргкомитета профессор П.С. Кабытов. Он отметил необходимость дальнейшего совершенствования организации Чтений, расширения их географии, повышения уровня докладов. Затем с докладом «Дворянский конституционализм в XVIII веке» выступил лауреат Вторых Платоновских чтений, доцент СамГУ С.В. Польской.

Вторая часть пленарного заседания была посвящена конкурсным выступлениям соискателей, занявших первые места на своих секциях. Доклады соискателей вызвали многочисленные и острые вопросы аудитории, были выслушаны с большим интересом. По ряду проблем, поднятых в докладах, развернулась научная дискуссия.

Коллегией профессоров звание лауреата XVIII Всероссийских Платоновских чтений было присуждено студентке Оренбургского государственного педагогического университета Васильевой М.А. за доклад «Нормативно-правовое регулирование положения детей-сирот в Российской империи в 1825 – 1881 гг.»..

Пленарное заседание завершилось награждением Лауреата, дипломантов и обладателей поощрительных премий, определившихся по итогам работы секций. В конце пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости всероссийских форумов научной молодежи. Было предложено оказать всемерное содействие закреплению уже сложившейся традиции молодежной конференции всероссийского уровня, а при соответствующем финансировании повысить ее статус до международного с приглашением зарубежных участников.

Проведение ежегодных Всероссийских Платоновских чтений является частью обширного комплекса мероприятий Самарского университета по увековечиванию памяти выдающегося русского историка Сергея Федоровича Платонова. Так, улица Волжская, проходящая рядом с основными корпусами Самарского государственного университета, была переименована в улицу академика Платонова. В парке Щорса на месте, где ранее располагалось городское кладбище, на котором был захоронен С.Ф. Платонов (точные координаты его погребения к настоящему времени не выявлены) весной 2008 года был торжественно установлен памятный знак, посвященный академику. В том же 2008 г. режиссером В. Бакировым был снят документальный фильм «Академик Платонов в Самаре». Показ этого фильма стал традиционным элементом Пленарного заседания Платоновских чтений.

Самара не забывает академика Платонова. 8 января 2013 г. студенты и преподаватели кафедры Российской истории торжественно возложили цветы к памятному знаку, посвященному академику. Церемония была приурочена к 80-летию со дня смерти С.Ф. Платонова в Самаре. Выступая у памятного знака, проф. П.С. Кабытов подчеркнул важность сохранения и продолжения традиций российской исторической науки. Сюжет о мероприятии вышел в эфире телекомпании «Самара-ГИС».

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, В.А. Тюрин

СЕКЦИЯ I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Е.С. Левина

Поволжский государственный колледж

СОВЕТСКИЕ ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СТАТИСТИКА И ПРИЧИНЫ

Тема военнопленных и пропавших без вести во время Великой Отечественной Войны долгое время являлась засекреченной. Актуальность данной темы в том, что история наших семей не перестает быть важной никогда. По результатам проведенного опроса, почти у 70% респондентов есть воевавшие родственники, у 6% из них родственники пропали без вести, у 13% – судьба неизвестна. И большинство хотело бы узнать о судьбе своих воевавших родных больше.

В данной работе будет приведена статистика количества военнопленных, погибших и пропавших без вести; названы причины, способствовавшие появлению большого числа советских военнопленных и пропавших без вести. Также будет рассмотрена законодательная база того времени в отношении военнопленных и пропавших без вести.

В определении масштабов людских потерь СССР в годы Великой Отечественной войны особое место занимает проблема, связанная с уточнением количества пленных и пропавших без вести.

Внезапное нашествие фашистской Германии, растерянность солдат и офицеров, опыт Германии ведения современной войны, а также другие факторы привели к захвату врагом в первые месяцы войны большого количества советских людей [2, с. 405].

Попавшие в плен в 1941 г. советские военнослужащие неделями двигались пешим порядком в немецкие лагеря. Сотни тысяч жертв среди военнопленных явились результатом не только этих изнуряющих маршей, голода, физического истощения. Их число росло также за счет того, что конвоиры имели право расстреливать каждого, кто оказывал малейшее неповиновение или пытался бежать. Распоряжение расстреливать оставших от своих колонн пленных красноармей-

цев и командиров повлекло за собой такое количество жертв, которое исчисляется пяти, а то и шестизначными цифрами [1, с. 396].

Такое трагическое положение советских войск могло быть обусловлено и тем, что Советский Союз не признал Гаагскую и отказался подписать Женевскую конвенции о военнопленных, что, по мнению фюрера, позволяло Германии, ранее подписавшей оба соглашения, не регламентировать условия содержания советских военнопленных этими документами. На самом же деле, Гаагскую конвенцию подписала Российская империя, а Женевская регламентировала отношения к военнопленным вне зависимости от ее подписания [5].

Грубо попирая международное законодательство о военнопленных, законы и обычаи войны, гитлеровское военное командование с особой жестокостью относились к советским людям [1, с. 397]. По данным управления вермахта по делам военнопленных, к 1 мая 1944 г. общее число истребленных советских военнопленных достигло 3 291 157 чел. В июле 1941 г. на сборных пунктах и в пересыльных лагерях скопилось большое число военнопленных, на содержание которых не выделялось никаких средств. В связи с этим был издан приказ об освобождении советских военнопленных ряда национальностей (немцев Поволжья, прибалтов, украинцев, а затем и белорусов). Однако дальнейшее действие этого приказа было приостановлено [3].

В период с февраля 1942 г. по апрель 1945 г. в лагерях ОКБ и концлагерях находилось более 24 402 369 человек [4]. В зарубежной печати (главным образом в Германии) приводится число советских военнопленных в пределах 5 200 000 – 5 750 000 человек, причем основная их масса относится на первый период войны. Так, в сводках германского верховного командования сообщалось, что было взято в плен 2,5 млн. человек [3].

Основным советским официальным источником информации о пропавших без вести и попавших в плен являются донесения о людских потерях. Они ежемесячно анализировались в Генеральном штабе, уточнялись и дополнялись материалами о неучтенных потерях и докладывались в Ставку Верховного главнокомандования [1, с. 401].

После тщательного анализа всех источников предварительно было определено, что за годы войны пропало без вести и оказалось в плену более 5,5 млн. советских военнослужащих [1, с. 395]. В плену оказались также раненые и больные, находившиеся на излечении в госпиталях, захваченных противником. Им они учтены как военнопленные. Многих, не оказавшихся после боя в воинской части, заносили в число пропавших без вести [3].

В результате изучения различных материалов был сделан вывод, что фактически в немецком плену находилось около 4 млн. 559 тыс.

военнослужащих, в числе которых и военнообязанные [4]. Многочисленные факты свидетельствуют, что подавляющее большинство наших соотечественников в немецком плену вели себя достойно и продолжали борьбу с захватчиками [6].

Вернувшиеся из плена в конце войны и после ее завершения, как подтверждают документы, были направлены: для дальнейшего прохождения военной службы в части Красной Армии, на работы в промышленности в составе рабочих батальонов, как скомпрометировавшие себя в плену – в лагеря НКВД [1, с. 400].

Библиографический список

1. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века, Москва, «Олма-пресс», 2001.
2. Орлов А.С. и др. История России. Москва, «Проспект», 2008.
3. <http://geopolitica.ru/Articles/1408>.
4. <http://www.apn.ru/special/article23951.htm>.
5. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.
6. <http://statehistory.ru/books/>.

С.С. Шестало

Поволжский государственный колледж

ТЫЛОВЫЕ ЭВАКОГОСПИТАЛИ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Более семидесяти лет прошло от того тяжелого, тревожного дня, когда 22 июня 1941 г. фашистская Германия развязала вероломную войну с нашей страной. Борьба за свободу и независимость нашего Отечества потребовала предельного напряжения моральных и физических сил народа, всеобщей мобилизации людских и материальных ресурсов страны.

Органы гражданского здравоохранения приняли самое непосредственное участие в организации и осуществлении завершающего этапа лечения наиболее тяжело раненых бойцов в тылу страны, развернув широко разветвленную сеть специализированных лечебных учреждений – эвакуационных госпиталей народного комиссариата здравоохранения. Большая часть эвакогоспиталей была расположена на терри-

тории Самарской (в то время еще Куйбышевской) области, поскольку именно Куйбышев был избран запасной столицей страны в тяжелое военное время [1, с. 4].

Начиная с 23 июня 1941 г. в Куйбышевской области приступили к формированию тыловых эвакуогоспиталей. За годы войны Куйбышев принял с фронта десятки тысяч раненых. Точных цифр и сегодня не знает никто. Сюда отправляли тяжело больных — тех, кому не могли оказать помощь силами фронтовых медпунктов [2, с. 3]. Борьба за жизнь здесь продолжалась день и ночь.

В соответствии с мобилизационным планом данные лечебные учреждения стали развертывать в городах Куйбышеве (7), Сызрани (2), и один госпиталь в поселке Кинель. Общая емкость всех сформированных эвакуогоспиталей составила 5100 коек [2, с. 17]. Все эвакуогоспитали были развернуты в хороших отремонтированных зданиях и полным санитарно-хозяйственным имуществом. В течение 10-12 дней во всех госпиталях были полностью оборудованы операционные блоки, палаты для раненых и больных, лаборатории, водолечебницы, зубокабинеты и физиотерапевтические кабинеты [4, л. 28].

24 июня 1941 г. в общежитиях Куйбышевского сельскохозяйственного института, расположенных в поселке Усть-Кинельский, в экстренном порядке был создан первый в нашей области эвакуогоспиталь № 1653. Уже 27 июня в него поступили первые раненые [1, с. 44]. Опорной базой госпиталей в Куйбышеве были военно-медицинские учреждения, прежде всего 358-й окружной Краснознаменный госпиталь (сейчас — Клиники медицинского университета на ул. Осипенко). В июле-августе 1941 г. раненые прибывали в Куйбышев нарастающим потоком. Действующих клиник не хватало, поэтому в городе для них освобождались все новые и новые помещения — в гостиницах, техникумах, школах. Эвакуогоспитали были открыты в 15-й, 58-й, 74-й школах, в училище связи. Под госпиталь была оборудована гостиница «Националь» (ныне ул. Фрунзе 91). Не хватало также врачей, но еще острой ощущался дефицит санитаров [4, л. 184-186].

Самую высокую нагрузку имел Куйбышевский эвакуогоспиталь № 3999. Он специализировался на лечении больных с ампутированными конечностями, такими ранеными были заполнены все три этажа здания бывшей школы № 30, находившейся на ул. Молодогвардейской (сейчас — университет Наяновой). В отличие от других, этот госпиталь имел протезно-ортопедический профиль — его целью было в буквальном смысле ставить бойцов на ноги. Именно в нем был поставлен на протезы и возвращен в авиацию легендарный летчик Алексей Маресьев [3, с. 7].

Но, несмотря на напряженную работу эвакогоспиталей, врачебный персонал находил время для научного обобщения накопленного практического опыта и проведения научно-практических конференций, на которых обобщался опыт по оказанию хирургической помощи раненым, их протезированию, лечению больных.

Забота о раненых воинах была важной частью жизни тылового Куйбышева. За годы войны доноры области отдали бойцам Красной Армии 29 тысяч литров крови. Женщины шили им белье, собирали подарки к праздникам. Библиотеки области организовывали сбор книг от населения для передачи их госпиталям. Предприятия и учебные заведения области обучали тяжело раненых воинов работе в условиях инвалидности. До самого конца Великой Отечественной продолжалась эта бескорыстная помощь раненым. Уже после войны самый крупный госпиталь области № 3999 был перемещен на ул. 22 Партсъезда и стал областным клиническим госпиталем ветеранов войн. Он и поныне лечит бывших фронтовиков [3, с. 12].

Но также остались незамеченными еще ряд госпиталей, действовавших во время войны, но со временем информация о них была потеряна. Примером такого госпиталя является знакомый всем санаторий «Волга».

Еще одним примером может служить учебное заведение, которое запомнилось многим под именем КИПТы. Сейчас оно называется «Поволжский государственный колледж», и именно в его стенах сначала размещалась школа, а затем тыловой эвакогоспиталь. Но, к сожалению, ни номера школы, ни номер госпиталя до наших дней не сохранились. А это подталкивает нас к новому поиску. И здесь мы в начале пути.

Библиографический список

1. Томилов В.А. Тыловые эвакогоспитали Куйбышевской области (1940-1945 гг.). Самара: ВМФ СМИ, 1992.
2. Шерешевский Г.М. Куйбышевский госпиталь в годы Великой Отечественной войны // Военно-медицинский журнал. № 3. Куйбышев, 1975.
3. Разумов В.И. Строки на мраморе: о Куйбышевском эвакогоспитале № 3999 // Волжская Заря. № 11. Куйбышев, 1980.
4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Сборник научных трудов эвакогоспиталей Куйбышевской области. Куйбышев, 1945.
5. Дерябин А. Н. Под номером 5335: славные страницы истории эвакогоспитала № 5335 на базе клинической больницы медицинского института. // Волжская Заря. № 18. Куйбышев, 1981.

**ИРГИЗСКИЙ СПИСОК «СКАЗАНИЯ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ»
О РОЛИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В СОБЫТИЯХ 1380 ГОДА**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX вв.)»

Цель данной работы: выявить значение Сергея Радонежского в событиях противостояния войск Дмитрия Донского и Мамаю в 1380г. по материалам Иргизского списка «Сказания о Мамаевом побоище». Среди научной литературы особенно важными для моей темы являются труды В.А. Кучкина [4], Р.Г. Скрынникова [6], Л.А. Дмитриева [3], А.Е. Петрова [5] и другие. Работа проводилась с использованием архивных материалов Самарской областной универсальной научной библиотеки, где в Отделе редких книг содержится рукописный сборник XVI — XVII веков с текстом сказания, который был вывезен в Самару в годы гражданской войны из Иргизского монастыря историком М.Н. Тихомировым [1], а также неопубликованный труд М.Н. Тихомирова «Описание рукописей Иргизских монастырей (Верхне-Спасо-Преображенского и Средне-Никольского)» [2]. Сборник Иргизского Средне — Никольского монастыря содержит исследуемый источник и представляет собой рукописную книгу объемом в 237 листов смешанного, преимущественно исторического содержания. Список «Сказания о Мамаевом побоище», озаглавленный «Списание Софоние Резанца», содержится на листах 29-99. Текст записан полууставом XVIIв. на плотной бумаге, пострадавшей от воды. В середине текста рукописи находится вставка другим почерком на другой бумаге. Вставка представляет собой более позднее добавление эпизода о походе великого князя Дмитрия в монастырь Святой Троицы к преподобному Сергию Радонежскому перед Куликовской битвой. Перед вставным эпизодом в рукописи находится статья о посольстве Захария (Тютчева) к Мамаю и о его возвращении в Москву с вестями для великого князя Дмитрия. Статья, записанная полууставом XVIIв. обрывается на словах, которые являются обращением Дмитрия Донского к русским князьям: «*Братия, князи рустии! Гнездо есма князя Владимира Киевскаго. Уже изведены от страсти еллинская (языческой). Ему же господь откры православную веру, яко же и Плакиде Стратилато. Он же заповеда нам ту же... (веру)*» [1]. На этих словах статья обрывается, ее продолжения на других листах

рукописи нет. Далее следует вставной эпизод на двух листах другой бумаги (л. 56-57), заполненных рукой другого переписчика – скорописью конца XVIIв.: «*О походе великого князя Димитрия в монастырь Святыя Троицы. Великий князь Димитрий поем брата своего и вся православныя князи, поиде в монастырь Святыя Живоначальныя Троицы к святому игумену отцу Сергию. И тамо, шед в монастырь, поклонился и благословение получи от (игумена?) Святыя обители*». Имя великого князя позднейший переписчик произносит иначе, чем в основном тексте: «Димитрий», а не «Дмитрей», что говорит о происхождении писцов из разных регионов России. Если листы □56, 57 [1] являются более поздней вставкой и разрывают на полуслове текст, записанный полууставом XVIIв., резонно было бы предположить, что лист 58 является продолжением прежней статьи, оборванной на листе 54 (55 лист в Иргизском списке чистый, не заполненный текстом). Однако текст 58 листа является продолжением не 54-го, а 57-го, т.е. тем же почерком (полууставом XVIIв), которым записан основной текст, продолжается вставной эпизод – повествование о посещении Дмитрием Сергия Радонежского перед битвой. Видимо, эпизод с посещением Преподобного имелся в основном тексте рукописи. Имя Сергия выступает на страницах Иргизского списка «Сказания» не менее 6 раз: 1. В эпизоде о походе Дмитрия в монастырь Святой Троицы; 2. Когда великий князь рассказывает Киприану о своей встрече с Сергием; 3. Олег Рязанский узнает о благословении Дмитрия Сергием и о приходе новгородцев на помощь великому князю и раскаивается; 4. В упоминании о «прекрасных венцах погибшим воинам, о которых поведал преподобный старец». 5. В эпизоде получения послания Сергия с благословением и просфорой непосредственно перед битвой; 6. В последней молитве Пересвета перед поединком с печенегом. Несмотря на то, что летописи говорят о получении послания святого старца за 2 дня до Рождества Богородицы (т.е. 5 или 6 сентября), автор «Сказания» строит повествование так, что сразу после благословения, с именем Сергия на устах, князь Дмитрий вступает в бой: «*И приим конь свой, и взем палицу свою железную и подвижесе ис полку кони, восхоте прежде сам почати. От горести (душа) за землю рускую и за веру христианскую, и за святыя церкви, и за свою великую обиду*». Автор Иргизского списка «Сказания» ненавязчиво, но педантично на протяжении всего произведения подводит читателя к мысли о том, что заслуга преподобного старца в победе русских на Куликовом поле велика, так как он морально подготовил воинство к победе, вселив в них уверенность. Текст рукописи проникнут отношением глубокого почтения и уважения русских людей к игумену монастыря Святой Троицы. Материалы Иргизского списка еще раз заставляют убедиться в том, что Сергей Радонежский пользовался огромной

популярностью среди разных слоев населения, играл важную роль в политической и церковной жизни Руси. Благословение Сергием великого князя Московского на борьбу с Мамаем, о котором сообщает Иргизский список, имело важное идеологическое значение и изображало поход Дмитрия Донского как общерусское священное дело.

Библиографический список

1. Отдел редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки. № 108 (Инвентарный номер 306121). Списание Софоние Резанца похвала великому князю Дмитрию Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю. Сборник (XVI-XVII вв.). (Л. 29-99).
2. Отдел редких книг Самарской областной универсальной научной библиотеки. № 1972. Тихомиров М.Н. Описание рукописей Иргизских монастырей (Верхне-Спасо-Преображенского и Средне – Никольского).
3. Дмитриев А.А. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». // Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959. С. 449 – 480.
4. Кучкин В.А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский // Церковь, Общество и государство в истории феодальной России. М., 1990
5. Петров А.Е. Сергей Радонежский // Великие духовные пастыри России. М. 1999.
6. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV-XVI вв. Новосибирск, 1991.

О.Д. Столяров

Самарский государственный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОСТРАНЦЕВ, ВХОДИВШИХ В СОСТАВ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Период правления Анны Иоанновны, как считают многие исследователи, являлся эпохой иностранного засилья или, во всяком случае, тем временем, когда иностранцы в правящей верхушке были более многочисленны и влиятельны, чем в предыдущий и последующий пери-

оды [1, с. 216; 2, с. 261; 3, с. 292]. Необходимо отметить, что факт возрастания роли иностранцев в годы правления Анны Иоанновны по сравнению с предыдущим периодом подтверждается численными данными. Это как будто соответствует и традиционному взгляду на рассматриваемые процессы, заключающемуся в том, что с приходом к власти Анны ключевые роли стали играть ее фавориты иностранного происхождения, которые, в свою очередь, старались не допускать на ведущие посты русских, тяготея к «своим» [4, с. 177; 5, с. 194].

Однако существует ряд причин, согласно которым данная картина может быть подвергнута сомнению. Во-первых, она явно противоречит многочисленным фактам, свидетельствующим о тесных связях между иностранцами и русскими в составе правящей элиты. Во-вторых, совершенно непонятными остаются мотивы, которые должны были двигать вельможами иностранного происхождения, якобы предпочитавшими любых иностранцев (а не только своих соотечественников) русским.

В качестве рабочей гипотезы можно принять следующую точку зрения: факт увеличения численности иностранцев в российской правящей элите в период царствования Анны Иоанновны и то обстоятельство, что «верхний этаж» этой элиты оказался заполнен большей частью также иностранцами, представляют собой разные тенденции с, соответственно, различными причинами.

Среди возможных причин первого явления в первую очередь следует обратить внимание на более или менее устойчивую тенденцию к увеличению количества иностранцев в правящей верхушке на протяжении первого тридцатилетия XVIII в. Этот процесс, как видно из численных подсчетов, был более или менее независим от политических конъюнктур. Тем не менее, невозможно отрицать, что наличие даже нескольких фаворитов-иностранцев у императрицы довольно серьезно сказывается на количественных показателях правящей группы, учитывая относительную немногочисленность последней. В связи с этим возникает необходимость разделить иностранцев, входивших в правящую элиту в период правления Анны Иоанновны, на ряд групп в соответствии с причинами, по которым они туда попадали.

Итак, представителей правящей верхушки данного периода можно разделить на четыре группы, причем, многих из интересующих нас лиц следует отнести к нескольким из них сразу.

К первой относятся те, кто входил в состав правящей элиты до воцарения Анны. Среди них иностранцами были: Блументрост Л. (до 1733 г.), Вейсбах И.Б. (до 1736 г.), Ласси П.П., Люберас И.Л., Менгден И.А. (до 1731 г.), Миних Б.Х., Остерман А.И., Сиверс П.И. (до 1732 г.), Фик Г. (до 1732 г.), Ягужинский П.И. (до 1736 г.).

Вторую группу составляло курляндское окружение Анны, представители которого в 1730 г. или некоторое время спустя заняли места в правящей элите. Не следует, однако, думать, что этот круг состоял исключительно из представителей местного дворянства. К нему следует отнести, например, А.П. Бестужева, который был одно время фаворитом герцогини [6, с. 517], а также тех представителей российской правящей верхушки, которые были связаны с Анной в тот период, когда она была курляндской герцогиней, оказывая ей разнообразные услуги. В состав данной группы входили: Бирон Г. (с 1732 г.), Бирон К. (1740 г.), Бирон Э.И., Кейзерлинг Г.К., Корф И.А. (с 1734 г.), Левенвольде К.Г. (до 1735 г.), Остерман А.И., Ягужинский П.И. (до 1736 г.).

В третью группу мы включаем тех деятелей, которые в начале 1730 г. помогли Анне стать самодержавной императрицей. К ней относятся следующие лица: Левенвольде К.Г. (до 1735 г.), Левенвольде Р.Г., Остерман А.И., Ягужинский П.И. (до 1736 г.).

Наконец, в четвертую группу мы включаем тех, кто вошел в состав правящей элиты уже в период правления Анны, не имея к этому предпосылку в предыдущий период. В эту группу входили следующие деятели: Бисмарк Р.А. (с 1735 г.), Бреверн К. (с 1735 г.), Геннин В.И. (1735-1736 г.), Гессен-Гомбургский Л.Г. (с 1733 г.), Менгден К.Л. (1740 г.), Ригер И.Х. (1732-1734 г.), Розан И.Г. (1732-1739 г.), Фишер И.Б. (с 1735 г.), Шемберг К.А. (с 1736 г.), Эйхлер И. – тайный секретарь Анны Иоанновны.

Исходя из данной классификации, можно выявить динамику количественного соотношения между обозначенными группами на протяжении периода правления Анны Иоанновны.

Год и месяц	Иностранцы в правящей элите	I группа	II группа	III группа	IV группа
декабрь 1730	14	10	5	4	
декабрь 1731	13	9	5	4	
декабрь 1732	14	7	6	4	2
декабрь 1733	14	6	6	4	3
декабрь 1734	14	6	7	4	2
декабрь 1735	17	6	6	3	6
декабрь 1736	15	4	5	2	6
декабрь 1737	15	4	5	2	6
декабрь 1738	15	4	5	2	6
декабрь 1739	15	4	5	2	6
октябрь 1740	16	4	6	2	6

Библиографический список

1. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Кн. 10.
2. Павленко Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002.
3. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
4. Ключевский В.О. Полное собрание сочинений в 9 т. Т.7. М., 1989.
5. Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1988.
6. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995.

А.И. Манькова

Самарский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОЧИНЕНИЯХ ЕКАТЕРИНЫ II

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Развитие любого государства и общества сопровождается складыванием определенного образа этого процесса у современников. Образы Российской империи второй половины XVIII века, сохранившиеся на страницах многочисленных произведений, как иностранных наблюдателей, так и соотечественников, отличаются своим разнообразием. Значительный интерес представляет то, как сама императрица Екатерина II изображала российскую действительность в своих сочинениях.

Литературное творчество и эпистолярное наследие Екатерины II велико. В письмах к европейским корреспондентам, мемуарах, драматических поэмах, публицистических статьях и в центральном философско-политическом сочинении «Наказе» императрица пытается отобразить существующую систему политического и социально-экономического развития Российской империи. По мысли Екатерины II образ государства, созданный в ее произведениях, должен был влиять на общественное сознание, на формирование представлений иностранцев о России и российских подданных о своем отечестве.

С момента восшествия на трон Екатерина II постоянно заявляла о себе как о *русской* императрице, что позволяло легитимировать пре-

тензию на престол [1, с. 143]. Доказательством этому заявлению служило ее стремление познакомиться с обычаями, историей и культурой России. Выучив русский язык настолько, чтобы читать книги, она обратилась к русской истории, штудировала древние летописи и на их основе составила объемные исторические заметки.

Характеризуя Российскую империю, Екатерина II прежде всего пыталась доказать подлинные или мнимые преимущества конкретной модели государственно-политического устройства общества. Тема исторической оправданности и необходимости самодержавия из-за значительной географической протяженности российского государства развивается в цикле «варяжских» пьес («Историческое представление из жизни Рюрика», «Начальное управление Олега» и незавершенное историческое представление «Игорь») и «Наказе» императрицы: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства» [2, с. 23]. При этом Екатерина II считает необходимым иметь при самодержце государственное правительство и хранилище законов, подчеркивая, что «в России Сенат есть хранилище законов» [2, с. 25].

Наряду с обширными пространствами к особенностям Российской империи Екатерина II относилась необычайное национальное разнообразие населения. Все годы своего правления императрица трудилась над созданием символического единства подданных, решением острого национального вопроса. Когда Вольтер (один из главных французских корреспондентов императрицы) начал слишком торопить ее, побуждая составить новые законы, Екатерина II ответила в письме из Казани: «Подумайте только, что эти законы должны служить и для Европы и Азии; какое различие климата, жителей, привычек, понятий! Я теперь в Азии и вижу все своими глазами. Здесь 20 различных народов, один на другого не похожих. Однако ж необходимо сшить каждому приличное платье. Легко положить общие начала, но частности? Ведь это целый особый мир: надобно его создать, сплотить, охранять...» [3, с. 20].

Екатерина II разделяла территорию Российской империи на европейскую и азиатскую части, но все государство в целом относилась к европейской цивилизации. Уже в «Наказе» императрица определяла российскую державу как европейскую, тем самым опровергая идею о традиционной изоляции православной России [4, с. 252]. По мнению историков во время правления Екатерины Великой вплоть до Французской революции европейское межгосударственное пространство было, как никогда, открытым и взаимосвязанным, Европа уже не мыс-

лится без России [5, с. 255]. Но даже благотворные моменты в развитии просвещения, глубокое понимание своей причастности к духовным ценностям мировой культуры, наконец, открытость российского общества входили в противоречие с незыблемыми основами военно-феодалной абсолютистской монархии, с глубинными традициями государственности восточного толка [6, с. 5]. Так, большинство исследователей признают декларативным отнесение императрицей России к числу европейских держав.

В области экономического развития Российской империи Екатерина II указывала на неравномерное развитие отдельных территорий, запустение сотен маленьких городов – «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ни обработаны» [2, с. 53].

Коренные социальные проблемы государства не находили подробного освещения в произведениях императрицы. Ее сатирические заметки и комедии сводились к насмешкам над внешними неблагоприятными проявлениями российской жизни: над алчностью, ханжеством, суевериями, скупостью, отсутствием хороших манер, порочным воспитанием и необразованностью [7, с. 13].

Стремясь обосновать особенности развития и самобытность Российской империи, Екатерина II тщательно отбирала, что можно и нужно видеть современникам в ее государстве. Естественно, что такое избирательное отношение императрицы к реальности не могло дать полной картины, но сформировало один из многих образов России второй половины XVIII века.

Библиографический список

1. Вишленкова Е.А., Фомина Л.В. Идеи о «чистых» и «смешанных русских» в отечественной публицистике 1760-х годов // Диалог со временем. Вып.30. М., 2010.
2. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Екатерина II. О величии России. М., 2003.
3. Вольтер и Екатерина II / Издание В.В.Чуйко. СПб., 1882.
4. Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
5. Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / под ред. В.В. Пономаревой и Л.Б. Хорошиловой. М., 1997.
6. Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783 – 1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М., 2002.
7. Былинин В.К., Одесский М.П. Екатерина II: человек, государственный деятель, писатель // Екатерина II. Сочинения. М., 1990.

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1897 Г.**

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Самарская губерния со дня своего основания была многонациональна. Многие из этих народов являются коренными, но есть и те которые были переселены. Особое место среди них занимали переселенцы из Германии. Массово немцы появились на территории Среднего Поволжья с середины XVIII века, и до середины XIX в этот регион переселялись различные группы немецкоязычного населения. К рубежу XIX-XX вв. поволжские немцы играли большую роль, как в экономической, так и в культурной жизни региона.

Проблемы истории немецкоязычного населения России давно и плодотворно изучаются в исторической науке. Много внимание уделено изучению численности, конфессионального состава, духовной культуры, однако целый ряд вопросов остается до сих пор остается малоизученным. В частности, не достаточно специальных работ по изучению немецкоязычного населения Самарской губернии. Помимо ряда обобщающих работ Я.Дитца [5] и работы И.А. Савченко и С.И. Дубинина [3], есть несколько специальных – это Н.А. Курсков и С.И. Дубинин [6].

Данная работа будет посвящена характеристике немецкоязычного населения, проживавшего на территории Самарской губернии, по данным первой всеобщей переписи населения.

Цель: представить статистический образ немецкого населения, рассмотрев его численность и распределение на территории губернии, а также уровень грамотности и сферы занятости в сравнении с другими народностями.

6 декабря 1850 года вышел Указ императора Николая I об образовании с января 1851 года Самарской губернии. В ее состав вошли 7 уездов: 3 уезда Оренбургской губернии (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский), 2 уезда Саратовской губернии (Николаевский, Ново-

узенский), и 2 уезда Симбирской губернии (Ставропольский и Самарский, включивший часть Сызранского уезда) [2, с.8].

На момент проведения переписи в самарском регионе можно выделить четыре этносоциальные группы немецких поселенцев: старые поволжские колонии Николаевского и Новоузенского уездов; северо-западные поселения второй половины XIX века в Самарском уезде; поселенцы-горожане Самары и уездных городов; поселения Бузулукского уезда Самарской области конца XIX века [3, с.7].

Всеобщая перепись населения состоялась в 1897 г. Перепись ставила целью учесть три категории населения: наличное, оседлое (постоянное) и приписное. Список вопросов был обширен и состоял из 14 пунктов, в которые входили, в частности: вероисповедание; родной язык; умение читать; занятие – ремесло и т.д. [4, с.115]. Отнесение к национальности происходило на основании родного языка.

Самарская губерния по данным переписи определилась в 2 млн. 751 тыс. 336 жителей и относилась к разряду незначительно заселенных [1, с.III]. Немцев на 1897 г., по данным переписи, в губернии насчитывалось 224 тыс. 336 обоего пола, это составляло около 8% от общего числа жителей. Но в сравнении преобладающими народностями, немецкоязычное население находилось на 3-м месте, после русских и мордвы, превосходя по численности татарское население [1, с.57].

Подавляющее большинство немцев относилось к сельскому населению. В городах проживало всего 1226 человек или 0,5%. Географически немецкое население было распределено по территории губернии неравномерно. Подавляющее большинство всех немцев (91,3%) проживало в Новоузенском и Николаевском уездах, так как эти земли в свое время целевым образом были выделены для колонизации. В Самарском и Бузулукском уездах проживало соответственно 1,9 и 1,3% от всего немецкого населения. В остальных 3 уездах количество немцев не превышало нескольких десятков человек [1, с.57].

Немецкое население было неоднородно по вероисповеданию. Подавляющее большинство относилось к протестантам 65,6% и католикам 24,3%, лишь незначительная часть исповедовала православие и иудаизм. Среди протестантов имелись свои течения, например баптисты, меннониты и др., которые на основании данных переписи невозможно выделить из общей массы [1, с.60].

В переписи учитывается показатель грамотности в двух аспектах: на русском языке и на других языках. По уровню грамотности на русском языке немецкое население уступает только русскому, однако среди грамотных на других языках немецкое население находится на первом месте (46,5%) [1, с.78].

Немцы были представлены во всех группах занятий, но подавляющее большинство занималось земледелием — около 85,5 %. Это является следствием того, что основной задачей колонизации было освоение земель. В сфере торговли наибольшее число немцев было занято в торговле зерном и остальными продуктами сельского хозяйства. За рамками переписи остается вопрос об экономическом расслоении немцев [1, с.122].

Подводя итоги характеристике немецкого населения Самарской губернии можно сказать, что оно не являясь многочисленным, играло заметную роль, как в экономической, так и в культурной жизни региона.

Библиографический список

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. XXXVI. Самарская Губерния. СПб., 1904.
2. Административно-территориальное деление Самарской губернии 1851-1928 гг. Справочник. Самара, 2011.
3. Савченко И.А., Дубинин С.И. Российские немцы в Самарском крае. Самара, 1994.
4. Литвак К. Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1.
5. Дитц Я.Е. История поволжских немцев колонистов. М., 1997.
6. Дубинин С.И., Курсков Н.А. Немецкие поселения на северо-западе Самарской губернии в XIX — начале XX века // Самарский краевед. Самарский университет, 1995.

Н.И. Баишев

Самарский государственный университет

БЕСПОРЯДКИ 5 НОЯБРЯ 1916 ГОДА: АНАТОМИЯ ВОЕННОГО ТЫЛА

Основным центром торговли в дореволюционной Самаре был Троицкий рынок. «В понятие «рынок» входило не только здание или комплекс зданий. Рынки являлись отражением существовавших социально-экономических отношений. Здесь сталкивались представители всех социальных слоев: от богатых барынь, приезжавших в собственных экипажах в сопровождении лакеев и горничных, до нищих, от купцов-«миллионщиков» до бродячих торговцев, от известных коллекционеров, ищущих на рынке пополнений для своих коллекций, до бедняков, покупающих подержанные вещи» [1, с.43]. Рынки также были пере-

полнены многочисленными жуликами. Безусловно, такая разношерстная рыночная толпа производила много шума.

Рынок в городском организме представлял собой самостоятельный социальный мир, для которого была характерна бинарная оппозиция: с одной стороны, склонность к порядку – правилам торговли, с другой, склонность к обману и девиации. Подобное сочетание в рамках небольшого пространства представляло собой очень взрывоопасную среду, для которой могло хватить и небольшого повода, чтобы начались волнения. Большая концентрация людей на небольшой площади только увеличивало вероятность такого развития событий.

Именно на Троицкой рынке начались самые крупные беспорядки, произошедшие 5 ноября 1916 года. Поводом к их началу стал конфликт между «мясоторговцем» и солдаткой из-за продажи недоброкачественного мяса, а также отказа продавца заменить его и оскорбления покупательницы [2, л.2]. Подобный конфликт представляется в первую очередь эмоциональным способом выражения недовольства ситуацией в стране, а не конкретным недовольством по поводу недоброкачественного мяса: «характерно еще и то, что на следующий день 6 ноября то же мясо разбиралось нарасхват и почти по той же самой цене» [2, л.25об.]. В рассмотренном эпизоде ключевую роль сыграли психологические особенности такой социальной группы, как солдатки.

Солдатки в период с 1914 по февраль 1917 года представляли собой особый новый формирующийся тип женщины. Как отмечает современный исследователь: «Первая мировая война помогла женщине стать иной, предоставила возможность реализовать себя в новом качестве, как профессионально, так и в гражданско-правовом смысле» [3].

В период Первой мировой войны была велика роль солдаток в случившихся беспорядках. Женское бунтарство являлось составной частью общероссийских тенденций радикализации настроений в обществе, роста погромного движения, стремления разом решить накопившиеся проблемы. П.П. Щербинин исследуя данный феномен, замечает: «Еще одной особенностью женских бунтарских выступлений была их скоротечность и эмоциональный подъем, накал страстей» [3].

Основной причиной подобных настроений в женской среде было катастрофическое положение, вызванное войной. Наиболее важными были продовольственный и жилищный вопросы. Практически лишенные денежных средств солдатки зачастую сталкивались с серьезными проблемами при получении пособий. Отсутствие денег становилось причиной лишения их жилья.

Вот как описывал эти события полицеймейстер, ставший их участником: «Только успели сгруппироваться чины полиции и стража, как ок-

*ружившая их со всех сторон громадная толпа стала всячески придира-
ться и наносить всевозможные оскорбления, в то же время наступая на нас
и стараясь оттеснить с Троицкого базара. На уговоры и увещания успо-
коиться и не производить беспорядков и разойтись ссыпался град камней
со всех сторон... Одновременно стали разбивать двери и бить окна в неко-
торых лавках... полиция собственными силами продолжала отстаивать
город от погрома и грабежа до 11 с утра... все люди до одного были изби-
ты камнями, а некоторые и ранены и получили тяжелые ушибы... При-
бывшие войска ... установили охрану города и с этого момента погром на
базаре можно считать ликвидированным, но отдельные вспышки, преиму-
щественно хулиганского характера, продолжались до 10 часов вечера» [2,
л. 28-29].*

В общей сложности от погрома город понес убытков более чем на 160 тыс. рублей [2, л. 28-29]. Наибольшему разгрому подверглись мес-
та с большим запасом алкоголя. Это в первую очередь винный погреб
Иванова, пострадавший по данным полиции на 60 тысяч рублей [2,
л. 28-29], а также многочисленные аптеки. Алкоголь фактически был
«продуктом повседневного спроса», однако его потребление было в до-
статочной степени затруднено. 22 августа 1914 г. продажа алкоголя для
местного потребления высочайше была прекращена до окончания вой-
ны. Подобные меры вызвали отрицательную реакцию в обществе, народ
стал искать замену алкоголю. Это приводило к летальным исходам.

Однако толпа этим не ограничилась, и пострадали также многочис-
ленные магазины, начиная кондитерскими и заканчивая музыкальны-
ми. С особой яростью громили дома обеспеченных горожан.

Социальная база погрома 5 ноября 1916 года была обширна. Поми-
мо маргинальных слоев населения в беспорядках принимали участие
крестьяне, мещане, отдельные дворяне, инородцы и даже солдаты ме-
стных гарнизонов, которые были особенно жестоки [1, л. 34-36 об.; 4,
л. 102, 102 об.]. Известны многочисленные случаи неповиновения сол-
дат полицейским. «К стражникам подошли нижние чины, из числа
коих один был унтер-офицер, по-видимому, пехотной части, которые
говорили: «Что вы не уезжаете домой, уезжайте, пока живы, здоровы,
иначе вам плохо будет» [2, л. 13 об.].

Представляется, что основным фактором изменения настроения
населения за такой небольшой промежуток времени является «продо-
вольственный вопрос». Данный процесс характеризовался в первую
очередь серьезными проблемами с питанием. Больших хлебных запас-
ов у горожан не было и быть не могло. Влияние дороговизны и дефи-
цита продуктов почувствовали на себе все слои общества. Цены резко
увеличивались, а заработная плата увеличивалась непропорционально

медленно. Резкое ухудшение жилищных условий в губернских и уездных городах, невероятное подорожание жилья также были нормой.

Таким образом, к осени 1916 года окончательно оформились предпосылки будущих беспорядков. *«Надо заметить, что население давно выражало недовольство как на дороговизну всех продуктов первой необходимости ..., так и на предметы, без которых также нельзя обойтись как одежда, белье, обувь, а также недостатком некоторых продуктов как сахара и на ту неурядицу, которая царит в торговле этими продуктами, благодаря которой хвосты стали явлением хроническим... Все это нервировало и озлобляло население и нужен был какой-либо предлог, даже самый незначительный, чтобы копившейся злобе прорваться и выбраться наружу»* [2, л. 26, 26 об.].

Однако все социально-экономические причины подобных беспорядков сами по себе не могли повлечь серьезные последствия. Необходимо появление сильных эмоций в среде горожан, чтобы все накопившиеся противоречия в определенный момент получили выражение в «граде камней, обрушившихся на полицию». Такой эмоцией в ноябрьское утро на Троицком рынке Самары стала злоба, искрой для появления которой стала попытка продать некачественное мясо солдатке — представительнице той социальной группы, которая в период с 1914 по февраль 1917 года испытывала наибольшие жизненные трудности.

Первая мировая война стала испытанием для всей страны, не только фронта и прифронтовых областей, но и тыловых губерний. Во второй половине 1916 года ситуация начала все больше обостряться, общество устало от войны и хотело мира, улучшения условий жизни. Однако этого не происходило, что вызывало соответствующие настроения среди населения империи. Одним из частных, но весьма характерных случаев стали беспорядки 5 ноября 1916 года в Самаре.

Библиографический список

1. Ривош Я.Н. Время и вещи: Иллюстрированное описание костюмов и аксессуаров в России конца XIX — начала XX в. — М.: Искусство, 1990.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО).
- Ф. 3. Оп. 233. Д. 3792.
3. Щербинин П.П. Повседневная жизнь российской провинциалки в период Первой мировой войны (1914-1918 гг.) // <http://www.el-history.ru/node/420>
4. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2187.

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ САМАРА-ЗЛАТОУСТ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

Самаро-Златоустовская железная дорога – одна из крупнейших российских железных дорог конца XIX- первой половины XX века. Она располагалась на территориях Самарской, Оренбургской, Уфимской губерний и являлась связующим звеном между Поволжьем и Южным Уралом, так и центральной Россией и Сибирью. С момента открытия движения по Сибирской железной дороге (1896) эта магистраль стала единственным рельсовым путем, соединяющим Россию и Европу с Сибирью и Дальним Востоком.

Впервые варианты проведения рельсового пути в Сибирском направлении с середины XIX века, были высказаны графом Муравьевым-Амурским. Он понимал, что устья реки Амур неудобны для входа торговых судов. Изыскания в этом районе в 1857 году провел командированный Муравьевым, капитан Романов, с задачей избрать направление для проведения колесной дороги, которую в дальнейшем можно было бы без больших трудностей обратить в железную [1, с.1-2]. К вопросу о сооружении железной дороги в Сибири были привлечены также иностранные специалисты, но предложенные ими варианты не соответствовали действительным потребностям этого региона. Но, в связи с тем, что в конце 50-х гг. XIX века рельсовая сеть не получила еще столь массового строительства, даже сами представители сибирских торговых и промышленных классов не понимали какую ценность представляет железная дорога [1, с. 6-7].

Открытие Екатеринбургско-Тюменского участка состоялось в декабре 1885 года, который считался главным участком будущей Сибирской магистрали. Тем не менее, начальным пунктом был избран Челябинск [1, с.42]. Позже в правильности выбора направления возникли сомнения. С 1880-х гг. были проведены детальные изыскательские работы. Была образована специальная комиссия, в которую вошли представители Министерств путей сообщений и финансов.

В 1882-1883 гг. осуществлено детальное исследование местности в направлении от станции Кинель до Уфы с последующим выходом на города Троицк, Екатеринбург. Были собраны экономические и технические сведения: о стоимости рельсового пути на всем ее направлении, о заводской и промышленной деятельности, о количестве ожидаемых грузов в этих районах [2, с.49]. Таким образом, рассматрива-

лись разные варианты направления строительства и затем объединенная комиссия двух министерств обсуждала все представленные проекты.

Министр путей сообщения К.Н. Посыет единственным верным решением этого вопроса считал постройку дороги по направлению Самара – Уфа – Челябинск. По его мнению, ранее принятое решение о линии Нижний Новгород – Екатеринбург при внушительной дороговизне (87 млн. руб.), означало также необходимость возведения больших мостов через глубокие реки – Волгу, Оку, Вятку и Каму, что явилось бы очень сложной задачей. Он раскритиковал и предложенный в 1882 году вариант графа Баранова который предполагал осуществление строительства путей от Самары на Уфу и Екатеринбург, так как вдоль предлагаемой линии отсутствовали производительные центры. Посыет утверждал, что «сооружение Самаро-Челябинской линии, как основного звена Сибирской магистрали, имеет общегосударственное значение. Оно обеспечит рост производительности казенных Златоустовских и частных заводов южного Урала, установит крайне важную в военном отношении непосредственную связь между казенными Златоустовскими заводами и центральной Россией. Сооружение этой дороги дало бы возможность освоению нетронутых естественных богатств региона и подъему промышленности. Для Сибири и всего обширного края, раскинувшегося от низовья Волги к Уралу и Камы железная дорога необходима, ее постройка решила бы экономическую проблему востока России. Сооружение этой дороги дало бы возможность освоению нетронутых естественных богатств региона и подъема промышленности [2, с.16-18]. С этой точки зрения Самарское направление обладает существенными преимуществами. Для Урала-Поволжья и Сибири железная дорога необходима, ее постройка решила бы многие экономические проблемы восточных губерний России. Самаро-Челябинская линия предоставила бы возможность малоземельным и безземельным крестьянам быстрого, легкого переселения в край. С этой точки зрения Самарское направление обладает существенными преимуществами» [2, с.19-21].

В то же время представители нижегородского купечества активно лоббировали проект железной дороги от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга. Они утверждали, что попытка создать новый торговый центр в Самаре после направления к ней Сибирской железной дороги может спровоцировать кризис внутренней торговли и промышленности [1, с.59].

Московский биржевой комитет, наоборот, поддержал Сибирское направление, аргументируя, что строительство железной дороги должно сооружаться ради общегосударственной выгоды. Также московские предприниматели отмечали, что в интересах промышленности строительство железной дороги в данном направлении не имеет такого важного экономического значения. Таким образом, соображения Московс-

кого биржевого комитета сыграли решающую роль при принятии окончательного решения [1, с.59-60]. В 1885 году после острых дебатов о направлении строительства железной дороги по северной широте (Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург Тюмень) или на южной широте (Самара- Уфа-Златоуст- Челябинск) комиссия отдала предпочтение второму варианту. 6 января 1885 года Александр III утвердил проект строительства железной дороги Самара-Уфа.

В последующее время при определении направления возведения Самаро-Уфимского участка железной дороги рассматривались варианты подхода к городу Уфе. Так предлагалось отклонить этот путь в обход города Уфы по одному из двух вариантов: а) от деревни Алкиной на село Чесноковку-Вознесенск или б) от деревни Алкиной на село Березовку – Рождественское. Эти предположения о сооружении железной дороги в обход города Уфа возникли скорее из локальных экономических соображений. Однако создание станции вне самого города потребовало бы дополнительных излишних затрат по сооружению дамбы между реками Дема и Белой, а также большого количества мостов. Размер экономии средств был довольно ощутимый (до 700 000 руб.), но по окончательным подсчетам вышло, что вариант по обходу города Уфы не обеспечивает в себе какую-либо экономическую выгоду, а наоборот, потребовал бы затем еще больше расходов в перспективе. В этой ситуации было бы крайне неразумно обойти Уфу по одному из вышеперечисленных вариантов [2, с.2-5].

С 23 октября 1885 года начались строительные работы на Самаро-Уфимском участке дороги. Официальная закладка вокзала и других железнодорожных сооружений в Уфе состоялась 26 апреля 1886 года. В процессе сооружения железной дороги особенно были трудными земляные работы, так как строительные работы преимущественно велись вручную. Движение на Самаро-Уфимском участке открылось 8 сентября 1888 года. На торжественном открытии присутствовал министр путей сообщения Константин Николаевич Посыет, который отметил: «...Европейская Россия имеет ныне 26 тысяч верст рельсовых путей, Сибирь не имеет их ни одной версты, и при этом ни одна из линий нашей большой дороги не доходит до Урала. Самаро-Уфимская дорога, в честь открытия которой мы сегодня здесь собрались, имеет в моих глазах огромное значение. Служа продолжением линии Варшава – Самара, идущей через всю Европейскую Россию, она первая дошла до Урала. Проведения до Златоуста, она перейдет через хребет и войдет в самую Сибирь. Составляя, таким образом, первое звено сибирской железной дороги, она послужит началом линии через Омск, Томск, Красноярск и Иркутск. Вся эта огромная дорога от Варшавы через Москву до Иркутска составляет тот железный или, вернее, стальной

пояс, который крепко связав обе половины Государства, дадут великану, именуемому «Россия», новую силу: промышленную, торговую и политическую» [3, с.241-242]. В этот же день строители передали железнодорожникам мост через реку Белая. А ровно через два года, 8 сентября 1890 года, были приняты в эксплуатацию Уфимско-Златоустовский участок дороги и мост через реку Уфу [4, с. 421-422].

Постройка Самаро-Златоустовской железной дороги была именно тем толчком, который активизировал спавшие экономические возможности – с этого момента город ускоренно развивается: увеличивается численность населения, возникают новые кварталы, складываются новые отрасли промышленности и торговли [5, с.6-7]. Железная дорога оказала колоссальную роль на развитие города, например, были созданы несколько новых районов, возникших тогда на бывших пустырях.

Безусловно, планировалось строительство еще новых железнодорожных линий. Некоторые планы были реализованы, но некоторые так и остановились на теоретической стадии. Здесь можно отметить несколько причин. Во первых, недостаток денежных средств, во вторых, осуществление постройки дороги задержалось только вследствие войны и из-за позднейших политических событий.

Одной из самых необходимых линий для организации железнодорожного сообщения являлось направление Оренбург-Уфа-Кунгур. Сооружение дороги имело государственное значение и была необходимостью для всего Приуральского края. Дорога, проходя по богатой хлебом, рудой и разными естественными богатствами местности, связывает два крупных государственных и экономических центра: города Оренбург и Уфу и является начальным звеном большой магистрали Оренбург-Уфа-Пермь-Печора [6, с.249]. Одним из основных вариантов подхода к городу Уфа считали ветвь, примыкавшую к разъезду Дема Самаро-Златоустовской железной дороги. Рассматривались два варианта подхода к станции Дема Самаро-Златоустовской железной дороги – это с северной и южной стороны с пристанскими ветвями к Никольскому городскому поселку. Еще два варианта подхода к городу с расположенными станциями на склоне оврага реки Сутолоки с тремя соединительными ветвями к станции Уфа, Воронки и Черниковка Самаро-Златоустовской железной дороги и пристанскими ветвями. Все подходы к Уфе и Деме были обследованы геологами [6, с.72]. Таким образом, строительство железной дороги на территории Уфимской губернии в конце XIX века способствовало дальнейшему социально-экономическому подъему региона: возникают новые населенные пункты, динамично развивается ряд новых отраслей промышленности, увеличиваются обороты торговли. Также изменяется, в частности, социальная структура Уфимской губернии, зарождаются новые социальные группы предпринимателей.

Библиографический список

1. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. СПб, 1903.
2. Волков Д.М. Погибающей город и изуродованная магистральная линия: Записка уполномоченного Уфимского губернского земства и города Уфы, Уфимского городского головы Волкова. СПб, 1895.
3. Хрестоматия по Истории Башкортостана. Уфа, 1996.
4. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Уфа, 2004.
5. Баев И.П. Экономические материалы к вопросу обхода города Уфы проектируемой железнодорожной линии Оренбург-Уфа-Кунгур. Уфа, 1913.
6. Центрально Исторический Архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф.Р-1858. Оп.1. Д.3. Оп.1. Д.1. Л. 72.

Е.Ф. Синельникова

Санкт-Петербургский институт истории РАН

РОЛЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е гг.

В начале 1920-х гг. советское правительство придавало большое значение науке не только из экономических соображений, но и по причинам международно-политическим [1, с.11]. Научные общества Петрограда-Ленинграда играли не последнюю роль в довольно успешных международных научных контактах.

В первой половине 1920-х гг. Советской России удалось установить дипломатические отношения с рядом стран, однако международные связи научных обществ налаживались и развивались иногда еще до установления государственных контактов [2, с.76]. Так, например, некоторые научные общества Петрограда-Ленинграда обменивались литературой с научными учреждениями Аргентины, дипломатические отношения с которой были установлены только в 1946 г.

Научные учреждения, в том числе общества, с начала 1923 г. получили право бесплатного и беспрошленного обмена изданиями с иностранными научными организациями [3, с.4], что являлось основной формой международного сотрудничества. Например, Минералогическое общество в 1923 г. производило обмен с 200 иностранными научными учреждениями [4, л.43]; в 1929 г. Общество естествоиспытателей получило 592 тома в обмен из-за границы, а само выслало 620 изданий

за границу, имея там 505 корреспондентов [5, л.251].

Обмен литературой шел через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), через Бюро книжного обмена при Академии наук, и через объединенное Бюро информации, специально для этого созданное при ЦИК СССР. В мае 1924 г. Бюро информации направило в научные общества города анкеты с вопросами, касающимися их международных контактов. Например, «с какими странами, научными и общественными организациями за границей Вы уже установили связь, и в чем она выражается», «с какими органами печати за границей Вы связаны в данный момент» [6, л.8] и т.п.

Иногда контакты такого рода устанавливались при помощи дипломатических учреждений. Так, в апреле 1924 г., еще до установления дипломатических отношений, Общество натуралистов, Географическое и Минералогическое общества ответили согласием на просьбу Дипломатического полномочного представительства Китайской республики при СССР в Москве «производить периодический обмен своими изданиями с Китайским Геологическим Управлением» [7, л.52].

Командировки членов научных обществ Петрограда-Ленинграда за границу для налаживания обмена изданиями, для установления контактов с обществами и учреждениями, для участия в конференциях, съездах, и юбилейных торжествах, а также командировки в иностранные музеях, архивы и библиотеки были еще одной формой международных научных контактов. Так представители обществ города побывали в Испании, Египте, Франции, Норвегии, Германии, Польше, Италии, Англии. Заявки на командировки принимались личные, хотя запросы о них направлялись в научные общества.

Власть понимала важность таких поездок, но требовала от обществ подробных планов работ командированных ученых, т.к. часто все расходы оплачивались государством, однако за границу ездили и за свой счет.

По мнению отечественного историка Д.А. Александрова, поездки ученых за границу и приглашение иностранных ученых в большевистскую Россию считались важным элементом дипломатической активности для укрепления престижа нового правительства на международной арене [1, с.11].

Иностранные ученые тоже специально приезжали в Петроград-Ленинград для работы в музеях и библиотеках, в том числе и научных обществ, выступали с докладами на их заседаниях, консультировались перед научными поездками в СССР. В составе научных обществ Петрограда-Ленинграда было не мало иностранцев – в минералогическом обществе к 1923 г. их было 124 человека (44 почетных и 80 действи-

тельных членов) [4, л.43]. Это тоже способствовало упрочению международных научных связей, причем число иностранцев в составе обществ увеличивалось. Так, в 1922 г. в Энтомологическом обществе состоял 61 иностранец (12 почетных и 49 действительных членов) [8, л.131об], а к началу 1930 г. их было уже 83 человека (10 почетных и 73 действительных) [5, л.175].

Симптоматично, что членами научных обществ города состояли и «бывшие русские, теперь иностранцы». Например, в Ленинградском обществе исследователей культуры финно-угорских народностей — иностранными членами из Финляндии были В.П. Крохин и М.И. Тальгрэн [9, л.4об].

Общества выступали и как защитники авторских прав своих членов за границей. Диссертация М.И. Акимова, члена Физико-Математического общества, была переведена на французский язык неким Жеховским, и представлена им к защите как собственная в Парижский университет. При помощи правления Общества удалось добиться от виновника распространения в математических изданиях письма о «восстановление приоритета М.И. Акимова» [10, л.11].

Таким образом, широкие и крепкие международные связи научных обществ Петрограда-Ленинграда в 1920-е гг. во многом способствовали успешному проведению международной политики Советской России.

Библиографический список

1. Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914-1940 // ВИЕТ. 1996. №1. С.3-24.
2. Александров Д.А., Кременцов Н.Л. Опыт путеводителя по неизведанной земле. Предварительный очерк социальной истории советской науки (1917-1950-е гг.) // ВИЕТ. 1989. №3. С.67-80.
3. Известия ВЦИК. 28 января 1928 г.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.2555. Оп.1. Д.630.
5. ЦГА СПб. Ф.2556. Оп.3. Д.93.
6. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.722.
7. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.676.
8. ЦГА СПб. Ф.2555. Оп.1. Д.595.
9. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп.3. Д.54.
10. ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп.3. Д.60.

СОВЕТСКАЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИЯ В КУРСКОЙ БИТВЕ

Как известно, Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.) является не только одним из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, но и одним из ключевых сражений Второй Мировой войны.

Цель работы – проанализировать работу советской истребительной авиации в Курской битве. Для этого нужно решить следующие задачи: во-первых, изучить боевую работу истребительной авиации и оценить ее результаты, во-вторых, изучить тактику истребительной авиации и ее изменение. В этом сражении германское командование рассчитывало вернуть утраченную после Сталинградской битвы стратегическую инициативу в свои руки. Основная ставка немецким руководством делалась на танковые и авиационные соединения.

По количеству истребителей советская авиация превосходила противника в два раза, а общее соотношение сил ВВС составляло 1,5:1 в пользу СССР [2, с. 351].

Материальная часть 2-й, 16-й и 17-й воздушных армий к началу Курской битвы имела достаточно однородный состав. По сравнению с предыдущими годами количество используемых типов самолетов резко сократилось. Основу советской истребительной авиации составляли Як-1б, Як-7б, Ла-5, дополнением к ним были поставляемые по ленд-лизу истребители Р-39 [1, с. 21].

Численный рост ВВС Красной Армии позволил к лету 1943 года не только значительно превзойти люфтваффе по количеству самолетов, но также иметь стабильные по своему составу авиационные группировки практически на всех участках фронта. В связи с этим к началу Курской битвы особую значимость приобрела проблема недостаточной подготовки летного состава [1, с. 23].

Для летчиков битва под Курском началась намного раньше, чем для наземных войск. В частности, истребители боролись с вражескими бомбардировщиками, которые проводили тщательную разведку, а также наносили бомбовые удары по коммуникациям и объектам, обеспечивающим снабжение Центрального и Воронежского фронтов.

В первые дни битвы распыленность сил снижала эффективность советских налетов, а малочисленность формирований с небольшим количеством истребителей приводила к большим потерям. Плохо было организовано оповещение о налетах противника.

За четыре дня боев обе стороны потеряли не менее 500 самолетов каждая. 9 и 10 июля люфтваффе еще удерживали господство в воздухе, выполняя в среднем по 2500 самолето-вылетов в день. Но уже с 11 июля число боевых вылетов немецких ВВС начало постепенно уменьшаться. Германия просто не в состоянии была вести воздушную войну такого характера — убыль вышеупомянутого количества самолетов ее промышленность не могла восполнить [2, с. 359-360]. С завоеванием господства в воздухе наши наземные войска стали надежно прикрываться от ударов военно-воздушных сил противника. Были созданы благоприятные условия для успешных боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации [4, с. 59].

12 июля началось контрнаступление советских войск на орловском направлении, а 3 августа — на белгородско-харьковском направлении. Для участия в операциях командование привлекло 1, 2, 5, 15-ю и 16-ю воздушные армии, а также значительные силы АДД. С целью увеличения количества боевых вылетов и времени нахождения над целью, советские истребители базировались на аэродромах в 40—50 км от фронта. За период с 12 июля по 23 августа 1943 года советская авиация произвела рекордное число самолето-вылетов — около 90 тысяч. Для сравнения, в ходе контрнаступления под Сталинградом самолеты СССР выполнили за два с лишним месяца около 36 тысяч боевых вылетов. Важнейшей задачей являлось уничтожение истребителей и бомбардировщиков противника в воздухе и на земле.

В битве под Курском шло дальнейшее совершенствование тактики родов авиации. Тактика действий истребительной авиации обрела свою окончательную форму. Боевые порядки «Яков» и «Лавочкиных», эшелонированные по высоте («Правильно строить боевой порядок, эшелонируя его по высоте» призывала инструкция [3]), стали делиться на группы различного назначения. Не менее половины всех сил включалась в ударную группу. С превышением относительно нее располагалась группа прикрытия, а еще выше находился резерв или группа свободного маневра. Если ударное звено вступило в бой, то истребители прикрытия защищали его от атак противника, особенно с верхней и задней полусферы.

Были усовершенствованы методы ведения группового воздушного боя, широко стал применяться вертикальный маневр. Боевые порядки истребителей эшелонировались по высотам, по фронту и в глубину; были использованы более активные способы борьбы с авиацией противника. Управление истребителями, прикрывающими войска, было перенесено на поле боя. Для этого привлекались радиостанции управления и наведения.

Разгромом под Курском завершилось последнее крупное наступление немецких войск на Восточном фронте. Ни вермахт, ни люфтваффе более не в состоянии были вести значительные наступательные операции. Господство в воздухе было утрачено, однако авиация Германии еще обладала большой силой для оказания ожесточенного сопротивления противнику.

Библиографический список

1. Горбач В. Над Огненной Дугой. Советская авиация в Курской битве, М: Яуза: Эксмо, 2007.
2. Корнюхин Г. В. Советские истребители в Великой Отечественной войне/Спик М. Асы союзников. Смоленск: Русич, 2000.
3. Тактика истребительной авиации ВВС Красной Армии (для служебного пользования), 1943.
4. Тимохович И. В. Советская авиация в битве под Курском. М.: Воениздат, 1959.

Т.А. Коваленко

Самарский государственный университет

МЕРОПРИЯТИЯ ПО СНИЖЕНИЮ СМЕРТНОСТИ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Здравоохранение, являясь органичной частью социальной сферы, выполняет важнейшую функцию по укреплению здоровья населения, предупреждению болезней, снижению заболеваемости, инвалидности и смертности, продлению активного долголетия. В то же время оно оказывает большое влияние на общественное производство, способствуя увеличению трудового потенциала страны и сокращению потерь рабочего времени из-за болезней. Великая Отечественная война нарушила демографический баланс, характерный для мирного времени. Стремительный рост смертности и снижение рождаемости, обусловленный резким ухудшением необходимых для нормальной жизнедеятельности человека условий, повлекли за собой резкое сокращение населения. Непосильный труд, хронический голод, а также болезни и отсутствие элементарной медицинской помощи вызвали повсеместную гибель десятков и сотен тысяч людей в тыловых районах Советского Союза. Учитывая важность задач, решаемых здравоохранением, изучение его развития представляет большой интерес для исследования.

Проблема смертности тылового населения в 1941-1945 гг. на примере Куйбышевской области рассмотрена нами при помощи материалов одного федерального архива – Государственного архива Российской Федерации и двух местных – Центрального государственного архива Самарской области и Самарского областного архива социально-политической истории.

С первых же месяцев войны сотрудники здравоохранения всех уровней подчинили свою деятельность потребностям военного времени. Было установлено наблюдение за санитарно-эпидемическим состоянием городов и сельских районов; оказывалась методическая и оперативная помощь в проведении противоэпидемических мероприятий; осуществлялись подготовка и повышение квалификации медицинских работников; осуществлялся специальный контроль (форма □ 30) за источниками вод; проводились в помощь органам здравоохранения бактериологические, серологические и другие диагностические анализы, а также исследования на бациллоносительство брюшного тифа, дизентерии и дифтерии [1, л.5]. Но несмотря на это, с началом войны уровень смертности резко увеличился. В целом в 1941 г. коэффициент смертности (%) повысился на 14% по сравнению с 1940 г. Уровень смертности оставался очень высоким до конца 1942 г. С конца 1942 – начало 1943 г. показатели смертности снижаются. Уровень смертности населения Куйбышевской области в 1943-1945 гг. снизился на 40,2%.

Причинами повышения смертности населения Куйбышевской области в 1941-1942 гг. был рост болезней, прежде всего, экзогенного характера, обусловленных низким уровнем жизни, развалом здравоохранения, ослаблением санитарного контроля: острые и хронические инфекции, болезни органов дыхания, желудочно-кишечные заболевания; ухудшение санитарного состояния и увеличение плотности населения.

Наиболее неблагоприятным годом по заболеваемости инфекционными заболеваниями стал 1942 г., что объяснялось наиболее интенсивной миграцией населения, колоссальным притоком в область и расселении при недостаточном жилом фонде в явно неудовлетворительной санитарной обстановке. Падение заболеваемости не являлось следствием стойко обусловленного санитарного благополучия, а достигнуто было благодаря проведению противоэпидемических мероприятий всей сетью эпидемиологических организаций.

Основным фактором снижения смертности тылового населения в 1943-1945 гг. стала система государственных мероприятий по форсированному развитию здравоохранения и предельному ужесточению санитарного контроля. Большую роль в этом сыграли Постановление

СНК РСФСР □ 117 от 3 марта 1944 г. «Об улучшении медицинского обслуживания населения», работа госсанинспекции, назначение государственных премий [2, л.147, 152].

В Куйбышевской области медики стали уделять большое внимание медико-санитарному обслуживанию рабочих предприятий. На оборонных заводах создавались специальные медицинские участки, персонал которых проводил среди рабочих лечебно-профилактические мероприятия и общем санитарном состоянии на предприятиях. В 1945 г. в г. Куйбышеве действовало 11 медицинских участков при оборонных заводах, вместо 2 в 1942 г.

В г. Куйбышеве успешно работал институт охраны материнства и детства. За годы войны в нем прошло лечение 23281 больных, принято 5763 родов, сделано 6898 операций. Улучшились качественные показатели: летальность по женскому сектору снизилась на 1,1% в 1942 г. до 0,97% в 1944 г. Особых успехов добился институт в снижении смертности среди новорожденных с 25% в 1942 г. до 3% в 1944 г. По этому показателю он стоял на одном из первых мест в СССР [3, л.30].

На борьбу с инфекционными заболеваниями была мобилизована вся лечебно-профилактическая сеть здравоохранения, а также научно-исследовательский и медицинский институты. Методами пресечения развития эпидемий являлись своевременная и полная госпитализация не только инфекционных, но и лихорадящих больных с неясным диагнозом; своевременная ликвидация и повторные обработки очагов заболеваний, проведение квалифицированной дезинфекции и дезинсекции.

Таким образом, в 1943-1945 гг. в структуре смертности населения произошло перераспределение экзогенных и эндогенных причин в пользу последних, что, в конечном счете, вело к сокращению общих показателей смертности. Главную роль в этом сыграло восстановление системы здравоохранения СССР.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф. 4082. ОП. 1. Д. 130. Л. 5.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. ОП. 6. Л. 147, 152.
3. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. ОП. 37. Д. 502. Л. 30.

КАДРЫ СВЯЗИСТОВ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)

В данной статье на основе изучения материалов местных архивов кратко рассматриваются основные проблемы формирования штата связистов в регионе в 1941-1945 гг.

Анализ документов показал: в условиях войны предприятия связи области постоянно испытывали нехватку квалифицированных кадров. В 1941 г. число штатных связистов Куйбышевского областного управления Наркомата связи сократилось более чем на 25% (из них квалифицированных работников уменьшилось на 1262 человека [1, л.36 об]). В начале войны область приняла 176 связистов, эвакуированных из западных районов страны, из них квалифицированных работников – 69 [1, л.36 об].

Обязанности связистов значительно расширились. Они обеспечивали бесперебойной связью армию, флот, аппарат государственного управления и население страны; контролировали прохождение всех почтовых отправок через органы военной цензуры; организовывали пункты приема посылок для бойцов Красной Армии и ВМФ; боролись с хищениями почтовых отправок; контролировали сроки прохождения почтовых отправок и телеграмм. Директива от 17 мая 1941 г. [2, л.280-283] требовала, чтобы личный состав органов связи в любое время и в любой обстановке был готов к работе.

По путевкам местных партийных и комсомольских органов на обучение в Наркомат связи направлялись юноши в возрасте от 17 лет со средним образованием. Как свидетельствуют документы, 13 сентября 1941 г. начали работать первые курсы связистов-телеграфистов, на которых освоили новую профессию 350 комсомольцев [3, л. 9]. Эти меры позволили увеличить штаты в выделенных предприятиях связи и некоторых городских и районных конторах связи. Однако не хватало квалифицированных кадров в сельских районных конторах (инженеров, техников, бодистов, сортировщиков [1, л.36 об]).

В начале 1942 г. штат связистов Куйбышевской области увеличился на 15% по сравнению с 1941 г. Основную долю работников составляли женщины. Если до войны на местных предприятиях связи работало около 55% женщин, то в 1941-1945 гг. – 78%. Они трудились в службе пожарной охраны, ремонтных мастерских, в постовой охране в долж-

ности стрелков, а также заготавливали дрова к отопительному сезону для предприятий связи.

Штат связистов пополнялся выпускниками школ ФЗО и путем индивидуально-бригадного ученичества. С января 1942 г. при Куйбышевском центральном телеграфе обучали бодистов, надсмотрщиков, при железнодорожном отделении – сортировщиков [4, л.30-31]. В последующем часть из них Наркомат связи направил на работу в освобожденные от оккупации районы [5, л.147]. Подготовка кадров связистов проходила и при городской телефонной станции [6, л.7], где обучали бодистов, телефонисток аппарата СТ-35, радиооператоров, кредитов [7, л.8].

В начале 1943 г. в связи Указом Народного Комиссариата связи было образовано Ульяновское областное управление Наркомата связи [8, л. 1], в подчинение которого областное управление Наркомата связи передало 1775 связистов [9, л. 113-113 об]. Таким образом, штат связистов региона сократился на 29%. В течение указанного года дополнительно были эвакуированы 384 человека, 126 – направлены в освобожденные районы страны [10, л. 141-142].

На 1 января 1944 г. штат связистов Куйбышевской области составлял 4896 человек [10, л. 121-122], при среднегодовом некомплекте в 166 человек [5, л. 146]. Средний возраст связистов в 1944 г. составлял 28,2 года: в возрасте до 14 лет – 26 человек, 14-17 лет – 1067, 18-35 лет – 2362, 36-54 лет – 1018, 55 и старше – 184 [5, л. 148-149]. Более 60% связистов не имели достаточного опыта работы и неоднократно получали выговоры за нарушение инструкций.

В 1945 г. местные предприятия связи, потерявшие за небольшой период времени основной состав своих сотрудников, приняли на работу 102 связиста, демобилизованных из рядов Красной Армии. Кроме этого, в сферу связи пришли 109 выпускников ремесленного училища связи □ 8 по профессиям надсмотрщик городской телефонной станции, механик центрального телеграфа, радиооператор [11, л. 3]. Так, на 1 января 1946 г. в Куйбышевской области работало 4207 связистов (две трети из них женщины).

Таким образом, в 1941-1945 гг. штаты местных предприятий связи комплектовались за счет вольнонаемных женщин, выпусков школ ФЗО, юношей, прошедших курсы связистов-телеграфистов и за счет мобилизаций связистов из других регионов страны. Для повышения уровня общей и профессиональной подготовки сотрудников областное управление Наркомата связи регулярно организовывал курсы подготовки и переподготовки состава.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 19.
2. ЦГАСО. Ф. Р-2964. Оп. 1. Д. 3.
3. ЦГАСО. Ф. Р-2039. Оп. 2. Д. 4.
4. СОГАСПИ.Ф-656. Оп. 33. Д. 238.
5. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 49.
6. ЦГАСО Ф. Р-2058. Оп. 4. Д. 7.
7. ЦГАСО Ф. Р-2329. Оп. 5. Д. 3.
8. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 41.
9. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 23.
10. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 6. Д. 34.
11. ЦГАСО Ф. Р-2039. Оп. 9. Д. 2.

И.В. Пономаренко

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

Внезапное нападение фашистской Германии на Советский союз поставило перед Ульяновской областью, как и перед всей страной, сложные и тяжелые задачи, которые необходимо было решать в самые сжатые сроки, чтобы выжить, выстоять и обеспечить отпор врагу.

С первых дней войны промышленные предприятия стали перестраиваться на выпуск продукции для фронта. Промышленные предприятия размещались главным образом в Ульяновске, Барышском, Инзенском и Мелекесском районах. Промышленный потенциал области, составляли 69 предприятий союзного значения, 43 предприятия республиканского и 45 предприятий областного значения [1, с. 9].

Являясь глубоким тылом, Ульяновск и Ульяновская область (согласно приказу Президиума Верховного Совета СССР от 19 января 1943 года) стало местом размещения промышленных предприятий. Большинство предприятий эвакуировалось согласно принятому ЦК ВКП(б) и СНК СССР 16 августа 1941 г. «Военно-хозяйственному плану на 4 квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [4, с. 1].

Первым эвакуированным предприятием стала чулочно-трикотажная фабрика им. КИМ из Витебска. Ее оборудование и 352 рабочих стали прибывать в город с 13 июля 1941г. Фабрика начала работать 25 сентября 1941 года и выпускала теплое армейское белье и брезентовые мешочки для штатных узлов минометов.

На базе НИИ-12, Ленинградского приборостроительного завода № 278 и Вяземского приборостроительного завода № 149 был создан Ульяновский приборостроительный завод № 280 [3, с. 1]. К концу 1941г. были выпущены первые авиаприборы – жидкостные компасы и центробежные тахометры. Всего за годы войны было изготовлено 300 тысяч авиаприборов 15 типов. С мая 1942 года начал работу завод «Электропускатель» из города Харькова, которые с середины 1942 года стал выпускать комплектующие детали для «Катюш».

В декабре 1941 года появляется «Ульяновский завод контрольно-измерительных приборов». Он образовался в результате слияния киевского завода («КИП») и московского («МОСКИП»), которые прибили в Ульяновск августе 1941 года. С марта 1942 года завод изготовлял штатный прицел МП-82 УС к миномету. Завод курировало Главное артиллерийское управление Красной Армии.

Самым крупным эвакуированным предприятием стал автомобильный завод имени Сталина из Москвы. К осени 1941 года в связи с угрозой, нависшей над столицей, было принято решение о полной эвакуации завода. 20 октября 1941 года в город прибыли руководители и работники будущего Ульяновского автозавода. Поступающее оборудование первоначально размещалось на складах Государственного Таможенного Управления. Они представляли собой дощатые и кирпичные строения барачного типа, расположенные вдоль двух железнодорожных веток в Киндяковке. Эшелоны из Москвы прибывали с интервалами в 2-3 часа. Разгрузка велась в днем, и ночью, бригады работали по 12 часов, большая часть многотонных машин была выгружена и доставлена в большие пакгаузы вручную – при помощи стальных листов, деревянных катков, тросов и веревок. К перечисленным трудностям прибавилась необычно ранняя и суровая зима 1941 года – в конце октября выпал снег, а в ноябре морозы уже достигали 45 градусов ниже нуля.

В начале 1942 года началось строительство новых корпусов в Засвижье. Были использованы расположенные в том же районе недостроенные цеха завода авиационной промышленности. 15 мая 1942 года приказом директора завода было объявлено: «Считать действующими следующие цеха автозавода: МСЦ-1, МСЦ-2 (механосборочные), цех нормалей, ЦСИА (цех сборки и испытания автомобилей), инструмен-

тальные первый и второй, термический с отделением металлопокрытий, механомонтажный и железнодорожный». В апреле 1942 г. начался выпуск автомашин «ЗИС-5В», в октябре того же года завод выпускал уже по 80-100 машин в сутки. В 1943 году удалось собрать 4,2 тысячи автомашин «ЗИС-5В» и несколько сотен трехосных грузовиков вездеходов «СТУДЕБЕКЕР-ЮС6-62» из деталей поставленных из Америки по ленд-лизу [5, с. 1]. Кроме этого завод выпускал газогенераторные установки к автомашинам «ЗИС-31», запчасти, детали и заготовки для снарядов и мин. 1 мая 1944 года был собран первый образец отечественного дизельного грузовика УАЗ -253. В 1944 году работа завода за смену превысила 160% [5, с. 83].

Благодаря эвакуации ряда научных учреждений в Ульяновске сконцентрировался значительный интеллектуальный потенциал. Предприятия города испытывали острый недостаток в рабочей силе. [6, с.11]. Так в 1942 году дефицит кадров составил 8 тысяч человек. Подготовить специалистов удалось с помощью ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения. За 1942 год в городе было подготовлено около 16 тысяч молодых рабочих [2].

Быстрое размещение и восстановление эвакуированного оборудования позволили в тяжелейших условиях наладить производство продукции на вновь построенных предприятиях и поставить ее фронту.

Библиографический список

1. Ефимов Ю.Д., Лосева В.И. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны: Очерк-справочник. Ульяновск, 1995.
2. Журавлев С. Работайте по фронтовому // Голос Ударника. 1943. 26 февраля.
3. Областное государственное учреждение. Государственный архив Ульяновской области (ОГУ ГАУО). Ф.Р.-3911. Оп. 1. Д. 137.
4. Центр документации новейшей истории Ульяновской области Ф.8. Оп. 1. Д. 1а.
5. Центр документации новейшей истории Ульяновской области Ф.8. Оп. 1. Д. 83.
6. Центр документации новейшей истории Ульяновской области Ф. 8. Оп. 1. Д. 359.
7. Центр документации новейшей истории Ульяновской области Ф. 13. Оп. 1. Д. 2028.

**ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОБЩЕЖИТИЙ РАБОТНИКАМ ПРЕДПРИЯТИЙ
НЕФТЯНОЙ И ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАК СПОСОБ РЕШЕНИЯ
ЖИЛИЩНОГО ВОПРОСА В 1960-Е – НАЧАЛЕ 1970-Х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ БАССР)**

Сегодня большинство населения страны обеспечено собственными квартирами или же небольшой площадью. На повестке дня – приватизация имеющейся собственности. В тоже время актуальность получения места в общежитии, характерная для советского времени, постепенно перестает быть жизненно важной для россиян.

Необходимость наличия коллективного жилья встает перед учебными заведениями, государственными учреждениями и промышленными предприятиями, которые испытывают кадровый голод. Последние используют его как льготу новым работникам: ООО «Башкирская медь» при запуске новой очереди обогатительной фабрики в селе Акъяр Хайбуллинского района РБ строит новое рабочее общежитие. Другим примером служит Уфимское моторостроительное производственное объединение: в 2006 году семьям сотрудников, проживающих в общежитии на площади менее 5 кв.метров, предоставили возможность платить за услуги по сниженной цене [1]. Содержание общежитий входит в сферу социальных проблем ОАО «Башкирэнерго» [2, с.207].

Перечисленные примеры заставляют задуматься об интереснейшем опыте промышленности в решении, пожалуй, одного из важнейших вопросов XX века – жилищного. Ими создавался и развивался собственный жилой фонд, коммунальные и бытовые службы. Использование общежитий, как и предоставление квартир, явилось одной из попыток предоставления людям необходимых условий жизни. Рассмотрение особенностей их работы, проживания в них заводчан представляет несомненный интерес и является целью данной статьи.

В изучаемый период промышленные предприятия продолжают участвовать в реализации государственной жилищной политики. Строятся индивидуальные жилые дома, ведомственное и кооперативное жилье, общежития. Последние, как правило, предназначаются социально незащищенным слоям населения. Вектор этому процессу задавали съезды КПСС: директивы XXIV съезда КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 года) предписывали расширение студенческих общежитий [3, с.78].

Улучшением функционирования сети молодежных общежитий предприятий и организаций предполагалось заниматься и по итогам XXVI съезда (23 февраля – 3 марта 1981 года) [4, с.89].

Принятые решения, впоследствии, реализовывались в постановлениях Совета Министров СССР, ВЦСПС, отраслевых и областных советов профсоюзов. Их рассмотрение показывает, что перед промышленностью ставились следующие задачи: создание новых мест коллективного проживания и совершенствование условий в них. Естественно, их реализация осуществлялась в соответствии с уже накопленным опытом – использованием государственных средств и собственных фондов. За счет них строились новые дома, в том числе – общежития. Правда, их строительство к изучаемому периоду уже не ведется так масштабно: одно – два общежития за пятилетие, при этом затрачивались значительные средства. Например, НПУ «Ишимбайнефть» в 1968 году в Кумертау за счет нецентрализованных источников построило общежитие на 37 мест, стоимостью 50 тысяч рублей [5, л.12]. Трест «Туймазабурнефть» в 1969 году профинансировал строительство дома под общежитие в Хазино за 45 тыс. рублей, строительство общежития в Нефтекамске стоимостью 60 тыс. рублей. [5, л. 10].

Совершенствование условий проживания в общежитиях осуществлялось в нескольких формах. Это, прежде всего, проведение капитального ремонта, улучшение материального обеспечения. Предприятия, таким образом, вкладывали средства в поддержание имеющейся инфраструктуры в надлежащем виде. Особенно яркое выражение это находило в свете предстоящих проверок упомянутых выше директивных указаний. Например, Нефтепромысловое управление «Арланнефть» в 1969 году имело 3 общежития общей жилой площадью 4190 кв.м., рассчитанные на 684 койко-мест. Затраты на капитальный ремонт в них суммарно составили 64,4 тыс. рублей. [5, л.6]. На балансе НПУ «Октябрьскнефть» состояло одно общежитие в поселке Серафимовский жилой площадью 420 м2, рассчитанное на 100 койко-мест. Были капитально отремонтированы наружный фасад и крыша, внутренний ремонт намечался на 1 квартал 1970 года. [5, л.8].

Интересным вопросом является быт заводчан в общежитиях. За собственный счет и на средства предприятия они обеспечивались довольно многим. Им создавались общие приемлемые условия проживания, проводилась воспитательная работа. Правда, необходимо сделать оговорку – несмотря на успехи, существовали и серьезные недостатки материального и бытового плана: не весь инвентарь был в исправном состоянии, отсутствовали помещения, необходимые для повседневной жизни. Тем не менее, были достигнуты и успехи: так, завод РТИ имел

собственное общежитие на 120 мест. Оно было обеспечено мягким и жестким инвентарем. Имелась «ленинская» общая комната досуга. Выписывались периодические издания, имелся телевизор, радиоприемник и настольные игры. В нем был проведен текущий и освещающий ремонт. Несмотря на все это, в общежитии отсутствовали буфет, библиотека, прачечная, комната для учебных занятий, пункт проката спортивного инвентаря. [5, л.34].

Общежитие □ 1 Стерлитамакского содово-цементного комбината имело собственную буфет-столовую, оборудованный красный уголок, теннисную и волейбольную площадки. В тоже время в инвентаре не доставало 10 столов и 30 стульев, репродукторов, зеркал, музыкальных инструментов [5, л.110].

Большое внимание на предприятиях уделялось воспитательной работе в общежитиях. Основными формами ее были собрания, беседы, встречи. Предприятия понимали, насколько важно уделять внимание досугу для того, чтобы рабочие испытывали комфорт. Поэтому комсомольскими ячейками, профсоюзными секторами, наконец, Советами общежитий формировалась программа, которая осуществлялась на местах. Так, Советы общежитий Уфимского завода синтетического спирта совместно с комсомолом в 1969 году проводили вечера молодежи, литературные вечера, диспуты, викторины, лекции, встречи с ветеранами, писателями, представителями учебных заведений [5, л.89]. В общежитиях Ново-Уфимского нефтеперерабатывающего завода для проживающих были прочитаны лекции «О Ленине», «50-летие Башкирии» [5, л.104].

По имеющимся данным можно констатировать, что значительная часть промышленных предприятий брали на себя часть функций государства в решении жилищного вопроса. Коллективное жилье выступало одной из форм такого решения. Однако к изучаемому периоду оно строилось в небольших количествах и оставалось дефицитным. В то же время, расширяется работа по совершенствованию условий проживания в общежитиях. В старых зданиях проводится капитальный ремонт, несколько улучшается материальное оснащение. Предприятия выделяют средства на покупку нового инвентаря, осуществляют меры по улучшению досуга. При этом бытовые условия оставались еще далеки от идеальных, а в большинстве случаев отсутствовали даже элементарные удобства. Вследствие этого предприятия все активнее используют свои ресурсы, а также государственные и кооперативные средства для создания благоустроенных квартир.

Библиографический список

1. Рахимкулов Е., Сабирова Э. В Хайбуллинском районе открыли новую обогатительную фабрику // ИА «Башинформ» [Электронный ресурс] <http://www.bashinform.ru/news/371422/>; Колоколова Л. Плата за проживание в общежитиях «УМПО» снижена // ИА «Башинформ» <http://www.bashinform.ru/news/116372>.
2. Башкирэнерго: этапы, события, люди / Авт. сост. М.А. Филимонов, Ю.А. Ковшов. Уфа: Талер, 2000.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.12. 1971-1975. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1986.
4. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.14. 1981-1984. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1987.
5. ГКУ РБ ЦАОО РБ. Ф.8941. Оп.1. Д.718.

К.А. Абросимова

Тольяттинский государственный университет

МЕСТНАЯ ПЕЧАТЬ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА КУЙБЫШЕВСКОЙ ГЭС (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ГИДРОСТРОИТЕЛЬ»)

21 августа 1950 г. Совет министров СССР принял постановление «О строительстве Куйбышевской ГЭС на реке Волге».

Со строительством Куйбышевской ГЭС связано возникновение многотиражного издания – газеты «Гидростроитель». Главная задача, которая ставилась перед новым печатным органом освещать ход строительства, жизнь людей на стройке, обеспечить мобилизацию и сплочение коллектива строителей. В отличие от центральных и областных газет, освещавших общее положение дел на ГЭС, газета «Гидростроитель» была оперативным и быстродействующим органом, своевременно отражающим конкретные случаи на стройке.

Первоначально газета создавалась как тематическая для строителей и являлась закрытым изданием. Издателем газеты до 13 августа 1953 г. выступал политотдел МВД. Позднее издателем становится партийный комитет стройки. Снимается гриф «За пределами строительства не распространяется», что было связано с переходом строительства из ведения МВД в подчинение Министерству электростанций [1, с. 101]. Газета начинает выполнять функцию общегородской и появляются публикации на совершенно новую тему – формирование и развитие города.

Помимо членов редакции большую работу по освещению строительства проводили рабкоры. Это были рабочие, служащие, партийного, профессионального и комсомольского актива [2, л. 70].

В первые годы существования газеты сложилась ее структура. В газете выделялось несколько основных разделов – партийная жизнь, по нашей стройке, люди нашей стройки, по следам наших выступлений, письма в редакцию, неопубликованные письма.

Важнейшее место в газете уделялось передовице, которой отводилась роль проводника партийной линии государства. Важность, грандиозность события подчеркивали эпитеты, применяемые к происходящим событиям: великая стройка, великое сооружение сталинской эпохи, стройка эпохи коммунизма. Об этом говорит и название передовиц: «Сдержим слово, данное великому Сталину», «Сегодня на великой стройке» и т.п. Ежегодно печатались передовицы, посвященные очередной годовщине начала строительства ГЭС.

Газета отражала жизнь стройки, так как она есть – вместе с ее недостатками и успехами. На ее страницах не боялись смело обсуждать проблемы в работе строителей и искать пути их решения. Поэтому газете были присущи такие литературные жанры как фельетон и стихотворения. Страницы газеты живо передают быт и условия, в которых приходилось работать строителям.

Управление строительством ГЭС всемерно добивалось подъема производительности труда путем испытанного метода строительства коммунизма – социалистического соревнования. Перед газетой Куйбышевским обкомом партии была поставлена главная задача «быть боевым органом партийной организации стройки, мобилизовать коллектив на успешное выполнение задания правительства» [3, с. 58]. Таким образом, в жизнь проводилась ленинская идея о роли газеты как главного пропагандиста, агитатора, организатора.

Органы власти и печати находились в постоянном взаимодействии. На заседаниях исполкомов Районного и Городского советов нередко обсуждались газетные статьи, письма читателей, определялись меры устранения недостатков. Также газета публиковала принятые решения, постановления местных и центральных органов власти.

Проведенное исследование показало, что «Гидростроитель» служил средством идеологического воздействия, пропаганды, она был призвана оперативно информировать население обо всех наиболее важных событиях строительства и жизни строителей, но вопрос об участии заключенных в строительстве был закрыт для страниц печати. Газета смело поднимала вопросы выполнения плана строительства, успехи и недостатки в его реализации, вопросы организации жизни и труда строителей.

Библиографический список

1. Иванова Л.В. История журналистики Самарской области: учеб. пособие. Тольятти: ТГУ, 2006.
2. Гидростроитель. 1954 // Управление по делам архивов г.о. Тольятти. Ф. Р-18. Оп. 1.Д. 248.
3. Фролов Н.Р. В Жигулях на перевале века (Записки редактора много-тиражной газеты о строительстве Волжской ГЭС им. В.И. Ленина). Куйбышев: Куйбышевское книжное издание, 1990.

А.Р. Багаутдинова

*Самарский государственный
экономический университет*

КРУПНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В НОВОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ: ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

На рубеже 1980-1990-х гг. начался переход экономики страны на рыночные рельсы, изменение механизмов ее управления. Государство, которое до этого времени обладало исключительным правом на принятие экономических решений и монополией на производственные ресурсы, отказалось от прямого вмешательства в работу предприятий, тем самым сложив с себя управленческие функции в экономике. В частности, отказ государства от управленческих функций в экономике происходил через издание ряда нормативно-правовых документов. Основные из них, законы «Об индивидуальной деятельности» (принят в ноябре 1986 г.), «О государственном предприятии» (июнь 1987 г.), «О кооперации в СССР» (май 1988 г.), Постановление Совета Министров СССР от 18 декабря 1987 г. N 1428 «О переводе предприятий и организаций системы Госагропрома СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование», «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» и т.д.

В этих условиях встала необходимость создания новых механизмов управления народным хозяйством. Этими механизмами стали, прежде всего, официальные финансово-промышленные группы (ФПГ) и холдинги или «интегрированные бизнес группы» (ИБГ). Статус «официальных» ФПГ получили, т. к. термин «финансово-промышленные группы» был закреплен специальным федеральным законодательством, в отличие от термина «интегрированные бизнес группы». Это понятие

введено экономистами Адашевой С. В., Балюкевичем В.П., Горбачевым А.В. Дементьевым В.Е., Паппэ Я.Ш. в работе «Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках» (М.: ТЕИС, 2000).

Основное отличие между официальными ФПГ и ИБГ состоит степени жесткости законодательного регулирования. Нормативно-правовая база ФПГ предполагала определенную разделенность собственности и управления в компаниях, прозрачность финансовых потоков и распределительных схем. В этой связи следует сказать, что в 2007 г. правительство отменило корневой закон о ФПГ — закон «О финансово-промышленных группах» — тем самым прекратив действие сопряженного с ним законодательства, существовавшего с 1993 г. Закон был отменен, «в целях прекращения избыточного государственного регулирования финансово-промышленных групп». Кроме того, по мнению государства, его положения во многом носили декларативный характер, а наибольшее распространение в стране получили холдинговые компании [1].

Прекращение действия правовой базы ФПГ не означало автоматическую ликвидацию уже созданных групп. Их работа сейчас регулируется не только в рамках гражданского законодательства, но и отмененными положениями [2, с. 130–131].

В исторической литературе роль государства в формировании нового механизма управления народным хозяйством практически не изучена. В научной юридической и экономической литературе помощь государства официальным ФПГ и соответствующая нормативно-правовая база оцениваются по разному: от положительной оценки [3, с. 121], до точки зрения, согласно которой соответствующее законодательство нуждалось в существенной доработке, а меры государственной поддержки были недостаточными для эффективного развития экономики страны, этот вывод разделяют большинство исследователей [4]. Тем не менее законодательство о ФПГ определило принципиальные взаимоотношения крупного бизнеса с государством, создало правовую основу практического решения ряда вопросов, обеспечило благоприятный инвестиционный, таможенный и налоговый режимы для крупного бизнеса, способствовало развитию крупных корпоративных образований.

Большая часть крупных предприятий Самарской области, после приватизации, вошли в интегрированные бизнес группы. Это такие предприятия как «КуйбышевнефтеОргСинтез» («Куйбышевский НПЗ», «Сызранский НПЗ», «Самаранефтехимпроект»), «Новокуйбышевский НПЗ», «Самаранефтегаз», «Самаранефтепродукт», которые входили в «НК «ЮКОС»» — нефтяной холдинг, подконтрольный Михаилу Ходорковскому.

Самарский металлургический завод, «Авиакор-Авиационный завод» (входит в холдинг «Русские машины», объединяющий машиностроительные активы группы «Базовый элемент»), предприятие «Гидроавтоматика» входило в Объединенную компанию Сибирский алюминий, переименованную в «Базовый элемент», подконтрольный Олегу Дерипаске. «Тольяттикаучук» и «Новокуйбышевская нефтехимическая компания» входили в «Сибур Холдинг», крупнейший нефтехимический холдинг России и Восточной Европы.

Самарских заводов, входивших в официальные ФПГ, значительно меньше. Это одно из крупнейших предприятий региона «АвтоВАЗ», интегрированное в финансово-промышленную группу «Волжско-Камская», указом Президента РФ от 2.11.1994 г. □2057 «О создании ФПГ с участием АО «АвтоВАЗ» и «КамАЗ», и заводы «Моторостроитель», «Металлист-Самара», СНТК им.Н.Д.Кузнецова, входившие в ФПГ «Двигатели НК».

Библиографический список

1. О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах [Электронный ресурс]: Федеральный закон N 115 от 22 июня 2007 г. <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/158357/#review> (проверено 22.10. 2011)
2. Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги. Финансово-промышленные группы, простые товарищества. М. 2010, С. 130-131.
3. Коган Э. Финансово-промышленные группы в России // Закон. 1999. №8.
4. Батчиков С. Петров Ю. Формирование финансово-промышленных групп и государство // Российский экономический журнал. 1995; Винслав Ю. Отечественные финансово-промышленные группы: достигнутые рубежи и задачи развития // Российский экономический журнал. 1997. №9 и т.д.

СЕКЦИЯ II. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

С.С. Кочережко

Самарский государственный экономический университет

ДВОРЯНСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ УЧАСТИЯ КРЕСТЬЯН В ПУГАЧЕВСКОМ ВОССТАНИИ 1773-1775 гг.

Пугачевское восстание 1773-1775 гг. стало крупнейшим потрясением для Российской империи в целом и для ее господствующего слоя – дворянского сословия – в частности. Дворянские мемуары содержат рассказы о иногда почти паническом ужасе, который возникал только при упоминании имени Пугачева. У этих чувств было обоснование: дворяне видели как с приближением пугачевцев спокойные и консервативно настроенные в обычных условиях крестьяне принимались жестоко расправляться со своими помещиками. Эти события не могли не заставить дворян задуматься о причинах перехода крестьян на сторону пугачевцев. Дворянские объяснения поддержки «пугачевщины» крепостным крестьянством и стало предметом исследования в данной статье.

В основу исследования положено изучение обширного комплекса опубликованных и архивных (хранящихся в РГАДА и ОР РГБ) источников, среди которых преобладали делопроизводственные материалы (официально-деловая переписка) и источники личного происхождения (частная переписка, мемуары, дневники). Было проанализировано около 900 писем (в основном официальная переписка), 20 мемуаров и воспоминаний, а также 2 государственных проекта. Всего 161 автор, причем все они были свидетелями восстания и создали указанные источники либо в ходе «пугачевщины», либо позже нее (изучались мемуары, написанные не позже войны 1812 г., которая признается рубежом в развитии дворянского сознания). Среди них было выделено 33 автора, позиция которых может быть реконструирована наиболее полно силу количества и содержания сохранившихся созданных ими документов.

Почти все историки в один голос утверждают, что важнейшей причиной перехода крестьян на сторону пугачевцев было наличие крепостной зависимости и бесправное положение крестьянства. Но дворяне, ставшие очевидцами восстания 1773-1775 гг., настойчиво избегали

упоминания крепостного права в качестве причины поддержки Пугачева крестьянами, хотя при этом почти все признавали либо наличие крестьянско-дворянского конфликта в восстании, либо прямо называя этот конфликт главным для всего «бунта» (из 33 авторов семеро подчеркивали, что содержанием «пугачевщины» было выступление крестьян против именно дворян-помещиков, а не дворянства как социальной группы в целом).

Во всем множестве и разнообразии дворянских объяснений поддержки крестьянами пугачевцев можно выделить две составные части. Первую можно условно назвать механизмами перехода крестьян на сторону пугачевцев (выражаясь языком исторической науки, поводами), а вторую – причинами.

1. Механизмов, т.е. внешних каналов, в результате воздействия которых крестьянство становилось приверженным пугачевцам, дворяне обычно называли два. Во-первых, пугачевская агитация – распространение манифестов «императора Петра Федоровича» среди крестьян. Во-вторых, специально созданная дворянами конструкция «дух бунта», которая подразумевала появление у крестьян веры в возможность выступления против господ и «местных начальств». По мнению дворян, в спокойное время такая вера для подавляющей части крестьян не характерна, но она легко и быстро распространяется среди них во время восстания при двух условиях: при слухах о приближении пугачевцев и о слабости местной власти. Наличие двух этих слухов мгновенно превращает основную массу крестьян (легко внушаемых, по мнению дворянства) в бунтовщиков. Наиболее яркие примеры использования конструкции «дух бунта» содержат в себе письма А.И. Бибикова, П.И. Панина и А.Т. Болотова [1, стб. 377].

2. Что касается причин, т.е. не внешних, а внутренних, более глубоких, нежели поводы, факторов, толкавших крестьян к переходу на сторону бунтовщиков, то дворяне выдвинули целый букет этих причин, тщательно обойдя экономические моменты. Дворяне называли в этом качестве «легковерность» и «темность» крестьянского сознания, веру крестьян в истинность «Петра III» – Пугачева, страх за свою жизнь, стремление отомстить своим помещикам из-за жестокого обращения, стремление награть и нажиться на восстании. Шагом к более глубокому пониманию причин крестьянских волнений стало признание некоторыми дворянами (П.И. Панин, П.С. Потемкин, А.И. Свечин) неадекватности местной системы исполнительной и судебной власти, пронизанной взяточничеством и пристрастием, что не могло не вызывать мощное недовольство снизу. Наконец, наиболее глубокий взгляд на мотивы крестьянской поддержки пугачевцев изложили только 12 авторов из 161 (по большей части это были должностные лица, не-

посредственно участвовавшие в подавлении восстания). Они признали недовольство крестьян своим социально-экономическим положением и стремление его изменить. Эти авторы выделяли следующее обоснование участия крестьян в «бунте»:

– недовольство слишком тяжелыми податями и повинностями как в пользу помещика, так и в пользу государства и поэтому требовали сократить их или отменить вовсе;

– недовольство неудобным порядком землепользования и вмешательством помещика и управляющих в хозяйственные дела крестьянской общины;

– стремление крестьян перейти из разряда помещичьих в разряд государственных;

– стремление помещичьих крестьян к «воле», понимание которой дворянами иногда выглядит как свобода от несения повинностей, а иногда и как полное освобождение от власти помещика [2, с.86; 3, с.189-190].

Итак, подавляющее большинство авторов вовсе не указывали причины перехода крестьян на сторону бунтовщиков. Среди же тех, кто уделял внимание этому вопросу, лишь немногие признали социально-экономические причины, а большинство ссылались на психологические причины и разложение государственной системы на местах (взяточничество и несправедливое правосудие).

Библиографический список

1. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Т.1. СПб., 1872.
2. Державин Г.Р. Записки (1743-1812). М., 1860. Т.3.
3. Рапорт подпоручика саранской инвалидной команды Иванова Бранду Я.Л. от 4 августа 1774 г. // Пугачевщина. М.-Л., 1930. Т. 2.

Д.С. Михайлов
*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ВОЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКИМ КРАЕМ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В первой половине XIX века в силу особого пограничного положения Оренбургского края, многонационального состава губернии центральные власти учредили здесь особую форму правления, таким образом, что губернией управлял военный губернатор и, подчиненный ему,

гражданский губернатор. Высшее управление краем было под началом оренбургского военного губернатора: «оренбургский военный губернатор управляющий по сей губернии и гражданской частью» [1, л. 1]. Так же, это было связано и с тем, что, будучи военным центром обширного края, Оренбург был преимущественно городом военных, которые составляли в середине XIX века 78 % населения, в то время как гражданское население имело небольшой удельный вес — около 22 % [2, с. 9].

Военный губернатор ведал вопросами управления всего Оренбургского края. Гражданский же губернатор вел дела гражданского управления в пределах Оренбургской губернии. Оба губернатора выполняли свои многочисленные функции с помощью канцелярий. Во главе канцелярии военного губернатора находился правитель, а в состав входили 2 столоначальника, штат писцов и секретарей [3, с. 269]. По закону при военном губернаторе состоял чиновник особых поручений. Он назначался самим губернатором и выполнял текущую работу по военному и гражданскому управлению. Так, например, когда в середине XIX века губернатором края был П.П. Сухтелен, встал вопрос о том, что среди азиатов Оренбургской губернии распространяются венерические заболевания, а лечить иноверцев русским не позволялось, в силу религиозных соображений. Поэтому, состоящий при военном губернаторе чиновник особых поручений есаул князь Максютов, исполняя поручение начальства, опросил башкир о желании изучать медицинские науки и при рапорте от 24 января 1832г. представил список из 31 человека [4, с. 6].

Гражданский губернатор, так же как и военный, осуществлял свои функции через канцелярию. В нее входил один губернский секретарь, 2 советника, протоколист, регистратор, архивариус, шесть канцеляристов и подканцеляристов, переводчик и 12 писцов [5, л. 84].

В целом подбор чиновников в канцелярии военного и гражданского губернаторов представлял серьезную проблему. Грамотные и хорошо подготовленные чиновники с неохотой отправлялись на службу в Оренбургскую губернию, поскольку жалованье здесь было значительно меньше, чем в присутственных местах других регионов России. Да и отдаленность края не привлекала сюда чиновников.

Показательным является пример, который приведен в монографии Е.А. Солонченко. После смерти объездчика Гурьевской таможенной заставы П. Мальчина от него осталось имущество на общую сумму 1 рубль серебром (суконный жилет, пара сапог, старый медный самовар и чайник) [6, с. 92]. Правда, это касалось в основном служащих низшего и среднего звена.

Когда в 1833г. военным губернатором Оренбургского края был назначен В.А. Перовский, он докладывал в Сенат, что среди служащих в

Оренбурге чиновников, он встретил прекрасных работников, но их было недостаточно, для решения сложных задач и исполнения его замыслов [7, с. 137]. Все усложнялось и тем, что «по географическому положению края, отдаленности от центра Империи, бедности городов, обширности уездов» ему было «трудно подбирать хороших чиновников», а плохое качество и недостаток исполнителей имеют следствие «дурной ход дел» [8, л. 3 – 4].

Таким образом, в системе управления Оренбургским краем в первой половине XIX века сложилась особая, по сравнению с внутренними губерниями государства, модель управления. Она предусматривала одновременное неразрывное существование военной и гражданской властей, причем управление гражданскими делами было поставлено под контроль военного начальства.

Решения военного губернатора были обязательны для выполнения гражданским губернатором и всеми учреждениями края. С одной стороны, такой порядок способствовал усилению централизации, ибо уничтожались все посреднические инстанции между императором и военным губернатором, а также установлению в крае единоличного управления военного начальника. Сосредоточение всей полноты власти в руках одного губернатора, позволяло:

1. Осуществлять более эффективный контроль из центра в отдаленной Оренбургской губернии;

2. В условиях военного, пограничного положения края, необходимо контролировать действие крупных военных формирований, что особенно очевидным стало после событий 1773 – 1775гг.;

3. Надеяться на более эффективное исполнение указов центра на местах;

4. В условиях постоянного наличия идей сепаратизма на окраинах империи, осуществлять контроль над подданными государства.

С другой стороны отсутствие четкого разграничения функций между гражданским и военным губернаторами рождало многочисленные трения, споры и конфликты, что мешало эффективной работе органов местного управления в Оренбургском крае.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 3. Д. 4925/6.

2. Зобов Ю.С. Оренбург, год 1833. Оренбург, 1983.

3. Полное собрание законов российской империи (собрание 1649 – 1825гг). Т. XXXXIV. № 17702.

4. Степаненко Н. Учение медицине – вещь нужная для спасения // Вечерний Оренбург. 1995. № 51.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10988.
6. Солонченко Е.А. Таможенная политика на юго-востоке России и ее реализация в Оренбургском крае в 1752 – 1868 гг. Оренбург, 2007.
7. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. Оренбург, 1999.
8. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11027.

Д.Л. Островкин
*Уральский государственный
педагогический университет*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В 1870 г. в Пермской губернии было создано земское самоуправление. В тот период времени она по социально-экономическому положению фактически делилась на три части. Большинство из входивших в ее состав 12 уездов были преимущественно сельскохозяйственные, четыре относились к горнозаводским (Верхотурский, Екатеринбургский, Пермский и Соликамский), а в северном Чердынском главным богатством был лес. Это закономерно предопределило специфику организации и деятельности новых органов местного самоуправления в Пермской губернии.

Общая территория Пермской губернии составляла 330 212 кв. км. и по этому показателю уступала только Архангельской и Вологодской (данные на 1905 г.), а по абсолютному числу жителей Пермская губерния занимала четвертое место в России (после Киевской, Подольской и Вятской) с населением 2994302 жителей [1, с. 935].

В 1890-х гг. площадь врачебного участка в губернии в среднем составляла 1919 квадратных верст, с населением 26306 человек. При этом ситуация усугублялась неравномерным распределением уездов в самой губернии. Так площадь в Чердынском уезде составляла 70 790 кв. в, Верхотурском – 60 117 кв. в., тогда как в Ирбитском и Кунгурском всего 10 119 и 11 373 кв. в. соответственно [2].

Неравномерна была и численность населения Пермской губернии, в Осинском уезде на один врачебный участок приходилось 60 425 человек, в Шадринском 51 660 чел., тогда как в Ирбитском она составляла 30088 жителей [3, с. 64], что вдвое превышало средние общероссий-

ские показатели по земским уездам (25 тысяч человек, 16–17 верст) [4, с. 366]. Как следствие, недостаточная сеть медицинских учреждений и малое количество врачей приводили к чрезмерной из нагрузке.

Сложно земством решалась проблема привлечения и закрепления квалифицированных врачей. Огромные по территории участки в первые годы требовали постоянных разъездов, что вызывало быстрый уход врачей с земской службы. Ситуацию разрешали с помощью поднятия жалования земским врачам – 1500 руб., что превышало средние показатели по стране – 1200 – 1300 руб. При этом уже в 1880-х годах многие земства начали применять систему стимулирования. Для земских врачей после 3-х летней службы и поднимать жалование на 300 рублей. Это правило распространялось и на фельдшеров [5].

Земские расходы на медицинскую часть в Пермской губернии стабильно росли. С самого начала находилась в числе лидирующих в Российской империи, а в 1901 г. и вовсе вышла на первое место (см. Таблицу).

Рост земских ассигнований на медицинскую часть

Губерния	1876 г.	1880 г.	1890 г.	1895 г.	1901 г.
Пермская	357,1 тыс. р.	506,3 тыс. р.	732,6 тыс. р.	914,2 тыс. р.	1300,3 тыс. р.
В среднем на одну губернию, в России	138,6 тыс. р.	196,9 тыс. р.	320,8 тыс. р.	445 тыс. р.	785,3 тыс. р.

Увеличение расходов в первую очередь связано с принятием на свой счет фельдшерских пунктов в уездах, оспопрививания и т.п., а также отменой или понижением платы за больничное или амбулаторное лечение. Сказалось тут так же и то, что в 1890-х годах возникает более широкая санитарная организация, растет количество больниц, персонала в них, открываются сельские лечебницы и психиатрические заведения.

Специфической чертой Пермской губернии являлось также наличие горнозаводской земской медицины. Почти крупных заводах существовала больница, что существенно облегчало помощь населению. Обеспечение рабочих казенных предприятий изначально опиралось на Положение от 31 марта 1861 г., предписывавшее отправлять заболевших рабочих казенных, общественных и горных заводов в больницы, а при предприятиях с 100 рабочими устраивать лазареты. В случае необходимости рабочий мог быть отправлен в заводскую больницу, если она имелась при казенном или частном заводе. Лечение осуществлялось за счет заводоуправления.

Отрицательной особенностью Пермской губернии была высокая смертность населения. Документальным подтверждением этих слов являются данные статистики народонаселения. Так, в конце 1870-х – начале 1880-х гг. в Оренбургской губернии величина смертности была 43,2 ‰, в Вятской – достигала 45,1 ‰, но самой высокой оставалась в Пермской – 45,9 ‰. По России ее значения в среднем не превышали 37,3 ‰. Возникновение в конце XIX – начале XX в. тенденции к некоторому снижению смертности не исключало подъемов показателя до 44,9‰ (1896) и 46‰ (1902) [6, с. 99].

Таким образом, Пермская губерния имела отличительные черты медицинского обслуживания населения. Здесь стабильно был выше бюджет, однако из-за огромных размеров территории и отдаленности от центра трудно было замещать вакансии земских врачей. При этом огромная по своим масштабам губерния создавала проблемы для реализации помощи в отдаленных местах от центра. Однако наличие горнозаводской медицины существенно приближало оказание медицинской помощи населению.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.4д. М., 1907.
2. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г.
3. Селезнева В.Т. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955.
4. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т. 1. СПб., 1909.
5. По Журналам очередного уездного собрания в Шадринском, Ирбитском, Верхотурском и Екатеринбургском земств.
- 6 Голикова С. В. Высокая смертность на дореволюционном Урале: структура, причины и следствие // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005.

Н.Е. Тихонов

Самарская гуманитарная академия

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХОЛОПОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В современной российской историографии между авторами существуют расхождения относительно правового статуса холопов в Древнерусском государстве.

Известный историк права В.А. Рогов, ссылаясь на Русскую Правду, отмечает, что раб не может быть субъектом правоотношений и вступать в договоры. “Русская Правда считала холопов собственностью

господина, сами они не обладали собственностью” [4, с.12]. По мнению Ю.П. Титова, “холоп чаще всего рассматривался как объект права. Он не отвечал за свои действия перед законом, за него нес ответственность хозяин” [2, с.20]. И.А. Исаев в свою очередь, считает холопа субъектом права, но “наиболее бесправным”. При этом, автор констатирует: “Его (холопа) имущественное положение особое – все, чем он обладал, являлось собственностью господина. Личность холопа, как субъекта права, фактически не защищалась законом. За его убийство взимался штраф, как за уничтожение имущества, либо господину в качестве компенсации передавался другой холоп” [1, с.43].

Согласно Русской Правде, холопа, совершившего преступление, следовало выдать потерпевшему (в более ранний период его можно было просто убить на месте преступления). Штрафную ответственность за холопа всегда нес его господин. В судебном процессе холоп не мог выступать в качестве стороны (истца, ответчика, свидетеля). Ссылаясь на его показания в суде, свободный человек должен был оговориться, что ссылается на “слова холопа” [5]. Возникает вопрос, какие же проявления правовой субъектности холопа видят упомянутые исследователи? И.А. Исаев пишет о ней в связи с преступлениями и наказаниями: “Субъектами преступления были все физические лица, включая холопов” [1, с.43].

Ю.П. Титов не обнаруживает ее и здесь: “Субъектом преступления являлись все, кроме холопов. За холопов, составляющих собственность, отвечали хозяева” [2, с.28]. Примерно то же встречаем у В.А. Рогова: “Субъектами преступлений, то есть лицами, способными отвечать за криминальные действия, могли быть свободные люди. Любое преступление подразумевало выплату штрафов и имущественные взыскания, для чего требовалось наличие собственности. Холопы и рабы, сами будучи разновидностью собственности, таковой не имели и имущественную ответственность за них несли хозяева” [4, с.208]. Здесь автор прямо говорит о холопах как о вещах.

Следовательно, из названных авторов только И.А. Исаев, во-первых, прямо говорит о правосубъектности холопов и, во-вторых, усматривает ее в ответственности за правонарушения.

Дореволюционный классик российского права М.Ф. Владимирский-Буданов, давая оценку правовому статусу холопа в древнерусском праве, отмечал: “Состояние холопов есть только наибольшее ограничение прав, но не окончательное лишение их; холопы обладали некоторыми правами, почему речь о них и должна быть отнесена к учению о субъектах, а не к учению о вещах (объектах)”. Историк права дает и обоснования такого решения в древнерусском праве: “Даже строжайшее (вообще и, в частности, по отношению к институту рабства) из

прав – право римское – не вполне низводит рабов до степени вещи; славянское же (право), отличающееся мягкостью своих основных положений – тем более” [7, с.208].

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова холопы “фактически вовсе не были так бесправны. Холопы и правоспособны, и бесправны в одно и то же время. М.Ф. Владимирский-Буданов отмечает тесную связь института рабства в Древней Руси с семейным правом – рабы на Руси почти приравнивались к подчиненным членам семьи. Но в качестве субъектов преступлений М.Ф.Владимирский-Буданов холопов не рассматривает: “Преступником может быть только *лицо*, обладающее свободной волей и сознанием. Злодеяния, совершаемые холопами, не считаются преступлениями и не влекут на деятеля уголовных взысканий” [7, с.311].

Таким образом, юридическая практика и правовая мысль Древней Руси проводили различие между вещами и лицами. Но определенного ответа на вопрос о юридическом положении холопов – относить их к лицам или к вещам – они не дают. В сегодняшней литературе обозначилась тенденция рассматривать холопов в качестве лиц, наиболее ограниченных в своих правах [3, с.135-139]. Другой вопрос, о каких проявлениях правоспособности пишут современные исследователи. Уточнение этого вопроса может быть связано с анализом сходств и различий в положении холопов и рабов античного мира, сопоставлением различных источников (прежде всего правовых), анализом юридической практики и правового мышления Древней Руси, рассмотрением института холопства в динамике. Но в любом случае институт холопства говорит об известной условности деления на лица и вещи, о возможности “пограничных состояний”: быть вещами в одних отношениях и лицами – в других, переходя из одного состояния в другое.

Библиографический список

1. Исаев И.А. История государства и права России. М., 2007.
2. История государства и права / под ред. Ю.П. Титова. М., 2008.
3. Кузнецова Е.Н. Между лицом и вещью: к проблеме статуса холопа в древнерусском праве // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: матер. междунаrod. научно-практ. конф. Самара. 25 февраля 2011 года. Вып. 9. Самара, 2011. С. 135-139.
4. Рогов В.А. История государства и права России IX-начала XX веков. М., 2008.
5. Русская Правда (пространная редакция) // Российское законодательство X-XX веков. Т.1. М., 1984.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1825-1881 гг.

Стабильное существование любой социальной системы зависит от благополучия каждого его члена. В условиях современного развития российского общества одним из наиболее острых социальных вопросов становится социальное сиротство, так как на сегодняшний день именно дети-сироты являются наиболее незащищенными со стороны государства. Прежде всего, это связано с недостаточно определенным правовым статусом детей, оставшихся без попечения родителей. В подобных условиях остро встает проблема выработки продуманной социальной политики и четкой регламентации нормативно-правового положения сирот. Эта проблема не может быть успешно решена без учета исторического опыта.

На разных этапах развития Российского государства положение детей-сирот в социуме было различным. Так, в древней Руси дети являлись частью родовой общины, и забота о сиротах ложилась на членов общины и церкви. [1, с. 66]. С XVIII в. вопросами социального сиротства начинают заниматься на государственном уровне, хотя в этот период дети еще не воспринимались государством и церковью как особая ценность для общества [2, с.219-220]. В XIX в. работа по оказанию помощи в воспитании детей-сирот становится частью государственной политики, и к концу века система социального призрения детей в Российской империи представляла собой разветвленную сеть благотворительных обществ и учреждений, но механизм их взаимодействия с органами власти и друг с другом не был отлажен [3, с.123].

Для того, чтобы определить какое положение занимали сироты в обществе в XIX в. необходимо проанализировать нормативно-правовую базу того времени. Основным источником по данному вопросу является «Полное собрание законов Российской империи». Политические и социально-экономические процессы, происходившие в начале XIX в., способствовали тому, что в 1828 г. было образовано Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны (преобразованное в 1864 г. в IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии), осуществлявшее управление благотворительными, женскими и некоторыми специальными учебными заведениями, в том чис-

ле и сиротскими приютами [2, с.220]. В это время начинает складываться нормативно-правовая база, регулирующая положение детей-сирот в Российской империи, формирование которой продолжилось вплоть до прихода к власти Александра III.

В целом все нормативные документы, касающиеся детей-сирот, можно разделить на три основных группы. К первой относятся акты так называемого *общего характера*. В них рассматриваются вопросы, затрагивающие интересы детей, оставшихся без попечения родителей, на всей территории Российской империи. Так, 30 ноября 1838 г. Николай I принял решение об учреждении Попечительства Детских приютов, в компетенцию которого должны были входить все приюты и воспитательные дома, относящиеся к ведомству Его Величества императрицы Марии Федоровны [4, с.365]. В декабре 1839 г. было утверждено Положение детских приютов [5]. К данному роду документов также можно отнести распоряжения Государственного Совета об установлении правил усыновления детей [6, с.608], а также судебные акты, применяющиеся непосредственно к сиротам [7].

Вторая группа документов – это нормативно-правовые акты, касающиеся отдельно взятых *территорий* Российской империи. К ним относятся: вопросы, связанные с учреждением или закрытием приюта [8]; уставы детских приютов и сиротских домов, где прописаны основные положения деятельности данного благотворительного заведения, их материальная база, способы организации управления учреждения, а также основания, на которых принимаются дети в этот приют [9], [10]; прошения Попечительских комитетов на имя императора о переименовании приютов. [11].

Особое место среди нормативных материалов занимают документы, связанные с регулированием *материального обеспечения* детей-сирот. К этой категории можно отнести законодательные акты, определяющие условия сбора благотворительных пожертвований [12], действие эмеритальных касс [13], правила выплат пособий детям-сиротам [14], а также имущественные права детей-сирот [15].

Анализ нормативно-правовой базы по данной проблеме показал, что царское правительство пыталось поставить под свой контроль благотворительные общественные учреждения и отдельных меценатов-покровителей. Создавались специальные комитеты, которые занимались решением различного рода вопросов, что показывает заинтересованность высших органов власти в благополучии обездоленных членов общества. Однако, не все вопросы, касающиеся социального сиротства, были рассмотрены. Так, положение детей-сирот по достижении совершеннолетия не было определено. В одних документах сиротам

гарантировалась свобода, по другим они оставались у своих воспитателей. Следует отметить, что значительная часть нормативных документов высших органов власти принимается скоропалительно и выступает как ответная реакция государства на сложившуюся ситуацию.

Таким образом, в XIX в. нормативно-правовое регулирование положения несовершеннолетних оставшихся без попечения родителей, начинает только складываться. Государственным Советом и Комитетом главного Попечительства о детях были разработаны документы, в которых отражались основные стороны жизни детей-сирот в обществе. При этом многие вопросы по-прежнему оставались не рассмотренными.

Библиографический список

1. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV – XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюрков. М.: Педагогика, 1985, 340 с.
2. Парфенова О. История развития социального призрения детей-сирот в России XVIII – начала XX вв. (на примере Чувашии) // Развитие личности. 2004. №1. С. 216-233.
3. Тевлина В.В. Социальная работа в России в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. 2002. №1. С. 216-233.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т.13. Ч.2. (1838). Собрание 2-е. СПб., 1839. С.365 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
5. Полное собрание законов Российской империи. Т.14. Ч.1. (1839). Собрание 2-е. СПб., 1840. С.965-988 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
6. Полное собрание законов Российской империи. Т.37. Ч.2. (1862). Собрание 2-е. СПб., 1865. С.608 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т.23. Ч.1. (1848). Собрание 2-е. СПб., 1849. С.362-365 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
8. Полное собрание законов Российской империи. Т.36. Ч.2. (1861). Собрание 2-е. СПб., 1863. С.217 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
9. Полное собрание законов Российской империи. Т.20. Ч.2. (1845). Собрание 2-е. СПб., 1846. С.172-187 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
10. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.173. Оп.3. Д 5497. Л. 3-18 об.
11. Полное собрание законов Российской империи. Т.48. Ч.2 (1873). Собрание 2-е. СПб., 1876. С.311. // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
12. Полное собрание законов Российской империи. Т.16. Ч.1 (1841). Собрание 2-е. СПб., 1842. С.384-385 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

13. Полное собрание законов Российской империи. Т.40. Ч.1.(1865). Собрание 2-е. СПб., 1867. С.2-11 // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
14. Полное собрание законов Российской империи. Т.13.Ч.1. (1838). Собрание 2-е. СПб., 1839. С.684. // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.
15. Полное собрание законов Российской империи. Т.36. Ч.1. (1861). Собрание 2-е. СПб., 1863. – С.564-566. // http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

Л.Г. Адамова

Саратовский государственный университет

ПРОБЛЕМА ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Проблема пожарной безопасности достаточно остро стояла на протяжении всей истории человечества. Этот факт объясняется важной ролью огня в повседневной жизни человека и необходимостью постоянно ограждать свое жилище и имущество от его разрушительного воздействия.

Саратовская губерния часто страдала от опустошительных пожаров. Только в истории Саратова в период с середины XIX по начало XX века можно насчитать около десяти крупномасштабных пожара. Разумеется, вопрос пожарной безопасности неоднократно поднимался в деятельности органов местного самоуправления и в более ранний период. Однако, лишь с середины XIX века местная власть обратилась к разработке нормативных актов по данному вопросу, а также качественному переоснащению пожарного обоза.

В данной работе мы остановим свое внимание на разработке нормативных актов, связанных с проблемой пожарной безопасности органами местного самоуправления саратовской губернии в целом, и Саратова в частности. Работа, проводимая городской думой, заслуживает отдельного рассмотрения, так как Саратов второй половины XIX века, являясь крупнейшим городом не только края, но и всего Поволжья, мог служить ярким примером организации противопожарной безопасности.

Началом активной законодательной деятельности органов местного самоуправления можно отнести к 1863 году. В этот год из-за большого числа пожаров в Саратове была создана Временная комиссия по «устранению опасности города от пожаров», членами которой стали представители разных городских сословий: дворяне, купцы, мещане и

цеховые домовладельцы. В процессе своей работы комиссия опиралась на «Правила для предупреждения пожаров», изданные Министерством внутренних дел в 1851 году. Были разработаны правила «касательно утверждения в городах обывательских караулов» [1].

Несмотря на постановление 1863 года, проводилась дальнейшая работа, посвященная пожарной безопасности города. Саратовская городская дума в период с 1873 по 1886 гг. издает серию постановлений «О мерах предосторожности против пожаров», в которых отражены нормативы организации противопожарной безопасности [2, с.8-13]. Эти меры затрагивают все сферы жизни города, начиная с торговли, ремесленных цехов и заводов и заканчивая повседневной жизнью частных лиц. Так, §12 обязывал горожан иметь на дворах запас воды, «при них ведра и швабры» [2, с.10], а §§13 и 20 предписывали владельцам бань, заводов, фабрик, лабазов, а также содержателям пароходных пристаней иметь достаточный запас воды и ручную пожарную трубу [2, с. 10,12].

Нормы пожарной безопасности нашли свое отражение и в обязательных постановлениях саратовской городской думы по наружному благоустройству Саратова, изданных в 1894 году в губернских ведомостях [3]. В данном документе подробно расписываются нормы городского строительства, в том числе и строительные материалы. Аналогичные документы были приняты и думами других городов губернии (Петровска, Камышина, посада Дубовка, Хвалынска)[4, л.2-8, л. 8-12, л.12-15, л. 20-25].

Дальнейшая разработка этих норм нашла свое отражение в правилах «О противопожарных мероприятиях», утвержденных губернатором в 1902 году [5, с. 14-16]. В частности, §1 данного документа дополнял меры противопожарной безопасности на пристанях [5, с.14], а в §2 определял иметь владельцам складов лесных материалов ручной пожарный насос не менее, как с двумя бочками воды[4, с.15].

Параллельно с деятельностью городских дум шла работа и на уровне губернии. Документами, отражающими работу губернских властей можно считать циркуляры начальника Саратовской губернии [6], проект правил о мерах предосторожности от пожаров и о тушении их по Саратовской губернии [7], акт обязательных постановлений Саратовского губернского земства об устройстве пожарной части и мерах предосторожности от пожаров в селениях [8, с. 11-15].

Саратовский губернатор циркулярами № 1776 от 12 апреля 1871г. и □ 2013 от 19 мая 1872 г. предписывал полицмейстерам и уездным исполнителям вести наблюдение за исполнением правил предосторожно-

сти от пожаров и за исправностью пожарных обозов [6, ч. 1. ч.51-52, ч. 2. с. 29]. Уездные исправники по циркуляру □3822 от 2 августа 1871 г. отвечали за «рассадкой в селах и деревнях вдоль улиц деревьев», что, по мнению губернатора, должно было помещать быстрому распространению огня при пожаре [6, ч. 1. с. 94.]. Волостным правлениям циркуляром □ 2387 от 11 июня 1872 г. вменялось в обязанность следить за формированием и работой ночных караулов [6, ч. 2. с. 35-37].

Проект правил о мерах предосторожности от пожаров и о тушении их по Саратовской губернии был рассмотрен на губернском земском собрании 20 декабря 1873 года и издан в 1874 году. Данный документ касался правил строительства селений с учетом мер противопожарной безопасности и вопросов по устройству пожарных частей [7, с. 5-23]. Следить за исполнением данных мер поручалось уездным управам через своих членов или через агентов по страховой части [7, с. 33].

Акт обязательных постановлений Саратовского губернского земства об устройстве пожарной части и мерах предосторожности от пожаров в селениях предусматривал все нормы по организации пожарной части [8, с. 11-12]. В этом документе устанавливались меры противопожарной безопасности в быту [8, с. 13], а так же определялись ответственные за соблюдение данных мер [8, с. 13-15].

Таким образом, работа по решению проблемы пожарной безопасности органами местного самоуправления саратовской губернии в середине XIX – начале XX веков велась достаточно активно. Издавались нормативные акты как на городском, так и на губернском уровне, что свидетельствует о значительной заинтересованности властей в решении данной проблемы.

Библиографический список

1. Справочный листок. 1863. № 122 от 19 июня.
2. О мерах предосторожности против пожаров // Сборник изданных Саратовской думой, на основе городского положения, обязательных для жителей Саратова постановлений. Саратов, 1910.
3. Саратовские губернские ведомости. 1894. № 45.
4. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 656. Оп. 1. Д. 1340.
5. О противопожарных мероприятиях// Сборник изданных Саратовской думой, на основе городского положения, обязательных для жителей Саратова постановлений. Саратов, 1910.
6. Сборник циркуляров начальника Саратовской губернии за 1871,1872, 1873гг. Саратов, 1874.

7. Проект правил о мерах предосторожности от пожаров и о тушении их по Саратовской губернии. Саратов, 1874.

8. Акт обязательных постановлений Саратовского губернского земства об устройстве пожарной части и мерах предосторожности от пожаров в селениях //Материалы для выработки обязательных постановлений Саратовского губернского земства о возведении построек и о мерах против пожаров в селениях. Саратов, 1910.

В.В. Кусов

Самарский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЙ И СЛУЖЕБНЫЙ ПОРТРЕТ САМАРСКОГО СУДЕБНОГО ПРИСТАВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ В.И. КАШПИРОВА)

Специфика кадровой политики в отношении судебных приставов в XIX веке не стала предметом комплексного исследования. Работы К. Малышева, Г. Вайнштейна, В. Захарова [6; 7; 8] содержат краткий исторический обзор эволюции органов исполнения судебных решений в России.

В дореформенном суде не существовало специальных органов исполнения судебных решений. При коммерческих судах было «нечто похожее на этот институт» [3, с. 199]. При подготовке судебной реформы 1864 года подчеркивалась важность исполнения судебных решений [4, с. 126]. В соответствии со ст. 297 Учреждения судебных установлений судебные приставы состояли при кассационных департаментах Правительствующего Сената, при судебных палатах и при окружных судах. Причем, 1) судебные приставы при окружных судах избирались председателями; 2) избранные судебные приставы допускались к исполнению служебных обязанностей по представлению судебному месту установленного залога и по принятии присяги на должность; [2, ст. 301] 3) судебные приставы могли быть утверждены в должности не прежде как по истечении одного года со времени допущения к исполнению обязанностей [2, ст. 308].

На примере служебной деятельности судебного пристава при Самарском окружном суде В.И. Кашпирова мы можем увидеть, как выполнялись на практике положения Судебных уставов 1864 года.

Двадцатого марта 1892 года председатель Самарского окружного суда В.И. Анненков составил постановление о нижеследующем: оставший-

ся за штатом судебный пристав упраздненного Самарского Съезда мировых судей титулярный советник В.И. Кашпиров прошением ходатайствует об определении его на должность судебного пристава Окружного суда. [1, л. 51] Принимая во внимание: 1) что В.И. Кашпиров достаточно опытен; 2) что внесенный В.И. Кашпировым залог по должности судебного пристава при упраздненном Самарском мировом Съезде в размере 600 рублей следует зачислить залогом по присваиваемой В.И. Кашпирову должности судебного пристава Окружного суда, — председатель Самарского окружного суда постановил: определить титулярного советника В.И. Кашпирова исправляющим должность судебного пристава при Самарском окружном суде [1, л. 52]. Двадцать четвертого марта 1892 года в публичном распорядительном заседании Самарского окружного суда, по общему собранию отделений, в составе: председателя В.И. Анненкова, членов суда Н.М. Пашенко, М.А. Дмитриева, Л.И. Докучаева, прокурора Микулина, заведующего делами общего собрания отделений суда Л.В. Розенфельда был приведен к присяге назначенный на должность судебного пристава В.И. Кашпиров. [1, л. 53]

Владимир Иванович Кашпиров родился 17 июля 1841 года в семье дьякона. Учился в Симбирской духовной семинарии, но, не окончив курса, поступил на службу в Симбирский уездный суд канцелярским служителем второго разряда. Вскоре согласно прошению он был перемещен в штат Сызранской удельной конторы, а через три года в штат Самарского губернского правления. Его командировали в Николаевский уезд Самарской губернии приставом 4-го стана, затем определяют полицейским надзирателем колоний Екатеринштадта, Балаково, приставом 5-го стана Новоузенского уезда. Согласно прошению 10 мая 1877 года он был уволен в отставку. Осенью того же года Постановлением председателя Съезда мировых судей от 24 ноября 1877 г. Владимир Иванович Кашпиров будет определен на должность судебного пристава при Съезде и утвержден в этой должности 31 декабря 1879 года. Но, по случаю упразднения судебно-мировых установлений в Самарской губернии по закону 12 июля 1889 года, он будет оставлен за штатом с 1 июля 1891 года. Указами Правительствующего Сената В.И. Кашпиров был произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы, в губернские секретари, в коллежские секретари, в титулярные советники.

Постановлением председателя Самарского окружного суда от 20 марта 1892 г. В.И. Кашпиров был определен на должность судебного пристава при суде и утвержден в этой должности 7 июня 1893 года. Указом Правительствующего Сената его производят за выслугу лет в коллежские асессоры. Он получает серебряную медаль на Александровской ленте, Высочайше установленную 26 февраля 1896 г. в память

Императора Александра III. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 29 октября 1896 года Владимир Иванович Кашпиров был произведен за выслугу лет в надворные советники. Двадцать первого января 1904 г. приказом председателя Самарского окружного суда уволен в отставку. [1, л. 105]

Таким образом, проанализировав служебную деятельность В.И. Кашпирова, можно сделать вывод, что порядок избрания, допуска к исполнению обязанностей и утверждения в должности судебных приставов при Самарском окружном суде соответствовал положениям Судебных уставов 1864 года. В связи с упразднением по закону 12 июля 1889 года судебно-мировых установлений [5] в Самарской губернии, оставленных за штатом чиновников определяли на вакантные должности в других судебных учреждениях, в том числе и на должности судебных приставов. При определении на должность учитывались: опыт, сумма внесенного залога. Вместо образовательного ценза устанавливался ценз грамотности, что способствовало назначению на должности лиц без специальной подготовки. Однако испытательный срок позволял проводить надлежащий отбор кадров.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 893.
2. О лицах, состоящих при судебных местах // Учреждение судебных установлений // Свод законов Российской империи. Т. XVI. Кн. I. СПб., 1892.
3. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. III. СПб., 1867.
4. О преобразовании судебной части в России. Журнал соединенных департаментов законов и гражданских дел Государственного совета. СПб., 1862. № 65.
5. Именной Высочайший указ «О преобразовании местных крестьянских учреждений и судебной части в Империи» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. IX. № 6195.
6. Малышев К. Курс гражданского процесса. Т. 1-3. СПб, 1874-1876;
7. Вайнштейн Г.С. Служба судебных приставов в дореволюционной России // История государства и права. 1999. № 4. С. 2-6.
8. Захаров В.В. Институт судебных приставов в дореволюционной России 1864-1917 гг.: дис... канд. юр. наук. М., 2000.

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА,
МОТИВЫ, СТАТИСТИКА**

Государственные или политические преступления (далее – ГП) традиционно выделяются в особую категорию преступных деяний. Все они, так или иначе, затрагивают государственный строй и порядок государственного управления. Именно эти преступления исторически считаются наиболее общественно опасными.

В малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона содержится следующее определение ГП: «...В широком смысле так называются преступления, направленные против государства как политического целого и против отдельных прав государства, его органов и разнообразных интересов государства как юридического лица. В более тесном смысле под Государственными преступлениями разумеют посягательства на целость и неприкосновенность государства, на монарха или на главу государства, на установленный образ правления и основные законы (конституцию) государства» [1].

ГП с 1845 г. регулировались «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных», по которому наиболее тяжкими признавались преступления против Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома [2, т. XV, с. 27-28]. Начиная с 1904 г. на ГП было распространено действие нового Уголовного Уложения. Были введены в действие статьи о бунте против верхней власти, о государственной измене и о смуте. Понятие смуты охватывало следующие формы преступного деяния: участие в скопище (демонстрации, митинге, забастовке) и запрещенном сообществе, проявление неуважения к действующей власти, публичные призывы к ниспровержению существующего строя и пр. За все эти преступления, а также за государственную измену виновники подвергались смертной казни через повешение. Другими формами наказания были каторга (срочная – на период с 4 до 15 лет и бессрочная), ссылка на поселение, заключение в тюрьме, крепости или исправительном доме, арест [3, с. 21-31].

Особенностью ГП является значительное разнообразие и сложность преступных действий, поэтому не удивительно, что далеко не все они были освещены в Российском уголовном законодательстве указанного

периода. В частности, в обоих Уложениях нет статей, посвященных терроризму. Чаще всего террористические акты совершались революционерами против государственных деятелей и высокопоставленных чиновников и имели целью прекращение государственной или иной политической деятельности последних. Нередко при этом страдали посторонние лица. Среди наиболее значительных жертв террористов были П.А. Столыпин, В.К. Плеве, Д.С. Сипягин и др.

Согласно статистическим данным, приведенным в «Журнале министерства Юстиции» за 1906 г. (№4), наиболее распространенными среди ГП по данным за 1901-1903 гг. являлось участие в революционных и противозаконных сообществах (48,2%). На втором месте находилось составление, распространение и хранение противоправительственных изданий, участие в политических демонстрациях и революционная пропаганда (37,6%); 11,5% приходилось на оскорбление Величества [4, с. 74-75]. Данная статистика свидетельствует о том, что получить статус политического преступника в Российской империи мог практически каждый человек, и для этого вовсе не обязательно было совершать покушения на царя и первых сановников империи. Любое критическое замечание в отношении действующей власти могло превратиться в уголовно наказуемое преступление. Характерно, что наказанию подлежали также доносы по поводу готовящегося ГП и распространение ложных политических слухов.

Государственная власть в России с опаской взирала на распространение в обществе сведений о совершении ГП. Многие документы, в которых содержались полицейские отчеты о таких преступлениях, имели гриф «секретно». За людьми политически неблагонадежными велась активная слежка со стороны полиции и жандармерии, активно использовался «труд» агентов-provokаторов. Традиционно носителем революционных идей считалось студенчество. В Национальном архиве республики Татарстан хранится интересный документ – агентурное донесение о студенческой сходке в Казани, состоявшейся 14 февраля 1917 г. На ней студенты обсуждали план по организации забастовки, как формы протеста против ареста своих товарищей, у которых нашли запрещенную литературу. Студенты жаловались на то, что «жандармерия опутала сетью шпиков весь университет», которые всегда «сидят по два на каждой лекции» [5, л.20]. Это свидетельствует о том, что царское правительство всегда стремилось быть в курсе общественных настроений.

Статистически преступность выражалась в следующих цифрах. В начале XX в. наблюдался стабильный рост ГП по сравнению со второй половиной XIX в. (за 1901-1903 гг. привлечено к дознанию 7796 человек, в то время как в период 1884-1890 гг. – всего 4307 лиц). Абсо-

лютное большинство преступлений совершались мужчинами (87,5%), преимущественно молодыми людьми до 25 лет (60 %) и, как правило, холостыми (70%). Для сравнения в возрасте до 30 лет в те же годы совершалось всего лишь 48,5 % уголовных преступлений. Образование получили 58% привлеченных (среди уголовных преступников – всего 2%), среди них 11,5% – высшее. Привилегированные сословия (дворянство, духовенство и почетное гражданство) вкупе составляли 16,4 % от всего количество допрошенных (из них дворян – 7%). Основную же группу составляли мещане (43,9%) и сельские сословия (37%) [4, с. 55-72]. В то же время по сравнению с 80-ми гг. XIX в. произошло снижение численности дворян, замешанных в политических преступлениях.

Известный российский юрист М.Н. Гернет, писал «Говорят, что каждое государство имеет таких преступников, каких оно заслуживает. В самом деле, царское правительство не давало России политической свободы и поэтому часты были так называемые политические преступления: покушения на должностных лиц, восстания, бунты и проч.» [6, с. 26]. Эти слова как нельзя лучше характеризуют политическую преступность в Российской империи указанного периода.

Библиографический список

1. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [электронный ресурс] // <http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон> (4 ноября 2012)
2. Свод законов Российской империи (изд. 1885 г.). Т. XV [электронный ресурс] // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/229> (4 ноября 2012)
3. Уголовное Уложение. Высочайше утвержденное 22 Марта 1903 года [электронный ресурс] // <http://quator.ru/all-materials/item/5256-ugolovnoe-ulozhenie-1903-goda> (4 ноября 2012)
4. Тарновский. Е.Н. Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных // Журнал Министерства Юстиции. 1906. № 4.
5. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф.199. Оп.1. Д.33
6. Гернет М.Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. М.,1917.

ДОЛЖНОСТЬ ГОРНОГО ИНЖЕНЕРА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи»: научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281а2

Оренбургское казачье войско с 1865 г. занимало территорию современных Оренбургской, Челябинской и часть Свердловской и Курганской областей. На современном этапе территория Войска только увеличилась. Поэтому система управления Оренбургским казачьим войском (далее ОКВ) была и остается важным предметом изучения, к тому же современное казачество создает собственную систему управления, в которой должен быть востребован опыт пореформенного периода.

Оренбургское казачье войско обладало огромными природными богатствами. Особое место занимало горное дело, так как на востоке Войска располагались Уральские горы. Для управления рудодобычей Российской империи в 1834 г. был учрежден корпус Горных инженеров. В 1867 года с упразднением Корпуса горных инженеров и преобразованием горного ведомства в гражданское, Горные инженеры при производстве в следующий чин стали производиться не в военные, а в гражданские чины. За теми Горными инженерами, кто хотел оставить военный чин, сохранилось это право, но без права производства в следующий военный чин [5]. Однако в казачьих землях должность Горного инженера стала вводиться только с 1866 г., когда инспектора горного промысла в землях Войска Донского переименовали в управляющего горной и соляной частями, а его старшие и младшие помощники стали именоваться старшими и младшими Горными инженерами [6]. Остальные же Войска по вопросам горного дела остались в подчинении имперского Горного управления.

Распространение власти гражданского Горного управления на дела Оренбургского казачьего войска влекли за собой конфликты и путаницу в законодательстве, так как каждая из сторон защищала свои интересы [7, с.519 – 521]. Поэтому 15 июня 1901 года должность горного инженера была учреждена и в ОКВ [6].

К тому же для улучшения управления горными делами на основании Положения Военного совета должность Горного инженера V класса учреждена при Главном управлении казачьих войск (упразднена 14 ноября 1909) [6].

В должность Горного инженера (или младшего Горного инженера) определялись только лица, получившие специальное высшее образование. Они были как казачьего, так и неказачьего происхождения (но лица казачьего сословия имели преимущество), как имеющие офицерские классные чины, так и не имеющие их [8, с.609 ст.209.]. На эту должность не могли назначаться лица, занимающиеся горным промыслом на войсковых землях «от себя» или принимающие участие в горных товариществах и компаниях в крае. Замещение должности проводилось по представлению наказного атамана военным министром, от него же шли награды Горным инженерам [6].

Все Горные инженеры считались государственными служащими, но оплата их велась из общевойсковых капиталов соответствующего войска. Все они становились участниками эмеритальной кассы сухопутного ведомства, где первоначально на их счет единовременно вносились 2000 руб. из войсковых сумм [6]. Инструкции их должностных обязанностей разрабатывались войсковым правлением, утверждались наказными атаманами и доводились ими до сведения военного министра. Горный инженер участвовал с правом голоса в заседаниях Общего присутствия войскового хозяйственного правлений, когда там рассматривались вопросы их профиля [8, с.612 ст.223].

В обязанности Горного инженера входило: проведение геогностических исследований и разведки [2, л.1]; производство торгов на сдачу частным лицам, на основании действующих положений, войсковых земель под разведку и разработку полезных ископаемых, и назначение к ним дополнительных отводов [6]; наблюдение на месте за правильным ведением горных работ; обеспечение безопасности рабочих; взимание в пользу войска пошлины с каменного угля, нефти, руды и металлов, добываемых на войсковых землях [6], и штрафов с «неисправных горнопромышленников», причем из войскового капитала даже выделялись деньги на судебные тяжбы с золотопромышленниками, где интересы войска представлял Горный инженер [4, л.1-9]. К тому же, в компетенцию Горного инженера входила закупка оборудования и инструментов для исследований и научной литературы [1, л.6]; сбор статистических данных сообразно с инструкцией [6].

Одним из ярких примеров чиновника ОКВ стал войсковой горный инженер надворный советник Подъяконов, который являлся примером некомпетентности. Этот чиновник очень активно занимался свои-

ми обязанностями, он постоянно ездил в командировки, проводил разведки, закупал новое оборудование. Однако он совершенно безответственно относился к отчетной документации.

Для проверки командировки служащих в ВХП. чиновники по возвращению из командировки делали запрос по станицам и поселкам, которые они проезжали, с просьбой выдать им удостоверения. Но Подьяконов стал делать запросы лишь по требованию Контрольной палаты, через 5 лет после своей командировки. Естественно, что из одиннадцати поселков, куда были сделаны запросы, в пяти ему отказали в выдаче данного удостоверения [2, л.17] ввиду того, что в то время, когда чиновник проезжал через поселок, атаманом был не тот человек, которому делался запрос, а бывший атаман не мог подтвердить, действительно ли проезжал служащий через их поселок [3, л.112]. Причиной отказа в выдаче удостоверения могло послужить так же отсутствие записи в книге на предоставление подвод или же ее отсутствие как таковой, в связи с уничтожением книги [2, л.22об., 26об.].

После приобретения инструментов или командировки у него оставались не потраченные деньги, и их обязательно требовалось сдавать в Оренбургское губернское казначейство в войсковой капитал, причем не позднее января нового года, следующего за отчетным. А если деньги будут бесосновательно задержаны на руках, то согласно Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 20 мая 1892 г. с чиновника взимался штраф в размере суммы, умноженной на количество просроченных месяцев и поделенной на 100% [1, л.38, 38об.]. Горный инженер Подьяконов задержал сумму, выданную ему на прогоны для поездки с целью дальнейшего изучения рудных богатств на войсковой территории, равную 420 руб. сроком на 9 месяцев. В итоге ему был предъявлен штраф в сумме 37 руб. 80 коп., с которым он совершенно был не согласен, говоря о том, что в это время он был болен [1, л. 41].

Ко всему прочему он не знал, что именно от него требовали для отчета за командировки, и ВХП разьясняло, что именно нужно сдать в виде отчетной документации, хотя чиновник уже проработал в должности горного инженера около 5 лет! [2, л.16, 16об.]

Из этого можно сделать вывод о некомпетентности занимаемой должности чиновником ВХП.

Таким образом, должность Горного инженера для Войска имела огромное значение и во многом способствовала экономическому благополучию, так как горное дело являлось одной из основных статей дохода на войсковой территории. В таком случае от личности чиновника зависело развитие горного дела на территории всего Оренбургского казачьего войска.

Библиографический список

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. 37. Оп. 1. Д. 217.
2. ГАОО Ф. 37. Оп. 1. Д. 229.
3. ГАОО Ф. 37. Оп. 3. Д. 538(a).
4. ГАОО Ф. 37. Оп. 1. Д. 561.
5. Макарова С.Л. Горный инженер // [Электронный ресурс] <http://www.imha.ru/2007/12/10/gornyyj-inzhener.-1..html#.T0Va0GtUmuk>
6. Макарова С.Л. Горный инженер казачьих войск // [Электронный ресурс] <http://imha.ru/2007/12/10/gornyyj-inzhener.-2..html#.T0VYZmtUmuk>
7. Мещеряков А.В. Оценка властных полномочий Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска по отношению к неказачьим органам власти (на примере судебного прецедента). // ВЕСТНИК ОГУ №16 (135) декабрь 2011, журнал включен в перечень периодических научных научно-технических изданий ВАК МО РФ. Оренбург, 2011.
8. Свод законов Российской империи. В 15 кн. Кн. 1. Т.2. «Свод губернских учреждений». Издание неофициальное / Под редакцией И.Д. Мордухай-Болтовского. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912.

Е.С. Досекин

Самарский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

В отличие от конституционно-демократической партии, круг методов политической борьбы умеренно либеральной оппозиции был строго ограничен легальными рамками. Собственно цель мирного преобразования государственного строя в России в начале XX в. возможно было реализовывать преимущественно в контексте парламентской деятельности, осуществлять которую предполагалось либо через Государственную Думу, либо через реформированный 20 февраля 1906 г. Государственный совет.

Е.Н. Трубецкой впервые был избран в состав Государственного совета в 1907 г. от Московского университета. Во время голосования он

получил большинство (50) голосов в совете вуза и 23 голоса на съезде выборщиков [1, л. 81, 82 об., 97].

Активная работа в Государственном совете для Трубецкого началась с обсуждения острого вопроса о студенческих беспорядках. 10 марта председателю Совета поступило заявление 35 членов о необходимости сделать запрос министру народного просвещения о немедленном принятии мер против сходов и волнений, происходивших 20 февраля 1907 г. в Московском и Санкт-Петербургском университетах. Составители заявления особо указывали, что на студенческих собраниях присутствовали посторонние лица, прежде всего из рабочего класса, звучали призыва к вооруженной борьбе, пелись революционные гимны. Члены Совета также требовали привлечь к ответственности лиц, обеспечивающих порядок в высших учебных заведениях [2, л.2.].

Трубецкой выступил в защиту высшей школы. В своей речи он указывал, что университет, «доставшийся» профессорам и ректору после провозглашения автономии, представлял собой удручающее зрелище, что прежняя система управления, господствовавшая в высшей школе, довела ее до состояния разрухи [2, л. 27].

Во второй сессии Государственного совета в 1907 г. Трубецкой выступал также в поддержку проекта основных положений, касающихся изменения и дополнения Учреждения Правительствующего Сената. Этот вопрос обсуждался на заседании от 2 июня 1907 г. Трубецкой в своем выступлении отмечал, что сама историческая ситуация требует проведения реформы, поскольку манифест 17 октября изменил систему отношений различных государственных институтов и в данном контексте Сенат оказался неприспособленным к новым условиям, руководствуясь устаревшими принципами [3, стб. 595-599].

В дальнейшем активность Трубецкого в Государственном совете, значительно снизилась. Из 29 заседаний III сессии Совета в период с ноября 1907 г. по май 1908 г., Трубецкой присутствовал лишь на 4 и при это не принимал участие в обсуждении рассматриваемых в общем собрании вопросов [4, л. 33, 83, 119, 175]. 24 мая Евгений Николаевич подал заявление о добровольном сложении с себя звания члена Совета, а четыре дня спустя был исключен из его списка.

В виду отсутствия четких указаний в источниках трудно дать точный ответ на вопрос, что послужило причиной подобного решения. Вероятно, основным фактором стала сильная загруженность Трубецкого на других фронтах общественного движения: его партийная деятельность, Руководство «Московским еженедельником», наконец работа в университете. С другой стороны, возможно, что оказавшись внутри Государственного совета, Трубецкой попросту на тот момент

разочаровался в перспективах продуктивной деятельности верхней палаты парламента и решил сосредоточить свое внимание на реализации мирнообновленческой программы.

В 1916 г. Трубецкой вновь избирается в состав Государственного совета от Калужского земства, и принимает активное участие в работе общего собрания в период с 9 февраля по 22 июня 1916 г., Трубецкой высказывался по вопросам финансовой политики. На заседании от 27 февраля он выступил против внесенной графом В.Н. Коковцовым и В.И. Гурко поправки к 4 статье Положения о государственном подоходном налоге, предлагавшей понизить норму прожиточного минимума с 1000 до 700 рублей [5, стб. 356].

Трубецкой принимает участие в дискуссии по вопросу о внесении на рассмотрение Государственной думы законопроекта «О взыскании вознаграждения за вред и убытки, причиненные неправильными действиями служащих, и об изменении порядка производства дел о преступных деяниях по службе». Трубецкой, выступая по законопроекту, отмечал: «Нигде служебный класс так не дискредитирован, как у нас в России. Слово чиновник... непереводимо ни на один иностранный язык, поскольку непереводимо то обидное значение, которое в нем заключается, то значение как бы бранной клички» [5, стб. 1586]. Изменить это положение вещей, уничтожить ту перегородку, которая разделяла в России чиновничество и простое население возможно, лишь доказав обществу, что служилый человек такой же гражданин, как все. Для этого необходимо при разрешении вопросов противоправных действий ввести суд присяжных, «суд общественной совести», «равный для всех» [5, стб. 1587].

На заседаниях Государственного совета Трубецкой также выступал по вопросу о сохранении или, наоборот, отмене действующей в российских университетах системы выплаты гонораров, которая находилась в прямой зависимости от численности студентов, прослушивающих курс конкретного профессора. Предложенный общему собранию законопроект по существу данную систему не отменял. Трубецкой, вышедший на пенсию в 1910 г., считал существующий принцип выплат противоестественным и несправедливым по отношению к тем профессорам, которые ведут немногочисленные курсы, но при этом выполняют равный в сравнении с другими преподавателями объем работы [5, стб. 1704].

Таким образом, в 1916 г. Трубецкой принимал активное участие в деятельности Государственного совета. Однако его предложения за редким исключением не находили поддержки большинства.

Готовность Трубецкого вступать в диалог с властью свидетельствует о том, что освободительное движение не являлось для него самоцелью.

На первом месте всегда стояло решение конкретных насущных вопросов. Освободительное движение возникло не в момент организации партии, заключалось не в призывах к революции. Освободительное движение начиналось с попыток добиться положительных изменений в рамках действующей системы. Поэтому Трубецкой принимал активное участие в работе комиссии по пересмотру университетского устава 1884 г.; дважды избирался в Государственный Совет; участвовал в подготовке церковной реформы. Иными словами Трубецкой поддерживал любую продуктивную инициативу, исходившую от власти, что не мешало ему критиковать антиконституционные решения правительства.

Библиографический список

1. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф.1162.Оп. 8. Д. 3.
2. РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 2.
3. Стенографические отчеты Государственного Совета // Сессия 2. Заседания 1-16 (20 февраля – 5 июня). – 1907.
4. РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 6.
5. Стенографические отчеты Государственного Совета // Сессия 12. Заседания 1-33 (9 февраля – 22 июня 1916 г.). –1916.

Д.Р. Васильева

Самарская гуманитарная академия

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И ПРАВОЗАСТУПНИЧЕСТВА В РОССИИ

В России правозаступничество как явление наиболее близкое к современному пониманию сущности адвокатуры возникает в связи с судебным представительством. На Руси впервые о поверенных (прообраз современного адвоката) упоминается в Псковской и Новгородской судебных грамотах. Так, согласно Псковской судебной грамоте, услугами судебных представителей («наймитов») в ходе процесса могли воспользоваться женщины, дети, монахи, дряхлые старики и глухие люди [1].

В XV в. появился институт наемных поверенных, которые стали именоваться ходатаями по делам или стряпчими. Необходимо отметить, что эффективность работы стряпчих была очень низка, поскольку последние находились в полной зависимости от судей и практически не имели никаких прав. Соборное Уложение 1649 г. даже ввело для

ходатаев телесные наказания. Кроме того, они могли быть подвергнуты тюремному заключению [2]. Троекратное осуждение влекло лишение права ходатайствовать по чужим делам.

Термин «адвокат» в России впервые был употреблен в 1715 г. в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», изданном при Петре I. В частности, в главе 5 закреплялось, что интересы истца («челобитчика») или ответчика в случае невозможности их личного присутствия на судебном заседании может представлять адвокат [3].

В 1775 г. выходит указ Екатерины II «Учреждения о губерниях», по которому стряпчие становились помощниками прокуроров и защитниками казенных интересов. Причем никаких требований в виде образовательного и нравственного цензов к ним не предъявлялось. Чуть позже появился имущественный и сословный ценз – судебный представитель должен был быть дворянином и иметь свои деревни в данном повете или хотя бы в губернии [4, с.71]. И все же в конце XVIII – начале XIX в. еще не шло речи о создании адвокатуры как самостоятельного института права. Император Николай I видел в адвокатах врагов государственного строя и говорил: «Кто погубил Францию, как не адвокаты?»¹⁵, с.192.¹ Деятельность присяжных стряпчих продолжала находиться в полной зависимости от судей, а объем прав был сведен к минимуму.

Таким образом, упадочное состояние всей судебно-правовой системы в полной мере отражалось и на институтах судебного представительства и правозаступничества. Приспосабливаясь к порокам дореформенного суда, ходатаи по делам и стряпчие не обладали должным авторитетом в обществе, так как в большинстве своем были людьми малообразованными, зависимыми от судей, не имеющими достаточных правовых средств для эффективного воздействия на осуществление правосудия. Кроме того, среди стряпчих было много случайных лиц, основной целью которых являлось получение наживы. Часто они по собственной инициативе затягивали процесс, вводя своих клиентов в необоснованные растраты [4, с.71].

В результате судебной реформы 1864 г. в России была учреждена адвокатура. Для присяжных поверенных были установлены достаточно высокие требования, фактически совпадающие с требованиями к кандидатам на должность судьи. Так, согласно ст. 354 «Учреждения Судебных установлений», присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-ти летнего возраста, имеющие высшее юридическое образование, пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. Присяжными поверенными не могли стать иностранцы; лица, объявленные несосто-

тельными должниками; граждане, подвергшиеся по судебным приговорам лишению или ограничению прав состояния; лица, состоявшие на государственной службе или выбранные в государственные органы, а также священнослужители, лишенные духовного сана по приговору духовного суда [6].

Высказывания выдающихся русских адвокатов позволяют сделать вывод о том, что для лучших представителей российской адвокатуры XIX-начала XX века осуществление защиты в уголовном судопроизводстве было истинно «общественным служением», как выразился А.Ф. Кони. Адвокат, по его мнению, — это не «слуга клиента», а в своем общественном служении — «слуга государства, и эта роль почтенна, так как нет такого преступника и падшего человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому было совершенно бесполезно выслушивать слово снисхождения» [7, с.72].

Подводя итоги, следует отметить, юридический статус русской адвокатуры в пореформенный период был гораздо уже, чем на Западе, при этом профессиональный уровень и политическая репутация ее основного ядра ничем не уступали. То же самое можно сказать и о нравственном уровне российских адвокатов. Российская дореволюционная адвокатура, поставленная с первых же дней в жесткие условия, сумела проявить себя и юридически, и политически. Российские дореволюционные адвокаты завоевали национальное и международное признание.

Библиографический список

1. Псковская судная грамота. Ст. 21 // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов М., 1998.
2. Соборное Уложение 1649 г. Глава X. Ст. 30 // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов М., 1998.
3. Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е.Новицкая. М., 1997.
4. Князева Е.Г. Развитие российской адвокатуры в дореволюционный период // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004. №3. С. 71-74.
5. Адвокат в уголовном процессе / Под ред. П.А. Лупинской. М., 1997.
6. Российское законодательство X-XX веков. Т.8. Судебная реформа. М., 1989.
7. Кони А.Ф. Избранное. М., 1989.

КАК И ПОЧЕМУ СОВЕТЫ ПРИШЛИ К ВЛАСТИ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

За полвека до Октября русская культура создала уникальную гамму крупных социально-философских учений, в которых были продуманы («испытаны») целые цивилизационные проекты: народничество, анархизм, русский либерализм, монархический традиционализм, социал-демократизм и русский коммунизм, православный социализм. При всей несхожести этих течений, все они участвовали в создании образов идеального, желаемого и возможного государства России. Важен в этом смысле советский период. В литературе вопрос прихода к власти Советов получил широкое освещение в рамках партийно-политической борьбы. Однако стоит рассмотреть данную проблему в несколько иной плоскости, а именно с точки зрения социальной базы.

После Октябрьской революции на смену старым органам управления в России должны были прийти новые. На основании декрета II Всероссийского съезда Советов об организации власти высшим органом государственной власти стали Всероссийские съезды Советов [4, с.51]. В это время в стране существовало две системы Советов: Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы крестьянских депутатов. Поскольку Советы на местах не создали своего аппарата управления хозяйством, городские думы и земские управы продолжали работать [3, с.14].

Так почему же именно Советы выбрал народ России? Временное правительство не сумело предпринять достаточно реальных шагов в сторону удовлетворения крестьянских требований. Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не смогли реализовать свои аграрные программы с марта по октябрь 1917 года.

Поначалу обретение Советами власти происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии». Та сила, которая стала складываться сначала в согласии, а потом и в противовес Временному правительству и которую впоследствии возглавили

большевики, была выражением массового стихийного движения. Идейной основой его был не марксизм и не идеология, а народная философия более фундаментального уровня. Сила эта по своему типу не была «партийной»[2, с 80].

Так, В.И. Ленин писал: «Прежде всего, значение этого переворота состоит в том. Что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии, — подчеркнул В.И. Ленин, выступая 25 октября в Смольном перед депутатами Петроградского Совета с докладом о задачах власти Советов. — Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций»[6, с.2].

«Лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства»...«Власть Советам»— это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т.е. истинно демократическим аппаратом Советов, т.е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почта и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований»[5, с. 200–207].

Следовательно, в отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. А это привлекало народ, которому предоставлялось право избирать и быть избранным, управлять государством.

Если обратить свой взгляд на аграрный вопрос, то большевики, придя к власти, принимают на том же II Всероссийском съезде Советов «Декрет о земле». Согласно которому: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупается, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» [1, с.18]. Таким образом, крестьяне получили то, что они так давно хотели — землю.

Обращением НКВД уже от 4 января 1918 года «Об организации местного самоуправления» и одноименным циркуляром от 6 февраля

1918 года все прежние органы местного самоуправления были упразднены. Указывал, что все прежние органы местного управления должны быть заменены областными, губернскими, уездными, волостными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но сообразует свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти. Таким путем создавался связанный во всех своих частях однородный организм — республика Советов, а Советы провозглашались частицами «единой государственной власти на местах».

В январе 1918 г. Также состоялся III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Он слился с III Всероссийским съездом крестьянских депутатов. Все дальнейшие Съезды также проходят совместно.

Так проходит эволюция создания советской системы.

Но не только сословно-представительная власть и социализация земли прельщала народ в большевиках и следовательно в победе Советов. Дело в том, что большевики были против войны, призывали прекратить воевать, в то время как верхи буржуазии призывали к войне до победного конца.

Таким образом, русскому народу были близки лозунги большевиков «Вся власть Советам», «Долой войну», «Земля крестьянам», их аграрная программа и советская модель управления страной. А, следовательно, если народ поддерживает большевиков, то значит, они поддерживают и их программу и лозунги. Стала расти роль большевиков (работали «будущие декреты»). История прекрасно показывает этот процесс: власть «перетекла» в руки Петроградского совета, который передал ее II Съезду Советов, который сразу принял Декреты о мире и о земле — главные предусмотренные Лениным источники легитимности нового порядка в момент его возникновения.

Библиографический список

1. Декреты Советской власти. Т.1. М., 1957.
2. С. Г. Кара-Мурза «Советская Цивилизация». Т.1. М., 1993.
3. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. М., 1994.
4. Съезды Советов Советских Социалистических республик: Сб. документов. М., 1917-1922. Т.2. М., 1969.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. М., 1969.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.35. М., 1969.

МЕСТНЫЕ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ КОМУЧА

Советское строительство в Самарской губернии после прихода большевиков к власти пережило несколько этапов: провозглашение власти Советов в октябре 1917 г.; объединение Совета рабочих и солдатских депутатов с Советом крестьянских депутатов в январе 1918 г., восстановление советской власти после ликвидации КОМУЧа. Местные структуры советской власти в октябре – декабре 1918 г. пришлось формировать заново. 8 октября 1918 г. был образован Временный Самарский Ревком, который передал полномочия прибывшему из эвакуации 9 октября Губревкому. Губревком объявил о восстановлении советской власти в городе и передал непосредственное управление Самарой Горисполкому, основные функции которого заключались в следующем: 1) Руководство заседаниями исполнительного комитета; 2) Подготовка материалов для этих заседаний; 3) Наблюдение за исполнением постановлений соответствующих отделов и учреждений; 4) Заслушивание докладов заведующих отделами и общее их инструктирование; 5) Согласование деятельности отделов и урегулирование возможных конфликтов; 6) Урегулирование отношений между городскими и губернскими учреждениями; 7) Координация действий с различного рода партийными и профессиональными организациями [1].

Для осуществления этих задач были созданы специальные отделы: 1) Продовольственный – проводил мероприятия по снабжению населения продовольствием первой необходимости, следил за распределением продовольствия; 2) Отдел народного образования – подразделялся на подотделы: школьный, дошкольный, внешкольный, социального воспитания. А также секции – еврейскую и мусульманскую. Основные моменты его деятельности: отделение церкви от образования, создание единой школы независимо от социального положения, создание профессиональных курсов; 3) Отдел коммунального хозяйства. Основные цели – налаживание расстроенного хозяйства, сосредоточение всех вопросов касающихся состояния и благоустройства города в одном аппарате; 4) Отдел здравоохранения. Основные задачи – построение родильных домов, устройство специальных больниц для больных венерическими заболеваниями, организация санитарных помещений. В декабре 1918 г. Прошла национализация всех аптек Самары; 5) Отдел юстиции – занимался судебными делами, а также регистрацией бра-

ков, рождений и смертей; 6) Отдел социального обеспечения. Имел подотделы – пенсионный и пайковый. Занимался обеспечением солдат Красной армии и их семейств пенсиями и пайковыми пособиями; 7) Агитационно – организационный отдел. Его главные цели – разъяснение и популяризация всех издаваемых декретов, выявление воли и настроения избирателей; 8) Отдел искусств – занимался организацией театров, распределением предметов искусства по школам, музеям, библиотекам и клубам.

Наряду с Горисполкомом формировался Губисполком. Это был исполнительный орган Губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Основные его функции : управление и руководство органами промышленности, сельского хозяйства, финансов, народного просвещения, здравоохранения и культуры. Губисполком состоял из президиума в составе 5 человек: председателя, двух товарищей председателя, двух секретарей. Президиум руководил собранием Губисполкома, подготавливал материал для них и руководил комиссариатами. Исполняли постановления Губисполкома комиссары. Комиссары делали еженедельные доклады Губисполкому [2].

Одновременно воссоздавались структуры по охране общественного порядка. 10 октября был восстановлен комиссариат внутренних дел. Его основные функции были: обеспечение охраны общественного порядка и гражданской безопасности, наблюдение за правильным проведением на местах выборов и съездов советов. 10 октября была образована губернская рабоче – крестьянская милиция. Она занималась организацией уголовного розыска, борьбой с бандитизмом, распространением и разъяснением указаний центральных органов. В соответствии с декретом ВЦИК от 20 мая 1918 г. в Самаре был восстановлен Ревтрибунал. Он состоял из председателя и двух членов, которые выбирались сроком на 1 месяц. Ревтрибунал занимался рассмотрением дел о контрреволюции, саботаже и шпионаже, погромах, взяточничестве, подлогах, неправильном использовании документов. При выборе меры наказания его решения ничем не ограничивались. При Ревтрибунале была следственная комиссия, которая рассматривала дела [3].

С запозданием в Самарской губернии организовывались комитеты бедноты. Комбеды делились на городские (квартальные и районные) и сельские. Они избирались из 9 человек, выделялся президиум в количестве 3 человек. Он состоял из председателя, секретаря и казначея. Их труд оплачивался по нормам, выработанным отделом труда. Совместительство, то есть получение вознаграждения в двух учреждениях одновременно, было недопустимо. Комбеды должны были давать своим избирателям ежемесячный финансовый и деловой отчет. Копии

протоколов всех общественных собраний и существенных постановлений комитетов должны были препровождаться в отдел управления Гориспокома. Комбеды избирались всеми трудоспособными лицами достигшими 18 лет. Лишались права выбора: замешанные в контрреволюционных мятежах, правые эсеры, крупные фабриканты, домовладельцы, духовное сословие, бывшие царские чиновники. Каждый состав комбедов существовал не более 3 месяцев. У комбедов было много функций. В административной области они вели строгий учет населения квартала, регистрировали приезжающих и уезжающих, назначали караул для охраны квартала, следили за привлечением к трудовой повинности бывших эксплуататорских классов. В жилищные функции входило: учет жилых и нежилых помещений, справедливое распределение жилья, наблюдение за санитарным состоянием зданий. В области продовольствия комбеды следили за распределением карт на продукты. В области санитарии и благоустройства следили за чистотой улиц, ремонтом зданий, превращали пустыри в сады и общественные огороды, изолировали больных. В культурно – просветительские функции входило устройство библиотек, читален, общественных лекций, литературных вечеров. При квартальных комбедах были канцелярии. Они координировали действия органов советской власти по соответствующим вопросам, занимались делопроизводством и отчетностью всех операций квартальных комитетов. Квартальные комбеды подчинялись районным. Структура их была такая же как и у квартальных. Районные комбеды инструктировали квартальные и контролировали их деятельность. В случае, если состав квартального комитета не отвечал интересам бедноты, районный комитет назначал перевыборы.

В сельской местности создавались сельские комбеды. Их структура была такая же как и у городских комитетов. Занимались они, в основном, продразверсткой, то есть изъятием хлеба у крестьян [4].

1 декабря 1918 г. была образована Губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Управленческий аппарат ЧК возглавляла коллегия, руководящим органом был Президиум ЧК во главе с председателем, который имел двух заместителей, документооборот обеспечивали два секретаря. В задачи ЧК входило следующее: 1) Беспощадная борьба с контрреволюцией и спекуляцией наличными силами, которые имелись в распоряжении Комиссии; 2) Наблюдение за местной буржуазией и за направлением в ее среде контрреволюционной работы; 3) Производство дознаний по государственным преступлениям; 4) Наблюдение за лицами приезжающими в город; 5) Розыск и наблюдение за лицами, укрывающимися от властей; 5) Участие в сохранении общественного спокойствия, при

отсутствии чинов милиции и содействие последней в восстановлении нарушенного революционного порядка; 6) Тщательная проверка документов на право въезда и выезда; 7) Строжайшее наблюдение за проведением в жизнь декретов и распоряжений органов местной власти.[5]

В целом можно сказать, что процесс восстановления и формирования органов советской власти в Самаре шел ускоренными темпами, так как местное партийно–советское руководство стремилось наверстать упущенное время в период власти КОМУЧа.

Библиографический список

1. ЦГАСО Ф. Р. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 5
2. ЦГАСО Ф. Р. 81. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
3. Кабытова Н. Н. Становление местных органов советской власти в 1918 – 1920 гг. // Вестник Самарского государственного аппарата. 2007. № 5/3(55).
4. Литвин А. Л. Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны. Казань, 1972.
5. Троцкий В. Революция 1917 – 1918 гг. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара. 1927.

П.А. Мистрюгов

Самарский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛОВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПУТЬ ОТ СОЗДАНИЯ ДО УПРАЗДНЕНИЯ (1918-1922 ГГ.)

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Изучение системы революционных трибуналов в 1918-1922 гг. позволяет прояснить роль советского государства в сложных общественных процессах периода революции и Гражданской войны: становления и деятельности власти Советов, борьбы с социально-политическим оппозиционным движением и поведении общественных групп в условиях экстрима. В период революции и Гражданской войны резко возрастает роль судебных функций государственного аппарата. В Са-

маре после провозглашения власти Советов 26 октября 1917 года судебные полномочия стали выполнять различные советские органы власти: губернский и уездные ревкомы, красногвардейские отряды, Бюро эмиссаров, в распоряжении которого были реквизиционные комиссии и боевые дружины и сами Советы. Причем одни структуры образовывались в соответствии с губернскими решениями, а возникновение других носило самостоятельный характер. Сама центральная власть «спускала с тормозов» право создания и деятельности судебных организаций. Власть Советов в Самаре была провозглашена 26 октября 1917 года и только 6 января 1918 года на III заседании горисполкома Советов был организован ревтрибунал. В это время в губернии наряду с названными органами продолжал функционировать Окружной суд. Губернские власти, опередив декрет о суде № 2 от 6 мая 1918 года, согласно которому должны быть созданы Окружные суды, разрешили и продолжили работу Окружного суда сразу после прихода к власти. Невозможность в короткий срок организовать альтернативную структуру Окружному суду временно предотвратило его упразднение. Советы использовали следственно-судебный аппарат Окружного суда в апреле 1918 года, назначив председателем ревтрибунала и уголовного отделения Окружного суда Ф. Венцека. В период с января до июня, а в некоторых районах Самарской губернии до сентября 1918 года за незначительный срок в крупных уездах были созданы и функционировали официальные советские уездные, волостные и станционные ревтрибуналы и следственные комиссии (в Пугачевском, Мелекесском уездах и ст. Иващенково, Мало-Мальшевской волости, трибунал в Верхнеуральске), так и созданные по собственной инициативе. После освобождения Самары от власти КОМУЧА советские власти приступили к созданию чрезвычайных структур, которые были образованы советским центральным руководством в июне-сентябре 1918 года и показали свою неэффективность. Это объяснялось не только близостью фронта, но и конфронтационным характером власти [1. С.39-40]. Как писал комиссар Лотов: «... учреждение Трибунала им откладывалось сознательно, дабы не стеснять деятельности ЧК, нуждающейся в известной свободе действий ...в виду прифронтового положения». А своевременность создания мотивировалась «...массовыми перебежками из белого лагеря рабочих и крестьян, сознавших свою вину и ошибки...» [3, л.14]. В январе-марте 1919 года шел поиск структуры трибунала и установление основных судопроизводственных процедур: подсудности, вынесения приговора, порядка защиты подсудимых. В итоге было определено, что состав трибунала должен состоять из председателя и двоих членов трибунала, избираемых губисполкомом. Следственная комис-

сия должна состоять из 6 членов, избираемых советом и утверждаемых губисполкомом. Закончившаяся реорганизация губревтрибунала позволила власти в апреле 1919 года приступить к организации ревтрибуналов в уездах, что прямо нарушало декрет СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 года который гласил, что ревтрибуналы должны быть «сокращены до возможного минимума» или, как следовало из последовавших уточняющих инструкций, «...упразднены» [2, с.5]. Во многом на решение о создании ревтрибуналов в уездах повлияли инициативы уездных органов власти, прямо тяготивших к чрезвычайным способам управления и суда [4, л.41об.] и учреждение трибунала было мерой по предотвращению децентрализации и сепаратизма судебных органов. В уездах, охваченных восстаниями, на первый план выдвигались задачи по расследованию дел множества «менее активных участников восстаний», расследование которых не было начато военно-полевыми судами. Губернские власти, обосновывая необходимость создания ревтрибуналов, указывали также на отрицательные последствия ликвидации уездЧК [5, л.138]. Процесс организации трибуналов прошел быстро и их сеть вскоре установилась в Новоузенском, Бугульминском, Мелекесском, Бугурусланском, Пугачевском, Бузулукском уездах. Однако просуществовали они только до середины мая 1919 года, когда было принято решение об их упразднении и создании в важнейших пунктах каждого уезда следственного аппарата в составе троих следователей. Причинами упразднения стали Положение о ревтрибуналах, согласно которому в уездах они не предусматривались, а также отсутствие кредитов на их содержание [6, л.103]. В апреле 1919 началось создание следственного аппарата в уездах, причинами которого был недостаток сил в губернском следкоме и необходимость разбирать дела на месте. Однако к маю 1919 года были созданы только временные уездные следкомы в составе 3 человек. Тогда же было принято решение создать следкомы в составе 3 следователей в важнейших пунктах каждого уезда. После создания они просуществовали до декабря 1919 года, в целом плохо себя зарекомендовав. Вместо них в состав следкома нарсудов был введен один представитель трибунала, который отвечал за расследование политических дел. Альтернативой следкомам уже в 1919 году стали выездные сессии губернского трибунала, которые замещали их функции. В 1920 году под давлением усилившегося продовольственного кризиса и, как следствие, роста различных видов продовольственных преступлений, структура трибуналов в губернии изменилась. В марте 1920 года в Самаре, согласно декрету ВЦИК «О революционных трибуналах», был создан революционный военный ж/д трибунал объединенных Самаро-Златоустовской и Ташкентской

ж/д. Тогда же военные действия на территории Самары были закончены и произошло слияние губревтрибунала с военным трибуналом ЗВО. В 1920-1922 гг. предназначение трибунала сводилось к борьбе с крестьянским оппозиционным движением. После подавления крестьянской оппозиции и голода 1921-1922 гг. надобность в трибунале отпала и в 1922 г. он был реорганизован путем слияния с совнарсудом. Кадровый аппарат трибунала, принципы подбора судей и членов коллегии изменялись на протяжении периода Гражданской войны. Если в первой половине 1918 г. в трибунал входили большевики и максималисты, а следственная комиссия была отстранена от работы, т.к. в ее состав не входили представители от всех социалистических партий, то в 1919 г. ситуация кардинально изменилась. Власти стремились замещать должности в трибунале представителями партии РКП(б). Однако по причине невозможности пополнения большевиками всех советских органов на посты назначались беспартийные, но «всецело стоящие на принципах советской власти» [6, л.113]. Судебные власти губернии не могли, невзирая на первоначальные декларации высших коммунистических руководителей об отстранении профессионалов, обходиться без них, шли на привлечение к службе [7, л.27 и др.]. Деятельность трибунала осложнялась несколькими кадровыми кризисами. В 1919 году кадровый коллапс возник из-за отъезда сотрудников на борьбу с Колчаком. В 1920-1922 гг. главной причиной недостатка сотрудников стал продовольственный кризис, достигший страшных размеров голода. В целом, штат трибунала в 1921 г. был больше, чем состав нарсудов (соотношение равнялось 74 к 61). Организация системы ревтрибуналов в Самарской губернии была вызвана задачами по борьбе с комучевцами и их сторонниками, оставшимися в Самаре в 1918 году, наступлением колчаковцев 1919 г. и подавлением крестьянского оппозиционного движения 1919-1922 гг. Формирование структуры трибунала основывалось как на постановлениях центра, так приобрело местный характер, порой противоречащий чрезвычайной судебной политике центра. Подбор судей и членов трибунала определялся их способностью и готовностью проводить решения, отвечающие требованиям СНК, губисполкома и губкома РКП(б).

Библиографический список

1. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. В трех книгах. Кн. III. Самарский край в XX веке(1918-1996 гг.). Изд-во «Самарский университет, 1998.
2. Цит.по: Титов Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М.: РИО ВЮЗИ, 1987.

3. ЦГАСО. Ф. Р. – 1868. Оп. 2. Д. 3.
4. ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 7.
5. ЦГАСО. Ф. Р. – 1868. Оп. 2. Д. 188.
6. ЦГАСО. Ф. Р. – 81. Оп. 1. Д. 10.
7. ЦГАСО. Ф. Р. – 1868. Оп. 2. Д. 84.

В.Н. Плетнева

Самарский государственный университет

КЛАССОВАЯ ЛИНИЯ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОМ КРАЕ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

При проведении советской властью мероприятий, связанных с переходом к сплошной коллективизации, большую роль играла так называемая классовая линия – определенный подход к разным категориям крестьян, сводившийся к тому, что бедноте было предоставлено наибольшее количество льгот и преимуществ, в то время как зажиточные слои были этого лишены.

Так, к началу 1929 основные преимущества, оказываемые бедноте выражались в следующем:

а) предоставление земель ближайших, лучших и более легких для освоения;

б) принятие землеустройства бедноты на государственный счет по пониженным таксам (указывается % бедноты по области не менее 60%);

в) внеочередность землеустройства колхозов и кооперативных товариществ, а также объединений хозяйств, сформированных в составе т.н. «групп бедноты»;

г) устройство зажиточных групп на земли, удаленные и требующие для своего освоения усиленных капиталовложений;

д) объединение бедняцко-средняцких хозяйств при разбивке широких полос и при переделах [1, л.57-58].

Одновременно элементом классовой линии при переходе к сплошной коллективизации становится вопрос о кулаке. В противовес беднякам кулакам предлагалось отводить земли в концах полей севообо-

рота, худшие земли, хозяйства кулацкие должны были быть раздробленными, чтобы не образовались кулацкие села. Также отдельным группам кулаков предлагалось выехать за пределы края на необжитые колониальные фонды [2, л.13].

Большое внимание классовой линии руководство края начинает уделять в области судопроизводства по уголовным делам. Причем выражается недовольство работой судов, недостаточностью классового подхода к рассмотрению ими дел с участием крестьян. В случае прохождения середняков и бедняков по делам о беспорядках делается довольно банальный вывод о том, что кулачество использует в своих контрреволюционных целях близкие пролетариату слои в деревне, а органы следствия при предварительном расследовании и судебные органы при судебном следствии не выявляют классовой сущности дела, ограничиваясь исследованием фактов преступления [3, л.32].

Отсутствие классовой линии в работе судов и милиции приводит, по мнению руководства краем к подъему антисоветских выступлений. К примеру секретарь бюро ЦК ВКП(б) Средне-Волжского края М.М. Хатаевич отмечает, что обследован ряд волостей и районов, где имели место наиболее яркие факты террора и антисоветских выступлений и везде в этих районах выявилась чрезвычайно слабая партийная и массовая работа, наличие фактов разложения, грубой нетактичности, связи с чуждыми элементами и нарушения классовой линии в работе партийных советских органов [3, л.51].

Таким образом, к началу мероприятий по проведению сплошной коллективизации на селе классовая линия становится одной из главных методологических установок советской власти. Однако в год «Великого перелома» — 1929 г. — можно наблюдать ее трансформацию в сторону ужесточения. Если раньше задачи сводились к тому, чтобы предоставлять кулакам худшие земли и облагать большими налогами, то теперь ставка делается на другое. Вот как видит руководство области классовую линию в ходе сплошной коллективизации: «в районах сплошной коллективизации мы можем и должны поставить вопрос борьбы с кулачеством по-новому. ... Мы можем поставить вопрос об экспроприации всех средств производства у кулачества, о передаче их в неделимый фонд колхоза, тем самым нанося решительный и сокрушающий удар остаткам капитализма в этих районах. В этом свете, как на форму борьбы с кулачеством недостаточно уже указания на недопущение кулака в колхоз и его очистку оттуда. Жизнь ставит перед нами вопрос о ликвидации, уничтожении капиталистических элементов в кратчайший исторический срок. Как новая форма борьбы ставится вопрос о «раскулачивании» в новых условиях. Не размежевание классов, а их уничтожение — такова наша установка» [4, л.2-3].

В заключении стоит отметить, что классовый принцип являлся эффективным способом разделения крестьян внутри деревни на разные группировки, а по мере его ужесточения становился настоящим оружием власти в борьбе с крестьянством.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф.347. Оп.1. Д.28а.
2. СОГАСПИ. Ф.655. Оп. 1. Д. 26.
3. СОГАСПИ. Ф.655. Оп. 1. Д.1.
4. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 1. Д. 24.

А.М. Иванов

*Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей,
экономики и права, филиал в г. Смоленске*

ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО БОРЬБЫ ЗА ТРЕЗВОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Всесоюзная учредительная конференция Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, состоявшаяся 25 сентября 1985 г., приняла Устав добровольного общества трезвости [1, л.21-24], в котором устанавливалось, что созданное Всесоюзное добровольное общество по борьбе за трезвость должно было работать в постоянном деловом, практическом контексте со всеми государственными, хозяйственными, профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями, трудовыми коллективами, научными учреждениями, органами здравоохранения, образования, культуры, спорта и туризма, идеологическими и просветительскими учреждениями страны.

Уставом определялось, что членами Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость могли быть граждане СССР, достигшие 18 лет и воздерживающиеся от употребления алкогольных напитков, постоянно ведущие себя в обществе и быту. Прием в члены общества осуществлялся строго на добровольных началах общим собранием первичной партийной организации предприятия, стройки, совхоза, колхоза, учреждения, учебного заведения. Была поставлена задача, чтобы созданное общество стало организацией непримиримых энтузиастов, не только полностью отказавшихся от алкоголя, но и подающих пример другим, ведущих активную борьбу за трезвость.

Учредительной конференцией было решено Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость создавать по территориально-производственному принципу, основой которого будут первичные организации по месту работы, жительства, учебы членов общества: на предприятиях, в совхозах и колхозах, учреждениях и учебных заведениях, а также при домоуправлениях, жилищных отделах, конторах, комбинатах и т.п., рабочих общежитиях.

25 сентября 1985 г. в Москве прошла учредительная конференция Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, на которой было решено до 15 ноября 1985 г. в городах и районах, крупных производственных коллективах создать городские и районные организации общества [2, л.78-96, 129-131]. На городских и районных учредительных конференциях рекомендовалось избрать от 110 до 150 делегатов, в их числе не менее половины рабочих и рядовых колхозников. Персональный состав участников конференции определялся оргкомитетами по согласованию с партийными органами.

Руководящим органом городской, районной организации общества считался совет, избираемый конференцией в количестве 30-40 человек, исполнительным органом – правление, избираемое советом в составе председателя, заместителя председателя и членов. Совет также утверждал ответственного секретаря. В совет следовало рекомендовать авторитетных, опытных, активных работников, передовых рабочих и колхозников, представителей интеллигенции, общественных организаций. Необходимо было, чтобы рабочие и колхозники составляли не менее трети состава советов и правлений. На учредительных собраниях по созданию первичных организаций в трудовых коллективах открытым голосованием избирались председатель, секретарь и казначей. В крупных первичных организациях, насчитывающих свыше 50 членов избирать руководящую группу или бюро в количественном составе, установленном собранием.

Вся организационная работа по подготовке и проведению учредительных конференций и собраний, формированию руководящих органов городских и районных организаций Общества возлагалась на исполкомы Советов народных депутатов совместно с городскими и районными комитетами ВЛКСМ, горздравотделами, а в трудовых и учебных коллективах – на профсоюзные и комсомольские комитеты. Собрания первичных организаций должны были избирать председателя, секретаря и казначея сроком на 2-3 года. Общее собрание первичной организации собиралось по мере необходимости, о не реже двух раз в год [3, с.4].

15-19 октября 1985 г. состоялась учредительная конференция областной организации Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, проводимая Смоленским обкомом КПСС. На учредительную конференцию было приглашено 266 делегатов, прибыло 248 – передовики производства, партийные, советские, профсоюзные, хозяйственные и комсомольские работники; представители науки, культуры, искусства, учреждений здравоохранения, физкультуры и спорта, творческих организаций. Председателем оргкомитета Смоленской областной организации общества был избран Н.Б. Козлов, который отметил, что «возрастает внимание к проблемам нравственного совершенствования общества... Одним из важных направлений в этой работе партия выдвинула утверждение трезвости как нормы жизни» [1, л.1-2].

На учредительной конференции Смоленского областной организации Всесоюзного общества борьбы за трезвость был избран руководящий орган организации – Совет областной организации добровольного общества борьбы за трезвость в количестве 61 человека, ревизионная комиссия областной организации в составе 7 человек [1, л.56].

19 октября 1985 г. состоялось первое организационное заседание Совета Смоленской областной организации Всесоюзного общества борьбы за трезвость и ревизионной комиссии. Оно избрало председателя Совета – Л.А. Серых; заместителя председателя – А.М. Деменкова; второго заместителя председателя – Н.Б. Козлова; ответственного секретаря – И.М. Изаренкова; председателя ревизионной комиссии – В.П. Лобанову и 6 членов правления Совета [1, л. 55-57].

Задача Смоленской областной организации Всесоюзного добровольного общества состояла в том, что на основе творческой инициативы и самодеятельности своих членов, при поддержке партийных и общественных организаций, трудовых коллективов добиться выполнения постановлений партии и правительства о преодолении пьянства и алкоголизма в стране.

Однако те мероприятия, которые были проведены по борьбе с пьянством и алкоголизмом, было недостаточно. Здоровый образ жизни утверждался медленно, нарушения трудовой дисциплины и порядка, оставались распространенными и требовали последовательной, настоящей и упорной борьбы.

Библиографический список

1. Государственный архив Новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 65. Д. 135. Стенограмма учредительной конференции

областной организации Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, проведенной обкомом КПСС 15-19 октября 1985 г.

2. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 28-29. Д. 1292 .

3. Деменков А. Первые шаги общества // Рабочий путь. 1985. 27 ноября.

Е.А. Ковалева

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет*

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СТАЛИНГРАДА С ГОРОДАМИ-ПОБРАТИМАМИ В 1940-Х-1950-Х ГОДАХ

Ковентри и Сталинград считаются «пионерами интернациональной дружбы» ¹, с.12.]. В период Второй Мировой войны между городами устанавливается переписка, жители Ковентри собирают 20 000 фунтов стерлингов на медикаменты для раненых в Сталинграде, с 1942 года в Ковентри проходят выставки, показывающие жизнь в СССР, демонстрируются советские фильмы [2, л. 4].

В 1944 году в Ковентри создается Комитет англо-советского единства и Комитет дружбы со Сталинградом, целью которого является установление дружественной переписки между соответствующими возрастными группами, обмен литературой и информацией, а также взаимный обмен делегациями [3, л.12].

Нестабильность почтовой системы после войны не позволила сразу установить регулярные отношения, но это явилось первыми шагами в направлении развития дружественных связей между городами. В обращении депутатов горсовета Сталинграда к жителям британского города говорилось: «...сталинградцы знали, что когда на их город были обрушены сотни бомб, когда огнем и дымом были охвачены не только кварталы, но и Волга, что Ковентри также подвергался воздушным налетам. Когда защитники Сталинграда дрались за каждую улицу, за каждый дом, жители Ковентри видели в них пример мужества и стойкости. Так родилась дружба между нашими городами» [4].

Регулярная переписка между муниципалитетами городов стала налаживаться с 1949 года. А в 1951 году в составе советской делегации, выехавшей в Англию по приглашению общественных организаций, была депутат городского совета Сталинграда Т.С. Мурашкина, которая нанесла визит мэру г. Ковентри. Об этой поездке упоминает в своем письме Сталинградскому Горисполкому Д.Девис, принося Мурашки-

ной благодарностью за книги, которые были ему переданы. Из данного письма мы также узнаем, что Д.Девис самостоятельно выучил русский язык, с увлечением читал советскую литературу и перевел на английский несколько рассказов Чехова [5, л.10].

Таким образом, мы видим, что наряду с перепиской на уровне муниципалитетов, зарождается переписка с отдельными гражданами, что свидетельствует об интересе англичан к жизни советских людей, советской культуре, искусству.

В начале 50-х годов культурное взаимодействие между городами сочеталось с совместным движением за разоружение. Осенью 1954 года в Сталинград прибыла делегация из Ковентри для выработки совместного обращения в Комитет по разоружению ООН и о запрете атомного и водородного оружия [6, л.4].

В первые послевоенные годы складываются дружественные отношения Сталинграда с Островой. Началом их стало получение в 1946 году письма от начальника личной канцелярии президента Чехословацкой республики [7, л.24].

Между городами завязалась регулярная переписка: поздравления с победой над фашизмом, с 1 мая, с днем советской армии. Письма и телеграммы поступают как от муниципалитета города, так и от коллективов рабочих заводов, что говорит, прежде всего, о приоритете экономического сотрудничества между городами. Подтверждение этому – посещение советской делегацией Острavy в 1950-ом году, во время которой были совершены экскурсии на промышленные предприятия и сельскохозяйственные кооперативы. К работе каждого предприятия советская делегация составила конструктивные замечания, которые впоследствии были переданы в Центральный комитет Чехословацкой Коммунистической партии [8, л.14].

Взаимоотношения Острavy и Сталинграда несли на себе отпечаток социалистической идеологии, но, на наш взгляд, рассматривать этот факт нужно с позитивной стороны, так как он был направлен на строительство социалистического будущего и «дальнейших успехов ... в борьбе за укрепление мира во всем мире» [9, л.26].

За первое десятилетие развития побратимского движения Сталинград активно взаимодействовал с Ковентри и Островой. Как свидетельствуют источники, в отношениях с Ковентри, доминирующее место отводилось развитию культурных связей. В отношениях же с Островой, на первое место выступает обмен производственным опытом. Несмотря на то, что Ковентри являлся городом капиталистической страны, рядовые граждане и муниципалитеты с искренним интересом активно поддерживали связь. Таким образом, в период зарождения

побратимского движения Сталинграду принадлежит роль инициатора дружественных отношений между городами и активного участника этого движения. Отношения, которые складывались между Сталинградом и Ковентри и Сталинградом и Островой, стали почвой, на которой окрепло и приобрело международный статус уникальное движение городов-побратимов.

Библиографический список

1. Анипкин А.М. Из опыта идейно-воспитательной работы Волгоградской партийной организации. М.: Плакат, 1989.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 1078а.
3. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 1078а.
4. Кулишенко Н., Лунная соната для Ковентри // Режим доступа: http://www.hrono.info/statii/2010/kulish_luna.php, свободный. – Загл. с экрана.
5. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 1486в.
6. ГАВО. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 1486а.
7. ГАВО. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 785
8. ГАВО. Ф.Р-71. Оп. 1 Д.1171 а
7. ГАВО. Ф.Р-71. Оп. 1. Д. 1342а.

О.Н. Евменова

Тольяттинский государственный университет

АДАПТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД СИСТЕМНЫХ РЕФОРМ (1991-1999 гг.)

После распада СССР новообразованное государство потребовало новых условий организации власти. Рухнувшая система изжила себя, и необходимо было строительство качественно новой, включающей все направления и уровни власти.

Ряд исследователей сравнивают создание органов местного самоуправления в конце XX века с Земской реформой конца XIX, проводя параллель между ними (Тимофеев Н., А. Дементьев), но при этом подчеркивая разницу между этими историческими событиями: «В отличие от земской реформы, на реформу местного самоуправления в 1990-

1992 годах наложили отпечаток реформы в области экономики, перераспределение собственности. По всей видимости, именно поэтому 21 сентября 1993 года и были распущены Советы, — эта идея, конечно, требует обсуждения, но вполне очевиден сам факт: реформа собственности существенным образом отличает реформу начала 1990-х годов от земской реформы» [1, с. 51].

Формирование системы органов местного самоуправления стало первым шагом к зарождению «обратной связи» между властью и народом. В Самарской области о наличии взаимодействия свидетельствуют отчеты Отделов администрации по количеству и характеру обращений граждан. При этом, анализ показывает расхождение предоставленной информации не только за одни и те же годы, но и статистические ошибки в отчетах, представленных в администрацию Самарской области. Из полученных ответов на обращения граждан видно, что система взаимодействия еще четко не налажена. Контролирующая функция выполняется не в полной мере: «...далеко не все исполнители с должной ответственностью относятся к порученной работе. Так, с нарушением сроков рассматривались обращения в ГУЭС — 2, управление здравоохранения — 2, отдел культуры — 1, управление социальной защиты населения — 5, комитетах: по делам семьи, материнства и детства, по управлению имуществом города, по земельной реформе — 8 и т.д.» [2, л. 3].

Также прослеживается и то, что органы МСУ работают над данным вопросом. Так, руководству администраций районов города, управлений, комитетов, отделов поручено ужесточить контроль за оперативным и качественным рассмотрением обращений граждан: вводится процедура наказания, за нарушение взаимодействия: «...строже спрашивать с должностных лиц за волокиту и нерасторопность» [2, л. 3].

Исходя из анализа архивного документа, можно увидеть, что граждане повторяют свои запросы. Основными вопросами становятся проблемы жилья, телефонизации, предоставления земельных участков [2, с. 8-17]. При работе с обращениями граждан городская администрация выполняет коммуникативную функцию — разъясняет, направляет к нужным специалистам или переадресует вопросы по их уровню важности — в мэрию или районные администрации. Как у городской администрации, так и у администрации районов налажена прочная связь с мэрией.

Для продуктивной реализации действий органов местного самоуправления необходимо вовлечение населения в сферу управления. В данных, приведенных в отчетах органов территориального общественного самоуправления (ТОС) по городу Тольятти за период 1991-1998гг., отмечается стремление людей к объединению. В противовес указанно-

му, районными администрациями отмечается, что данные приведенные в отчетах сильно преувеличены и делается вывод об оставлении этого факта на совести у председателей органов ТОС. Это подтверждает уже указанное нами выше противоречие между официальными данными и фактическими.

Учитывая вышеизложенное, говорить об участии населения в государственном управлении, на момент окончания исследуемого периода, не приходится. Местное самоуправление сможет стать силой способной влиять на политические процессы в стране только тогда, когда население станет воспринимать органы местного самоуправления как выразителей собственных интересов, а не как управляющую надстройку, когда наладится процесс взаимодействия, а не отторжения, как в настоящее время.

Инициатива населения в вопросах местного значения — это положительный момент в развитии народовластия, но адаптация населения к новым условиям организации власти в период системных реформ проходила на территории региона Среднего Поволжья по-разному. Степень доверия граждан к органам местного самоуправления поначалу была на очень высоком уровне. Снижение данного показателя мы увидели на примере г. Тольятти, проанализировав отчет об обращениях граждан. По нему же можно проследить и причину потери доверия — неправильно сформулированные запросы и низкий уровень информированности населения о компетенциях работы органов местного самоуправления на различных уровнях власти.

Население, привыкшее к режиму, сложившемуся в России с 1917г. необходимо было свыкнуться с новой ситуацией. Если раньше, обращения, поданные в Советы, могли касаться всех сфер жизни, то теперь, с разграничением функций в комитетах и отделах нужно было четко формулировать возникшую проблему. Из-за неправильно направленного обращения решение вопроса затягивалось, переходя из ведения одного отдела в другой, либо терялось вовсе, т.к. система еще не была налажена. Складывающаяся ситуация возродила такое явление как бюрократия. Хотя в этом случае данное определение не несет негативного оттенка, а отражает сложившуюся систему организации власти.

Библиографический список

1. Дементьев А. Местное самоуправление в России: исторические параллели // Местное самоуправление в современной России: политика, практика, право.
2. Тольяттинский городской архив (ТГА). Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 173.

СЕКЦИЯ III.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

И.Н. Плотников

Самарский государственный университет

ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ГОРОД В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Золотоордынский город – это интереснейшее явление в мировой истории, и внимание к нему с течением времени только возрастает. Цель настоящей статьи, – дать краткий обзор советской и современной российской историографии посвященной золотоордынскому городу. Особое внимание в настоящей статье уделено изучению Поволжских городов Золотой Орды.

Немалый интерес к истории Улуса Джучи возник в уже 20-е гг. XX столетия. Значительную роль в углублении представлений об Улусе Джучи сыграли раскопки на золотоордынских памятниках XIII – XIV вв. в Поволжье проведенные Ф.В. Баллодом [10, с. 26]. Ф.В. Баллод сделал целый ряд важнейших выводов, он, например, пришел к выводу, что Старый Сарай с. Селитренного – крупнейший культурный центр Улуса Джучи, заводы и мастерские которого могли снабжать все государство, всем необходимым народ решивший сбросить с себя облик дикаря и варвара [1, с. 85 – 121].

Начиная 1938 года в течение нескольких десятилетий (с перерывом на годы Великой Отечественной войны), осуществлялись планомерные раскопки на Болгарском городище под руководством А.П. Смирнова, а после него его приемниками Т.А. Хлебниковой и Д. Г. Мухаметшиным [21, с. 10 – 11, 15, с. 201 – 202]. В результате многолетних раскопок была тщательно исследована и разработана стратиграфия культурных напластований города, изучены целый ряд архитектурных памятников Болгара (Джами-мечеть, Малый минарет и др.). И в целом удалось представить Болгар на всех этапах его существования [21, с. 10 – 11]. Результаты раскопок на Болгарском городище были отражены во многих научных трудах. Но наиболее полно в серии книг «Город Бол-

гар». Благодаря колоссальным усилиям редакционной коллегии под руководством Г.А. Федорова-Давыдова, а после его смерти под руководством П.Н. Старостина. А также труду большого авторского коллектива состоящего из многих видных исследователей. Были подготовлены и изданы 5 томов серии «Город Болгар». В пятитомнике были освящены все наиболее значимые стороны жизни города Болгар. Тем самым был подведен итог многолетним археологическим исследованиям на Болгарском городище [4;5;6;7;3].

Одновременно с раскопками Волга-Камье, велись археологические исследования в Нижнем Поволжье. В 1959 году А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов на страницах журнала «Советская археология» призвали к археологическому изучению золотоордынских городов [14, с. 130 – 131]. И в том же году Поволжская археологическая экспедиция, возглавляемая Г.А. Федоровым-Давыдовым начала раскопки. Сначала скромные, они достигли с течением времени внушительных размеров. В конце 1950-х – 1990-х гг. раскапывались Царевское, Селитренное, Водянское городища в Волгоградской и Астраханских областях. Всего в период с 1959 по 1997 г. на трех городищах было вскрыто 34800 м² [19, с. 92 – 93]. Эти исследования не только в сотни раз расширили историкокультурную базу изучения, и создали золотоордынскую археологию, но они также позволили реконструировать жизнь этого государства [10, с. 29-32]. На основе вновь открытых материалов Г.А. Федоровым-Давыдовым было написано множество научных работ [16, с. 226]. Такие его монографии, как «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов», «Общественный строй Золотой Орды» и «Искусство кочевников и Золотой Орды», стали классическими, составляя целый новый период в исследованиях археологии, искусства и истории Золотой Орды [18;20;17]. Именно Г.А. Федоров-Давыдов в своих работах оценил колоссальное значение городов для Золотой Орды. Автор с полным основанием расценивает золотоордынский город XIV в. в качестве новой силы, активно влияющей на внутреннюю жизнь государства. Г.А. Федоров-Давыдов подчеркнул развитость ремесленного производства в городах, а также значение городов, как административных центров, надежной опорой центральной власти и места сосредоточения управленческого аппарата [9, с. 173 – 175]. Впоследствии проблемы затронутые Г.А. Федорова-Давыдова получили дальнейшее разработку в трудах его учеников и коллег, в том числе В.Л. Егорова [8]. Советская наука в плане изучения Улуса Джучи много достигла, но целый ряд проблем так и остались неразработанными.

В 1990-2000-х гг. наступил новый этап в изучение истории Золотой Орды. Вместе с развалом Советского Союза, ушло в прошлое жесткое давление политической власти на науку. И в современной российской

историографии произошел настоящий всплеск интереса к археологии Золотой Орды [10, с. 33]. Активно велись раскопки на городище Джукетау, и на Нижневолжских городищах. Если в советское время считалось, что Джукетау это в основном домонгольский город, теперь же было доказано, что Джукетау это и крупный город эпохи Золотой Орды [12, с. 47–49]. На основе вновь открытых материалов были подготовлены новые обобщающие работы по золотоордынским городам в Нижнем Поволжье, в которых разработаны вопросы взаимодействия города и его округа, предложена новая периодизация градостроительной политики Джучидов и тд. [13; 2]. Новый подход к изучению золотоордынского города предложил М.Г. Крамаровский. Он рассматривает золотоордынскую городскую культуру на общеевропейском фоне. Герои его книги, — люди живший на средневековой улице одного из европейских городов. Автором осуществлена попытка характеристики улицы средневекового города через цепочку тщательно отобранных артефактов. Идея не нова, но как система конкретных наблюдений — осуществлена впервые и по своему уникальна [11, с. 2–3].

В заключение можно сказать, что многочисленные исследования историков и археологов позволили выявить самый разнообразный материал по всем сторонам жизни золотоордынского города. Который, при сопоставление с другими материалами, способен заполнить лакуны и раскрыть многие, до этого не известные, страницы истории и культуры Улуса Джучи.

Библиографический список

1. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М., Пг., 1923.
2. Блохин В.Г., Яворская Л.В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
3. Город Болгар: Культура, искусство, торговля. М., 2008.
4. Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.
5. Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
6. Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
7. Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
8. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. Изд. 2. М., 2009.
9. Егоров В.Л. Рец. на книгу Г.А. Федоров-Давыдова Общественный строй Золотой Орды // Вопросы истории. 1974. № 1.
10. История татар с древнейших времен в VII т. Т. III. Казань, 2009.
11. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012.

12. Набиуллин Н. Город Джукетау в XIII – XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золотоордынский) // Татарская археология. 2001. № 1-2 (8-9).
13. Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М., 2010.
14. Смирнов А.П. Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // Советская археология. 1959. № 4.
15. Старостин П.Н. Памяти Т.А. Хлебниковой // Татарская археология. 2001. № 1-2 (8-9).
16. Фахрутдинов Р. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова // Татарская археология. 2000. № 1-2.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М., 1976.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. 1997. № 1.
20. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
21. Хлебникова Т. А.П. Смирнов и Булгар // Татарская археология. 1999. № 1-2 (4-5).

А.Г. Васильева

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVII В.

Общественная мысль в России XVII в. была фрагментарной и разрозненной, в ней сложно найти всеобъемлющую концепцию или сплоченную школу. Те или иные идеи обычно высказывались по конкретным поводам и обычно были аргументами в споре, обычно богословском. Важно отметить, что в религиозном обществе XVII века основной формой полемики по тем или иным вопросам мировоззрения был именно спор о деталях богослужения.

Тем не менее, общественную мысль этого времени можно условно разделить на три направления, каждое из которых ориентировалось на свой образец: ревнители старины доказывали превосходство национального опыта, грекофилы стремились следовать примеру греческого православия, европеисты предлагали разумно заимствовать достиже-

ния Европы. Два первых направления, ориентировавшихся на знакомое и известное, можно обозначить общим термином «традиционализм».

Ключевым конфликтом для размежевания двух направлений традиционализма XVII в. стал спор вокруг исправления церковных книг и обрядов в середине века и последовавший за ним церковный раскол. За спором о выборе образца для исправления книг стоял спор о выборе пути развития.

Из всех теоретических построений, посвященных проблемам традиции и традиционализма, наиболее интересными кажутся тезисы Е. Шацкого [5].

Традиционализм как направление мысли, по мнению Шацкого, возникает как ответ на необходимость доказать превосходство привычного, т.е. тогда, когда традиция находится в опасности. Так, ревнители старины наиболее полно формулировали собственные идеи, доказывая несостоятельность проводимых грекофилами исправлений церковных книг и обрядов; грекофилам пришлось отстаивать привычную ориентацию на греческую ученость в противовес европейскому типу образования в 1680-х гг.

Шацкий отмечает еще одну важную особенность: декларируя приверженность ко всему наследию прошлого в целом, традиционализм не принимал его полностью, а отбирал отдельные его элементы. Таким образом, традиция, понимаемая как комплекс образцов, осознанно или неосознанно конструировалась. У грекофилов и ревнителей старины — одно и то же прошлое. Но из этого общего прошлого они выбирали разные элементы. Ревнители превозносили национальный опыт и акцентировали внимание на опыте самостоятельности русской церкви. Грекофилы, напротив, сосредоточивались на опыте взаимодействия и подчинения русской церкви восточной иерархии.

Интересно, что в деятельности грекофилов аспект конструирования традиции более нагляден: сторонники греческих образцов сознательно создавали либо отвергали ее элементы. Так, патриарх Никон в 1654 г. писал письмо константинопольскому патриарху Паисию с вопросами о разнице в греческих и русских обрядах. Ответ Паисия, интерпретированный грекофилами как одобрение реформы, наряду с мнениями приглашенных восточных иерархов был важным аргументами в споре [2]. В свою очередь, Деяние собора 1667 г., закрепившее победу сторонников новых обрядов, прямо объявляло неверными ряд значимых для ревнителей — противников реформы — текстов (житие Евфросина Псковского, послание в митрополиту Геннадию о белом клобуке) и авторитетов (Стоглавый собор) [1].

В рамках традиционализма появилась необходимость доказать превосходство традиции в условиях, когда давность уже не может быть единственным аргументом. Шацкий выделяет два основных способа рационализации традиции: во-первых, это ее актуализация, т.е. стремление доказать, что образцы прошлого актуальны в настоящем. Именно это пытались сделать оба направления: доказать, что образцы прошлого верны, а потому значимы и сейчас. Так, рассматривая ключевой вопрос о греческом авторитете, грекофилы ссылались на Деяния константинопольского собора 1593 г. об учреждении в России патриаршества, а ревнители – на Флорентийскую унию, уравнивавшую православных греков с католиками [4,5 и др.].

Во-вторых, это систематизация традиции, т.е. стремление разработать систему воззрений, отвечающую на все возможные вопросы. Именно это пытались сделать ревнители старины – старообрядцы, оказавшись в изоляции, как навязанной, так и самостоятельно выбранной после собора 1666 г. Судя по тому, что уже в конце XVII в. начался неуправляемый распад старообрядчества на толки и согласия, этого сделать не удалось.

Применение теоретических построений к данным конкретным историческим источникам открывает новые возможности их интерпретации. Осмысление богословских споров в России XVII века с точки зрения теории традиции Е. Шацкого позволяет вписать их в более широкий и целостный контекст общественной мысли.

Библиографический список

1. Деяние собора 1667 г. // Субботин Н. И. Материалы для истории раскола а первое время его существования. М., 1876. Т. 2.
2. Слово отвещательное // Патриарх Никон. Труды. М., 2005.
3. Ответ православных // Титова Л.В. Послание дьякона Федора к сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.
4. Челобитная (пятая) о вере соловецких иноков // Субботин Н.И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1878. Т. 3.
5. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ В ИСТОРИОГРАФИИ НА КОНСЕРВАТИЗМ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Идея сильной государственной власти всегда была актуальна для России и глубоко укоренилась в сознании народа. Для эффективного государственного управления необходима идеология – система научных (философски обоснованных) взглядов на общество в целом и отдельные его стороны. Формирование государственной идеологии – процесс медленный и порой довольно противоречивый; в России ее становление происходило в XIX в. Именно тогда складывались основные направления политической мысли, одним из которых выступал консерватизм. Своеобразным символом русского консерватизма, оказавшим определенное влияние на развитие русской культуры 30-40-х гг. XIX в., стала идеологическая доктрина С.С.Уварова.

В дореволюционной историографии попытки критического анализа доктрины «православия, самодержавия, народности» связаны, в большей степени, с работами А.Н.Пыпина, который и ввел в научный оборот понятие теории «официальной народности». Сущность теории «официальной народности», по утверждению Пыпина, «состояла в том, что Россия есть совершенно особое государство и особая национальность, не похожие на государства и национальности Европы» [1, с.113]. Согласно этому подходу, Уваров впервые высказал принципы, которые должны были лечь в основу всего ее государственного и общественно-го развития.

Сущность идеологической доктрины С.С.Уварова попытался раскрыть А.А.Корнилов. Корнилов обратил внимание на идейную эволюцию Уварова – либерала alexсандровского царствования и Уварова – консерватора и реакционера при Николае I. По его мнению, Николай I связывал вопрос народного образования и воспитания с направлением политической мысли, целью этой системы должно было стать предотвращение развития революционных стремлений. Именно в Уварове он нашел наиболее яркого и талантливого сторонника и исполнителя его замыслов. Корнилов считал фактически отцом системы «официальной народности» Н.М.Карамзина, чьи идеи оказали огромное влияние на императора и министра просвещения [2].

Переходя к советской историографии, стоит отметить, что серьезных шагов в направлении изучения генезиса данной идеологии сделано не было. В советской историографии прочно утвердилось определе-

ние доктрины С.С.Уварова и его политики как глубоко реакционной. Идеологическая программа С.С.Уварова и ее реализация получили негативную оценку. Наиболее оригинальными, в данном случае, являются работы известного русского философа Г.Г.Шпета и историка А.Е.Преснякова, написанные в 20-е гг. XX в.

В своей книге «Очерк развития русской философии» Г.Г.Шпет пишет, что самодержавие составляет главное условие политического существования России. Наряду с двумя национальными началами находится и третье, не менее важное: народность. Наименее ясным представляется начало народности как «национальное начало». Разъяснения, какие встречаем мы у самого Уварова, не идут дальше общих мест. В этой идее можно только видеть отражение или восприятие западноевропейского романтизма вообще или исторической школы права [3, с.245-246].

А.Е.Пресняков, рассматривая идеологию николаевского царствования, акцентировал внимание, главным образом, на одном из ее аспектов. Выявляя причины столь резкого противопоставления России Западу, обозначившего главное направление всей идеологической конструкции, он отметил, что соотношение России и Западной Европы приняло во второй четверти XIX в. новый характер. В этот период, по мнению Преснякова, созревает «усиленная реакция против александровского интернационализма» и «крепнет тенденция обособления России от Европы»[4, с.247].

К историографии 70-х гг. XX в. можно отнести труды американского историка, специалиста по истории России и СССР Ричарда Пайпса. В своей книге «Русский консерватизм и его критики» он писал, что уваровская триада — «православие, самодержавие, народность» — стала идеологическим обоснованием правления Николая I [5, с.134]. Она была поддержана рядом посредственных ученых и журналистов, среди которых были московский историк М.П.Погодин и его петербургский коллега С.П.Шевырев. «Система» внедрялась с помощью множества бюрократических и полицейских мер, и власти преуспели в своих целях; Россия избежала революционных и националистических потрясений 1820-х и 1830-х гг., а также революции 1848 г.

Если говорить о современном этапе историографии, то стоит отметить, что в 1996 г. журнал «Высшее образование в России» опубликовал серию статей, посвященных графу Уварову. Основной целью авторов — В. Хотеевкова и В. Чернеты — является попытка реабилитировать самого Уварова как государственного деятеля и его деятельность на посту министра народного просвещения [6, с.147-160]. Подчеркивалось, что министр, отстаивая консервативные принципы образования,

одновременно выступал за его прогрессивное развитие, представ как просветитель. Идеологическую программу Уварова авторы характеризуют как «развитие идеала, унаследованного от традиционной старины и поддержанного европейским консерватизмом».

Изучению идеологии «православие — самодержавие — народности» посвящена статья А.Л.Зорина [7, с.71-105]. Уваров, по мнению исследователя, еще в молодости увлекшись идеологией немецкого романтизма, и в зрелом возрасте продолжал оставаться под ее непосредственным влиянием. Уваров предлагал веру в монархические начала и народные традиции возродить именно в сфере образования. Три уваровских начала встали во главе государственной консервативной идеологии Николая I, имевшей целью стать сдерживающим тормозом социальных потрясений.

Единственным монографическим исследованием является работа американки Цинции Х. Виттекер «Граф Уваров и его время» (1999 г.) [8]. Анализируя и подробно характеризуя жизненный путь и общественно-политические воззрения Уварова, исследовательница считает своего героя умеренным либералом, отвергая версию о его переходе с позиций умеренного либерализма к консерватизму. Она характеризует преобразовательную политику в области народного просвещения во второй четверти XIX в. как консервативное обновление. Анализируя уваровские работы, Виттекер приходит к выводу, что Уваров имел целую программу политических, экономических и культурных преобразований, целью которых было объединение усилий государства, народа и образованного слоя для решения стоящих перед Россией проблем.

Стоит отметить, что при всем многообразии представленных в обзоре работ в отечественной историографии до сих пор не осуществлено комплексное исследование создания идеологической доктрины, ее последующей пропаганды и реализации.

Библиографический список

1. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1909.
2. Корнилов А.А. Теория официальной народности и внутренняя политика Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. 4. Ч. 2.
3. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989.
4. Пресняков А.Е. Николай Первый. Апогей самодержавия // Российские самодержцы. М., 1990. С. 297.

5. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. М., 2008.
6. Хотеевков В., Чернета В. Граф С. С. Уваров – министр и просветитель // Высшее образование в России. 1996. №1-2.
7. Зорин А.Л. Идеология «православия-самодержавия-народности»: Опыт реконструкции (Неизвестный автограф меморандума С.С.Уварова Николаю I) // Литературное обозрение. 1997. № 26.
8. Виттекер Ц.Х. Граф Уваров и его время. СПб, 1999.

А.Ю. Шепелева

*Поволжская государственная
социально-гуманитарная академия*

ЦЕРКОВЬ В ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В 1875-1878 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГУБЕРНИЙ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ)

«Живи и жить давай другим», – всегда
было главным лозунгом славянства
(*Церковный вестник. 1877. № 5*).

Русская Православная Церковь на протяжении более тысячи лет верой и правдой служит своему Отечеству и, служа ему, вместе с тем, иногда даже предваряла решения правительства, оказывало на него влияние или вдохновляла его своим примером на помощь другим народам – единоверным, единоплеменным, страждущим, лишенным свободы, чести и достоинства. Во всей своей силе эта любовь и поддержка отразилась в освободительном движении народов Балкан от Османского ига [1, с. 121].

Церковь развернула широкую деятельность в поддержку общественного движения в пользу славян. Известный богослов-славянофил А.С. Хомяков призывал славянские народы свергнуть вековое иго и с честью занять свое место среди прочих народов:

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг другу в объятья,
Скорей за отцовский булат.

Национально-освободительная борьба славянских народов Балканского полуострова с началом Восточного кризиса в 1875 г. стала, воспринимается русским обществом как война за «веру Христову» [2, с. 252]. Во всех уголках России поддерживали борьбу южных славян за освобождение, не остались безучастными к процессу помощи «едино-

верным братьям» жители губерний Поволжья и Приуралья. Во многом направляли народ на оказание всесторонней помощи славянам Балканского полуострова местные епархии. Так, архиепископ Казанский Антоний поручил пастырям своей епархии пользоваться всяким удобным случаем – и в храме и вне его, чтобы донести прихожанам, то в каком плачевном состоянии находятся славяне [3, с. 134].

В конце августа 1875 г. по ходатайству петербургского отдела Славянского комитета Александр II разрешил официальный сбор пожертвований в пользу Герцеговины и Боснии. Во всех церквях губерний Поволжья и Приуралья действовал кружечный сбор в пользу южных славян. Например, в Оренбургской губернии был организован священником военной прогимназии Федором Максимовичем Смирским кружечный сбор при Чудотворной иконе. Ежедневно в кружке оказывалось от 11 до 71 рубля, при этом было замечено, что главная часть сбора состояла из грошей и пятаков, то есть жертвовал в основном простой народ [4].

Несмотря на то, что война воспринималась в обществе как война против неверных, но и мусульманское население России не осталось безучастным к событиям на Балканах в 1875-1878 гг. Так, высочайшая благодарность была объявлена императором Александром II оренбургскому муфтию и оренбургскому магометанскому собранию за сделанное ими пожертвования на санитарные нужды армии в размере 12 400 руб. [5].

Кроме пожертвований, собранные кружечным сбором, многие служители духовных учебных заведений принимали решения перечислять в пользу славян 1 % от своего месячного жалованья [6, л.61].

Волна всероссийского одушевления наступила после объявления манифеста о войны с турками в апреле 1877 г. Уфимский епископ преосвященный Никанор со следующими словами обратился ко всем верующим губернии: «славное веселое время для русского воина, поход за родное, за доброе, за христианское дело» [7].

Неоценимую помощь русской армии оказало духовенство поволжских и приуральских губерний в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. по организации госпиталей, подвижных лазаретов и подготовке младшего медицинского персонала. Главное управление Общества попечения о больных и раненых воинов направляло во все епархии прошения принять деятельное участие в организации медицинской помощи. Так, пензенский епископ Григорий и пожертвовал средства на покупку железных кроватей для пензенского госпиталя [8, с. 20]. В Саратове при конторе Архиерейского дома была устроена больница для 5 выздоравливающих больных [9, л. 47.]. Многие священнослужители отправи-

лись на театр военных действий как штатные священники при госпиталях или дивизиях, причем им полагалось выплаты из средств местных управлений Общества попечения о раненых и больных воинов 300 руб. подъемных и 200 руб. ежемесячного жалования [10, с. 173].

Таким образом, Русская Православная Церковь побуждала население России принять самое активное участие в национально освободительной борьбе южных славян в 1875-1878 г. По оценке данной болгарским экзархом Стефаном в 1948 г.: «Если бы не ее вдохновенные призывы к русским правителям и русским людям может быть, и донныне румыны, греки, сербы и болгары страдали под турецким игом» [11, с. 156].

Библиографический список

1. Скурат К.Е. Русская православная церковь в освобождение балканских народов от ига османской империи // Богословские труды, Московская патриархия. Сборник 28. М.: Издательство Московского патриархата, 1987. С. 142-163.
2. Аксаков И.С. Сочинения. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1886.
3. Скурат К.Е. Русская православная церковь в освобождение балканских народов от ига османской империи // Богословские труды, Московская патриархия. Сборник 28. М.: Издательство Московского патриархата, 1987. С. 142-163.
4. Оренбургский листок. 1876. № 41
5. Уфимские губернские ведомости. 1877. № 51.
6. ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 291. Л. 61.
7. Уфимские губернские ведомости. 1877. № 23.
8. Шепелева А.Ю. Устройство лазаретов и госпиталей в Поволжье в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 134. № 3. С.17-23.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 12651. Оп. 12 Д. 7. Л. 47.
10. Сумина Е.В. Общественное движение в России в период Восточно-го кризиса 1875-1878 гг. Дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
11. Скурат К.Е. Русская православная церковь в освобождение балканских народов от ига османской империи // Богословские труды, Московская патриархия. Сборник 28. М.: Издательство Московского патриархата, 1987. С. 142-163.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В МАРИЙСКОМ КРАЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

История церковно-государственных отношений является неотъемлемой частью истории любого государства. Вопрос взаимоотношения духовной и светской властей в истории России на разных этапах является одной из важнейших граней национального бытия. Вместе с тем, до сих пор не создано обобщающего труда по историографии данного вопроса.

История Русской Православной Церкви в советскую эпоху была, прежде всего, историей беспрецедентных гонений за веру.

Государственная политика в СССР по религиозным вопросам привлекала и привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. Уже в первые послереволюционные годы видные деятели правящей партии пытались сформулировать основные принципы религиозной политики советского государства, дать оценку роли церкви в событиях революции и Гражданской войны [1]. Труды советских исследователей, как правило, имеют очень обобщенный и обзорный характер, и, вдобавок к этому, несут идеологический отпечаток негативного отношения к религии.

Значительный вклад в изучение проблемы внесла иностранная и русская эмигрантская и диссидентская литература. Авторы, работающие за рубежом, были в большей степени освобождены от идеологического давления, но отсутствие доступа к источникам, находящимся в советских архивах, значительно снижало научную ценность их трудов.

В последние десятилетия стремительно развивается новейшая российская историография, которая во многом по-иному смотрит на историю церковно-государственных отношений, затрагивает широкий спектр вопросов во взаимоотношениях Церкви, государства и общества. Значительная часть таких исследований создается церковными авторами, в трудах которых нередко просматривается чрезмерное оправдание действий и позиции руководства Московской Патриархии, несколько идеализируется ее отношение к Советской власти [2]. Вместе с тем, ведется большая работа по изучению судеб людей, репрессий в отношении духовенства.

На фоне развития российской историографии церковно-государственных отношений особое место занимает региональный аспект. Возрастает число исследований проблемы на материалах Марийского

края. История изучения всех аспектов вопроса, началась здесь, как и по всей стране, в последние десятилетия. Исследовательскую работу проводят не только светские историки-специалисты, но и духовенство в лице заинтересованных священнослужителей. Большую и плодотворную работу проводят сотрудники Отдела по канонизации святых Йошкар-Олинской и Марийской епархии.

Изучение вопроса о состоянии православных храмов на территории Марийского края стал изучаться сравнительно недавно. Основная тема, связанная с данным вопросом – это закрытие и разрушение храмов и монастырей в эпоху гонений на Церковь.

В связи с рассекречиванием многих документов, хранящихся в государственных архивах, у ученых появилась возможность обрисовать общую картину приходской жизни населения в период гонений. Значительное внимание уделяется функционированию религиозных обществ того времени.

Церковный раскол, сторонники и противники митрополита Сергия взбудоражили верующих. Применительно к Марийскому краю эта тема практически не изучена. Причина тому – отсутствие доступа к засекреченным архивным делам и достоверным источникам.

Последние годы в научной исторической среде Марийского края, как и в российской исторической науке в целом наметилась тенденция изучения личности в истории. Больше стали уделять внимание изучению жизненных подвигов духовенства и православных христиан, невинно пострадавших в годы Советской власти.

Следует отметить, что всплеск интереса историков к теме отношения Советского государства к Русской Православной церкви явился прямым следствием постсоветского религиозного возрождения, исчезновение идеологических пут и политической цензуры, падение «железного занавеса», открытие архивов и появление, в силу этого, возможности для объективного изучения истории Церкви и ее взаимоотношений с государством.

Вместе с тем, несмотря на усиленную работу, тема церковно-государственных отношений в Марийском крае остается крайне малоизученной. Это открывает большие перспективы и широкие горизонты для исследователей.

Библиографический список

1. Бухарин Н.И. Церковь и школа в Советской республике. Пг., 1920; Введенский А.И. Церковь Патриарха Тихона. М., 1923; Его же: Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в России. 1918-1922). М., 1923; Ярославский Е.М. О религии. М., 1958.

2. Баделин В.И. Золото церкви: Исторические очерки. Иваново, 1995. Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. I – VII. Тверь, 1992. Вострышев М. И. Патриарх Тихон. М, 1995.

С.Ю. Колесникова

Саратовский государственный университет

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: А.Г. БРИКНЕР

В работах современных исследователей под термином «коммуникативное поле» науки понимается социальное пространство связей, в котором рождаются, функционируют, трансформируются и умирают идеи, и где периодические издания зачастую выступают в роли самостоятельных каналов «печатной» коммуникации [1, с. 268–269]. Сам журнальный текст характеризуется как историографический «текст-источник» и результат сотворчества автора, редакции издания, института цензуры и читателей [2, с. 10]. В свете междисциплинарного подхода актуальным представляется решение двух задач: определения места, которое занимала журналистика в коммуникативном поле науки, и задача изучения коммуникативной деятельности посредством текста на примере конкретного историка.

Александр Густавович Брикнер (1834–1896) родился в Петербурге, свое первоначальное образование получил в Петропавловском училище, а в 1857–1860 гг. продолжил обучение в Германии, где прослушал ряд курсов по истории, философии, антропологии Л. Гейссера, К. Фишера, И.Г. Дройзена, Л. фон Ранке в Гейдельбергском, Йенском и Берлинском университетах. По возвращении в Россию, он преподавал в училище Правоведения, Новороссийском университете, а в 1871 г. был избран профессором по кафедре русской истории Дерптского университета, где на протяжении практически 20 лет читал лекции по истории на русском и немецком языках. По разным данным, общее количество его трудов составляет от 300 до 350 наименований; в наиболее точном, но далеко неполном списке, составленном Е.Ф. Шмурло, упоминается 229 работ [3, с. 123–157]. Среди них большое место занимают публикации в периодических изданиях. В связи с этим стоит обратить внимание на следующий любопытный момент: каким образом историки выбирали журналы в качестве места публикации? Зачастую их выбор происходил под давлением обстоятельств. По воспоминаниям

нениям профессора Д.В. Цветаева, близко знавшего Брикнера, «вопрос о печатании не был легким, и в нем следует в значительной мере искать объяснения того, что многие из работ проф. Брикнера сначала появлялись на немецком языке, за границей ... При самом Юрьевском, тогда еще Дерптском, университете не существовало ученого органа, в котором профессору русской истории можно было бы печатать по-русски!» [4, с. 852–853]. Брикнер публиковал свои статьи в русских журналах, таких как «Журнал Министерства народного просвещения», «Русский вестник», «Северный вестник», «Новь», а также в немецких и немецкоязычных изданиях: «Russische Revue» (Петербург), «Baltische Monatsschrift» (Рига), «Historische Zeitschrift» (Мюнхен–Лейпциг), «Nord und Syd» (Бреслау–Берлин), «Nordische Rundschau» (Ревель) и других. В данном случае поражает не только обширная география работ, но и разноплановость самих изданий. Ученый отдавал предпочтение журналам, имевшим наиболее широкую читательскую аудиторию, а также специализированным изданиям, которые изначально формировались как коммуникативная площадка профессиональных историков [1, с. 275].

В своем письме к С.Н. Шубинскому, редактору одного из специализированных журналов – «Древней и Новой России», Брикнер выражал беспокойство по поводу сроков публикации его «Заметки о Фоккеродте» [5]. Личность Иоганна Фоккеродта, секретаря прусского посольства и автора «России при Петре Великом», на протяжении долгого времени была известна довольно узкому кругу лиц. В частности, А.Ф. Бюшинг, лично знакомый с Фоккеродтом и владевший его дневником, не считал нужным вводить сочинение в научный оборот и потому не нашел для него места в своем «Магазине новой истории и географии» [6, с. 219, 243]. Когда же в 1872 г. немецким историком Эрнстом Геррманном была опубликована немецкая рукопись «России при Петре Великом», найденная им в Саксонском государственном архиве, в периодической печати разгорелась дискуссия по поводу объективности данного сочинения. Публикация немецким историком рукописи была особенно актуальной, поскольку появилась на свет в канун празднования 200-летия со дня рождения Петра Великого, на что сам Геррманн обращал внимание читателей в предисловии к немецкому изданию [7, с. VIII]; в русском переводе А.Н. Шемякина сочинение вышло спустя 2 года в журнале «Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских». В рамках дискуссии о сочинении Фоккеродта Брикнером, помимо уже упоминавшейся статьи в «Древней и Новой России», были опубликованы еще 3 статьи – одна в «Журнале Министерства народного просвещения», и две – в «Russische Revue». Также в обсуждении темы приняли участие немецкий историк Райнхольд Козер, специалист по истории Пруссии XVIII в., опубликовавший статью

в «Historische Zeitschrift», а также известный французский славист Луи Леже, поместивший небольшую критическую заметку в «Revue critique d'histoire et de littérature». На последнем примере ясно видно, как журналы становились площадками не только для внутрикультурной, но и межкультурной коммуникации; на основе всего вышесказанного мы вправе утверждать, что периодическая печать занимала более чем значительное место как в коммуникативном поле исторической науки в целом, так и в научной деятельности А.Г. Брикнера в частности.

Библиографический список

1. Мамонтова М.А. Коммуникативное пространство отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX веков // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36.
2. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. В 2-х кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999.
3. Шмурло Е.Ф. А.Г. Брикнер (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Ч. 309. № 2.
4. Цветаев Д.В. А.Г. Брикнер // Русское обозрение. 1896. № 12.
5. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 343. Д. 51.
6. Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск, 1988.
7. Russland unter Peter dem Grossen: Nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's / Hrsg. von E. Herrmann. Leipzig, 1872.

Л.В. Плужник

Самарский государственный университет

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Правовая природа местного самоуправления и его место в общей системе государственной власти активно обсуждались в конце XIX – начале XX в., когда в русской историко-правовой науке были заложены теоретические основы местного самоуправления. Обобщив все направления историко-правовой мысли, можно выделить две теории самоуправления – общественную и государственную, которые разделяют вопрос о степени самостоятельности и независимости органов местного самоуправления от государственной власти.

Городское самоуправление, как особый тип местного самоуправления — это не только административно-управленческая проблема оптимизации руководства городским хозяйством, но и важное направление современной политической реформы, в рамках которой решаются задачи создания фундамента демократической государственности. В нашем обществе активно обсуждаются вопросы, связанные с различными аспектами взаимоотношений центра и регионов, а городское самоуправление, выдержав испытание временем, теперь составляет часть нашей жизни.

Появление городского самоуправления в России связано с ведением Городового положения 1870 г. Впервые управление делами, относящимися к местным нуждам и пользам, было изъято из ведения чиновников и предано в руки избранных представителей различных социальных групп населения.

В отечественной историографии накоплен существенный массив работ по вопросам городского самоуправления, хотя их удельный вес гораздо меньше, чем по проблемам земского самоуправления. Это связано с тем, что в дореволюционной литературе местное самоуправление рассматривалось в основном через призму деятельности земств, которые воспринимались в российском обществе, как носители оппозиционных идей. Интерес же к городскому самоуправлению был обусловлен теми проблемами, которые обсуждались общественностью на законодательном уровне.

В целом, дореволюционные труды о городском самоуправлении можно условно классифицировать на две группы. Первая группа представлена работами, где вопросы городского самоуправления рассматриваются исключительно в правовом аспекте, с обстоятельным разбором статей действующего законодательства. Оценка Городовых положений с позиции их практической применимости определила публицистический характер работ и критический анализ городских реформ второй половины XIX в.

Вторая группа работ представлена публикациями, выход которых был связан с радикальными изменениями в общественно-политической жизни страны в начале XX века. Это работы, где излагаются программы реформирования городского управления, и которые по сути дела являются выражением политических взглядов представителей различных партий.

Первыми работами по вопросу реформы 1870 г. явились работы А.А. Головачева и И.И. Дитятина, исследовавших процесс подготовки Городового положения 1870 г. и его содержание. Указав на отдельные недостатки закона, авторы в целом позитивно оценили городскую ре-

форму 1870 г. По общему признанию исследователей, самой идее и тем более практике местного самоуправления в России приходилось довольно тяжело пробиваться в силу консервативного характера самодержавной государственной системы [1].

Наиболее глубоко историко-правовой анализ городской реформы 1870 г. дается в работах Г.И. Шрейдера. Автор показывает историю разработки Городового положения 1870 г. как эволюцию правительственной политики в сторону свертывания общественного начала в системе городского самоуправления. Его разработка реформы началась с широкого общественного привлечения (создания всесословных комиссий на местах), то окончательно она оформилась стенах «бюрократической канцелярии» Госсовета [2].

В целом, в дореволюционной литературе изучение городских реформ ограничивалось освещением истории подготовки законов и сравнительным анализом Городовых положений 1870 и 1892 годов. Однако проблема городского самоуправления была слишком злободневна для русского общества, поэтому во многих работах прослеживается стремление доказать недемократический характер преобразований, их отставание от уровня социально-экономического развития русских городов.

Вторая группа работ представлена небольшими по объему публикациями. Авторы руководствовались задачей указать конкретные программы улучшения городской жизни.

Исследователи консервативного направления отстаивали сословно-корпоративную суть самоуправления и его аполитичность [3]. М.И. Свешников провел сопоставление российского городского устройства конца XIX в. с городским устройством европейских государств и сделал вывод об узости полномочий российского общественного управления.

Время от времени консерваторы выступали и с критикой городского устройства, однако эта критика касалась не правительственной политики, а неверного воплощения нововведений на местах. Именно это отмечали В.В. Демидов, И.Х. Озеров, П.А. Гронский [4].

В первое десятилетие XX века в историографии стала преобладать либеральная критика действующего городского самоуправления. Данная группа исследователей видела пути развития русских городов через введение всеобщего избирательного права на выборах в органы общественного управления. Среди исследований следует выделить монографию Д.Д. Семенова «Городское самоуправление. Очерки и опыты» [5]. В ней автор предпринял попытку рассмотреть эволюцию самоуправления с середины XVIII в. до начала XX в. В монографии используется архивный и статистический материал, документы Кахановской комиссии.

Городскому устройству уделил внимание и известный русский историк Б.Б. Веселовский. В своих работах, посвященных в вопросах муниципального управления, автор, прежде всего, анализировал и критиковал городскую избирательную систему, указывая на ограниченность представительства, и предлагал свой вариант деления избирателей [6].

Историки кадетской ориентации (М.П. Щепкин, А.Г. Михайловский, И.А. Вернер) повторяли уже известные требования либералов: включить в число избирателей нанимателей квартир и расширить самостоятельность городских дум [7]. Кроме того, кадеты считали необходимым распространить компетенцию городского самоуправления на все отрасли местного самоуправления, включая полицию и благочиние.

Резко отрицательно оценивали Городовое положение 1892 г. представители левых партий, которые связывали будущее городского самоуправления с введением всеобщего избирательного права на выборах в городские думы и требовали полной независимости общественных учреждений от администрации [8].

В 1917 г. вышла в свет монография выдающегося историка А.А. Кизеветтера «Местное самоуправление в России IX-XX столетия» [9]. Данная работа ценна глубоким изучением эволюции самоуправления на российской почве. Исследование Кизеветтера базируется на обширном источнике материала, кроме того, много внимания уделяется самоуправлению городов. Данная монография позволяет понять место городских учреждений в системе управления Российской империи.

Таким образом, дореволюционная отечественная историография достаточна, обширна, но неоднородна по своему составу: в ней можно проследить несколько самостоятельных направлений, представители которых различно оценивали место городского общественного управления в административной системе дореволюционной России.

Библиографический список

1. Головачев А.А. Десять лет реформ. СПб, 1872; Дитятин И.И. Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877.
2. Шрейдер Г.И. Город и городовое положение 1870 г. // История России в XIX в. СПб., Т.4
3. Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления в законодательстве европейских государств. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления. СПб, 1876.
4. Гронский П.А. Децентрализация и самоуправление. СПб, 1913; Демидов В.В. Недостатки нашего городского представительства. СПб., 1884; Озеров И.Х. Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906.
5. Семенов Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб., 1901.

6. Веселовский Б.Б. Какое местное самоуправление нужно народу? СПб., 1906; Веселовский Б.Б. Муниципальная политика в России. СПб., 1914.
7. Щепкин М.П. Общественное самоуправление в Москве. М. 1906; Михайловский А.Г. Как лучше устроить городскую жизнь в России. М., 1908; Вернер И.А. Городское самоуправление в России. М., 1906.
8. Данилов Ф.А. Взгляды социалистических партий на общественное управление. М., 1906
9. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX-XX столетия. Исторический очерк. Пг., 1917.

О.А. Петрянкина

Самарский государственный университет

РОССИЙСКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЕРИОДИКА В ГОДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА 1879-1881 гг.

Период с 1879 по 1881 гг. называют временем правительственного кризиса. Суть этого явления заключалась в том, что власть, пытаясь стабилизировать сложную ситуацию в стране, связанную с покушениями на жизнь императора Александра «Народной воли» и с деятельностью либерально-оппозиционного движения, начинает метаться от одних крайних методов к другим, что еще больше накаляет обстановку. И большое значение в это время приобретает пресса, которая предлагает общественности свой взгляд на обстановку в стране, на ее причины и варианты выхода из кризиса. Активную позицию немедленно занимают консервативные издания, понимая, что настал момент, когда можно руководить и направлять настроения общества.

И в этот период огромное значение как опоры самодержавной власти получает московская газета под редакцией М.Н. Каткова «Московские ведомости». Эта газета была своего рода организующей силой реакционной консервативной мысли [1, с.4]. Именно Катков начинает впервые говорить о кризисе власти, причиной которого были *не действия «тайной организации, состоящей из горсти злоумышленников», а действия правительства, вызвавшие к жизни «развитие преступной пропаганды между нашей бедной молодежью»* [2, с.221–222]. Т.е. кризис правительства начался раньше, когда начали воплощаться в жизни либеральные реформы Александра II, хотя сам Катков поддерживал реформы до 1863 г. В различных статьях, фельетонах и т.д. раздаются его призывы к власти быть более твердыми и не поддаваться на провокации. В качестве выхода из сложившегося кризиса «Московские ведомости» предлагали усиление репрессий и введение диктатуры. Вспо-

миная польское восстание, Катков указывает на то, что только диктатура спасла тогда положение. В дальнейшем, все это дало повод исследователям считать редактора «Московских ведомостей» родоначальником диктатуры. При обсуждении в прессе конституционных проектов Катков решительно выступал против них. Его статьи постепенно становятся похожи на *идеологические программы для власти*.

«Русский вестник», издававшийся все тем же М.Н. Катковым, был похож по своим идеологическим принципам на «Московские ведомости». Примечательно, что в 1880 г. «Русский вестник» начал печатать за подписью В. Кочнева очерки «Против течения». Публикация продолжалась до 1884 г. и вызвала резонанс в русском обществе. «Против течения» было задумано с совершенно определенной целью: *на примере Великой французской революции предостеречь правительство России «от возможности подобного общественного потрясения»* [3, с. 616 – 617]. Автор сравнивал Россию конца 70-х – начала 80-х годов с Францией конца XVIII века и пытался доказать, что и в настроении, умах и убеждениях русских людей начали проявляться идеи революции. Проповедуя идею крепкой самодержавной власти, автор «Против течения» утверждал, что всякие общественные собрания ведут не к укреплению монархического правления, а к революции [4, с.748 – 749]. Так было во Франции. Так может быть и в России, где с конца 70-х годов высказывались конституционные идеи.

Газета не менее преуспевающего журналиста-издателя Суворина «Новое время» в период войны 1877–1878 гг. заметно увеличила круг своих читателей. Одной из целей «Нового времени» было формирование общественного мнения, поддерживающего государственную политику [5, с. 261]. Суворин полностью отрицал необходимость каких бы то ни было радикальных выступлений интеллигенции, студентов или рабочих. В 1879 г. газете «Новое время» даже было объявлено предостережение за попытку «отнестись к правительству с такими советами и указаниями, которые выходят из пределов прав и обязанностей» печати.

Несмотря на то, что в период кризиса самодержавия журнал В.П. Мещерского «Гражданин» не издавался, после возобновления журнала в 1882 г. Мещерский очень четко высказал свое мнение по поводу произошедших событий. В этот период князь вовсе отказался от прежней положительной оценки «Великих реформ». В годы народовольческого террора вместо того, чтобы безоговорочно поддержать правительство в борьбе с «крамолой», новые учреждения (суды, земства и т. д.), с точки зрения князя, *сами становились источниками смуты* [7, с.68]. Отрицательно относился Мещерский к Лорис-Меликову, считая, что тот погубил «диктатуру». Князь воспевал время Николая I, считая, что в это время Россия была доведена практически до идеала [7, с.68].

Таким образом, в целом можно сказать, что консервативная пресса приобрела значительное влияние в период правительственного кризиса. Она говорила о том, что только сильная монархическая система в это время способна сохранить равновесие в обществе. Она призывала власть не поддаваться панике и оказать достойное сопротивление не только так называемой «крамоле», но и всем «мнениям» об уступках и ограничении самодержавной власти.

Библиографический список

1. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. — М., 1978.
2. Катков М.Н. Империя и крамола. М., 2007.
3. Русский вестник. Т. 148. Август. 1880.
4. Русский вестник. Т. 154. Июль. 1881.
5. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М., 2000.
6. Цит. по: Сони́на Е.С. А.С. Суворин — редактор и издатель [Электронный ресурс]. <http://www.spbpressa300.ru> (дата обращения: 2.11.2012).
7. Дронов И.Е. Князь Владимир Петрович Мещерский.// Вопросы истории. 2001. № 10.

В.С. Замуленко

Самарский государственный университет

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ РУБЕЖА XIX- XX вв. В ИСТОРИОГРАФИИ 2000-Х ГОДОВ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI — начало XX вв.)»

За последнее десятилетие в изучении истории русского либерализма рубежа XIX-XX вв. произошли определенные позитивные сдвиги. При этом ряд проблем в истории российского либерализма на современной стадии разработки вызывает дискуссии. Прежде всего это вопрос о «буржуазности» либеральных партий, а непосредственно — о социальной опоре конституционно-демократической партии. Также дискуссии возникают вокруг проблемы «родословной» российского либе-

рализма: кто олицетворял либеральный лагерь, и кого именно в истории России можно считать либералом?

Проблема взаимоотношений кадетов и буржуазии, и вообще либеральности кадетской партии в современной отечественной историографии вызывает споры среди специалистов. Если в советской историографии кадеты однозначно определялись как партия буржуазии [1, с.45-46], то в постперестроечную эпоху единого мнения относительно социального характера этой партии не было. В.В. Шелохаев еще в начале 1990-х гг. сформулировал принципиально важное положение о том, что «в России не было и не могло быть чисто классовых партий» [2]. Эта идея была поддержана И.В. Нарским и С.В. Леоновым. [3., С. 13.,4, с. 35]

Таким образом, в 90-е гг. XX в. наибольшее распространение получила концепция надклассового, интеллигентского, небуржуазного характере Партии народной свободы. На современном этапе такая позиция наиболее разработана Ф.А. Гайдой. По мнению этого ученого, «кадеты не были партией буржуазной. Насквозь проникнутые демократическими идеалами, кадеты наследовали не русскому охранительному либерализму XIX века, а политической традиции А.И. Герцена и “либерального народничества”». Как пишет исследователь, «опозиционная интеллигенция опасалась торгово-промышленников, и с земцами гораздо быстрее находила общий язык. Являясь доктринальным сторонником общественной эволюции, кадеты всегда были “революционерами без революции”, принципиальными противниками существующего строя, ожидавшими его кардинального политического изменения» [5, с. 372-373.].

Тезис о «революционности» и «антибуржуазности» кадетской партии продолжает Ф.А. Селезнев. Он подмечает, что основными элементами идеологии Партии народной свободы были: 1) эволюционный социализм, преимущественно народнического толка; 2) социальный либерализм, пытавшийся примирить либеральные ценности в политике с социально ориентированной экономикой.

Ф.А. Селезнев настаивает также на том, что у партии кадетов было три крыла, и именно левое – социалистическое крыло, хоть и являлось меньшинством, но было меньшинством сплоченным, активным и имеющую опору в провинции. Будучи враждебны к существовавшей в царской России социально-политической системе, левые кадеты выступали за ее разрушение. Поэтому Ф.А. Селезнев напрямую называет их «антисистемной оппозицией». «Левые кадеты занимали антибуржуазные позиции. Они были против гласного сотрудничества с буржуазией и политическими силами, представлявшими интересы “цензовых” элементов» [6, с.165-168].

Важный вклад в изучение российского либерализма внес фонд «Либеральная миссия» во главе с А.А. Кара-Мурзой. В книге «Российский либерализм: идеи и люди» круг либералов значительно расширяется по сравнению с первым изданием 2004 года [7]. В состав либералов включены деятели конца XVIII – начала XIX вв. На примере жизненных судеб Н. И. Тургенева, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина предпринята попытка выделить собственно либеральный элемент декабризма — как программно-политический, так и этический [8, с. 15-17]. Кроме того, А.А. Кара-Мурза исследует классическое для российской интеллектуальной мысли сочетание «свободы» и «порядка». Он исходит из мысли, что либерализм в России строится вокруг идеи борьбы со смутой и борьбы с невежеством как «сверху», так и «снизу». Для автора несомненна принадлежность А.И. Герцена к либеральному крылу. «На протяжении всей жизни Герцен неизменно центрировал свою мысль вокруг проблематики “личности”, индивидуальности человеческого лица. Во всех коловращениях социальных обстоятельств Герцен всегда отслеживал состояние и перспективы “русской личности”»: даже сельская община в интерпретации позднего Герцена — это спасительное место именно для индивидуальности, субстрат ее дальнейшего культивирования» [9, с. 10-12.].

Значительно расширяет понятие «либерализм» в своей работе «Неполитический либерализм в России» Алексей Давыдов. Он приходит к выводу, что «либеральные идеи в самой острой форме появились в России на страницах художественных произведений». Из писателей XIX века он отобрал для анализа творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя. В главе о Лермонтове он сопоставляет лермонтовское мышление с мышлением других русских писателей — Пушкина, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Булгакова. По мнению Алексея Давыдова, «история последних веков в русской культуре — это история поиска в России личности, следовательно, борьбы неполитического либерализма за выживание, за утверждение себя в качестве альтернативной культурной нормы, без чего либерализм политический обречен оставаться культурно беспочвенным» [10, с.14-17].

Таким образом, в современной российской историографии истории либерализма в России прослеживается ряд тенденций: во-первых, это детализация и уточнение уже известных фактов; во-вторых, это взвешенная позиция по дискуссионным вопросам (например, о социальной природе российского либерализма); в-третьих, это расширение круга тех мыслителей, которых считают либеральными: как за счет их количества, так и за счет качественного изменения подходов к изучению либерализма в России.

Библиографический список

1. Селезнев Ф.А. Партия кадетов и буржуазия в освещении советской историографии // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Вып 2. Пенза, 2004.
2. Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8.
3. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995.
4. Леонов С.В. Партийная система России (конец XIX в. – 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11-12.
5. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на пути к власти (1914 – весна 1917 г.) М., 2003.
6. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.
7. Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А. А. КараМурзы. М., 2004.
8. Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд. / Под общ. ред. А. А. КараМурзы. М., 2007.
9. Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX – XX вв. М., 2009.
10. Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М., 2012.

Р.В. Пазин

Самарский государственный университет

ВОПРОС ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В ТАКТИКЕ «СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ» В НАЧАЛЕ XX в.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Значение террора в истории России трудно переоценить. До октября 1905 г. предшественники кадетов, члены «Союза освобождения», хоть и называли себя умеренными либералами и отказывались участвовать в актах насилия, довольно часто поддерживали социалистических радикалов, превращая свои дома в убежища для террористов и снабжая деньгами эсеров, полагая, что террор – эффективное орудие в политической борьбе с царским правительством [1, с. 254].

Большинство земских деятелей присоединилось постепенно к сторонникам «политического радикализма», т.е. к «Союзу Освобождения». Либералы, которые, как, например, Д.Н. Шипов, не хотели отказываться от надежды, что «государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования свободного проявления личной и общественной жизни», стали меньшинством среди представителей земской общественности [2, с. 214].

По мнению историка С.Б. Павлова, «наиболее активные либералы, весьма далекие от революционного самопожертвования, еще до создания своего «Союза», за несколько предреволюционных лет помогли делу революции едва ли не больше, чем все революционеры, вместе взятые» [3, с. 56]. А по словам князя Петра Долгорукого, будущего члена кадетского Центрального комитета, «политическая весна» П.Д. Святополк-Мирского была обязана своим существованием бомбе, которая в июле 1904 г. убила министра внутренних дел В.К. Плеве.

За некоторое время до убийства Плеве другой известный либерал и член «Союза освобождения», князь Дмитрий Шаховской, который вскоре вошел в кадетский ЦК и стал, кроме того, секретарем I Думы, все повторял в одном дружеском разговоре: «Плеве надо убить... Плеве пора убить» [4, с. 166]. Известие об убийстве Плеве «вызвало в доме редактора «Освобождения» П.Б. Струве такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом» [4, с. 176]. Другой активный член Союза в Петербурге С.П. Миклашевский (Неведомский) открыто оправдывал и превозносил Егора Сазонова, называя его примером для подражания. Милюков делал заявления в том же духе, говоря, например, что Иван Каляев, эсер, убивший великого князя Сергея Александровича, был принесен в жертву на благо народа. И в то время как шансы на победу революции постоянно возрастали, руководители «Союза освобождения» все больше склонялись к тактике, предложенной Милюковым в июне 1905 г.: «Все средства теперь хороши против той ужасной опасности, которая вытекает из самого факта существования правительства. И все средства должны быть испробованы» [1, с. 300]. По его мнению «политическая ситуация была слишком серьезной, чтобы допускать чрезмерную щепетильность в выборе средств» [1, с. 255].

После известия об убийстве В.К. Плеве ликovalo Одесское либеральное общество. К.М. Панкеев, один из богатейших людей Херсонщины, издатель «Южных записок», обратился к видному эсеру Н. Осиповичу со словами: «На днях Вы просили у меня денег на всякие там дела. Я сказал – подумаю. Ну, а теперь вот скажу: могу дать до тридцати тысяч, но исключительно на центральный террор», - и вскоре вручил деньги уполномоченному ЦК Н.С. Тютчеву [5, с. 181].

Даже в бюрократических кругах было немало таких, кто, как, например, С.Ю. Витте, не скрывали удовлетворения убийством Плеве, великого князя Сергея Александровича, Петербургского градоначальника В. фон дер Лауница и других [6, с. 330]. Морально противоестественное «чувство радостного удовлетворения» либерально настроенной интеллигенции, достигнув апогея в связи с убийством В.К. Плеве, постепенно пошло на спад. Но либералы все же продолжали славословить «героев» – террористов.

Обстановка постепенно выходила из-под правительственного контроля. А надежда властей на умиротворяющий эффект либеральных уступок только усиливалась. Х.Х. Клопов в письме к Николаю II от 1 апреля 1905 г. уверял: «Нет сил и возможности передать Вам, Ваше Величество, о том психологическом состоянии, которое переживает теперь вся Россия и каждый из нас. Все чувствуют, что мы накануне страшных событий, что к нам приближается пугачевщина» [7, с. 122].

6 июля 1905 г. в Фермерском дворце в Петергофе Николая II принял делегацию земских и городских деятелей в составе 14 человек. Князь С.Н. Трубецкой призывал скорее ускорить «созыв избранников народа». Император заверил делегацию, что «воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна» [8, с. 829, 831].

Упорное нежелание царизма пойти хотя бы на минимально необходимые, с точки зрения либералов, уступки, а главным образом непрекращавшийся рост революционного движения в стране вызвали дальнейшую радикализацию тактики либералов [9, с. 112].

9-10 июля 1905 г. в Москве земцы-конституционалисты провели совещание, на котором решали вопрос о создании партии либеральной оппозиции, способной конкурировать с левыми радикалами. В ходе прений по вопросу применения физического насилия как средства борьбы с правительством «освобожденец» П.Н. Милоков определил свою позицию следующим образом: «Выражения о допустимости всех средств борьбы не следует понимать буквально, т.к. вопрос во всяком случае касается не личных действий, а партийной тактики. Если члены вашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что ваши планы об организации партии в партийно-политической работе останутся бесплодными. Ведь трудно рассчитывать на мирное разрешение назревших вопросов государственного переустройства в то время, когда кругом происходит уже революция. Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую силу, надеясь в душе на известный исход, но не желая лично участвовать в актах физического воздействия? Но ведь это было бы лицемерие, и подобная лицемерная постановка вопроса была бы гражданс-

ки недобросовестна. Несомненно, все вы в душе радуетесь известным актам физического насилия, которые всеми заранее ожидаются, и историческое значение которых громадно» [3, с. 309].

В этих условиях принятый Манифест 17 октября, по мнению С.Б. - Павлова, «стал логическим пределом ... самообмана власти» [3, с. 624]. Обещанная Государственная Дума и манифест не раскололи освободительное движение, потому что большая и политически решающая часть либералов не перешла на сторону власти, а продолжала поддерживать левый терроризм.

Попытки С.Ю. Витте после принятия Манифеста 17 октября пойти на переговоры с либеральной общественностью и включить их в правительство успехом не увенчались из-за неуступчивости либералов из «Союза освобождения», которые потом будут говорить о «грубо отброшенной руке», которую общественность ему протянула [10, с. 334]. П.Н. Милюков вместе с теми, чьим лидером он являлся, слишком дорожил своей выгодной и удобной ролью оппозиционера, поскольку она обеспечивала им популярность без какой-либо ответственности. Он полагал, что отказ от сотрудничества с правительством С.Ю. Витте можно оправдать тем, что их «авторитет был производным фактом» от политической позиции, «он упал бы тот час до уровня «октябристов», если бы они согласились делать их политику» [10, с. 315].

Библиографический список

1. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985.
2. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
3. Павлов С.Б. Опыт первой революции: Россия. 1905-1907. М., 2008.
4. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 1998.
5. Леонов, М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник СамГУ. 2007. №5/3 (55).
6. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3 т. Т.3. М., 1994.
7. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991.
8. Сообщение о приеме Николаем II делегации земских и городских деятелей // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы. М., 2008.
9. Шацилло К.Ф. 1905-й год. М., 1980.
10. Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955.

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В ТРУДАХ П.Б. СТРУВЕ

Феномен первой русской революции до сих пор остается одной из наиболее острых дискуссионных тем в российской истории, причем эта тема, вызывавшая бурные споры в среде современников тех событий, не оставляет в покое и умы нынешних исследователей. Но давайте же останемся в среде мыслителей начала XX века и обратим свой взор на одну персону, в отечественной истории занимающую незаслуженно скромную нишу.

Итак, перед нами Петр Бернгардович Струве (1870-1944 гг.). Известен он прежде всего как общественный и политический деятель, участвовавший в работе II Государственной думы, член ЦК партии кадетов, экономист, публицист, правовед, историк и философ. В данном случае нам интересна концепция первой русской революции: в свете его работ, революция явилась результатом колоссального разрыва между тремя историческими силами: народом, лишенным политической культуры; правительством, предпочитающим придерживаться прежней реакционной политики с допущением ряда полумер; и, безусловно, интеллигенцией, которая в силу своей исконной отстраненности и конфликтности была не способна ни организовать и упорядочить народное движение, ни сколько-нибудь успешно сотрудничать с правительством.

За теоретическую основу, опираясь на которую, появилась возможность воссоздать и проанализировать данную концепцию, был взят сборник статей П.Б.Струве «Patriotica. Политика. Культура. Религия. Социализм». Еще в авторском предисловии дается мысль, выводящая нас на путь к пониманию главного замысла автора. Первыми строками он обозначает настроение, объединившее статьи данного сборника — «патриотическая тревога». Разъясняет он эту позицию сквозь призму краткого сравнения «Patriotica...» и сборника «Вехи»: наряду с критикой русского интеллигентского сознания «...не менее резко звучит нота по отношению к реальному образу русской государственности и к тем силам, которые заправляют судьбами государства. Между пороками русской общественности и пороками русской государственности есть связь — своего рода историческая круговая порука» [1, с. 12]. Таким образом, мы видим подтверждение озвученной концепции уже в первых словах автора — он видит путь возрождения и обновления России с двух позиций: общественности и государственности.

В конечном счете, Струве подводит нас к выводу, который может показаться несколько парадоксальным. Он заявляет, что преобразование России в новом, демократическом ключе состоится, если революционная интеллигенция будет «идти в народ с проповедью порядка» — порядка во имя революции, созидания вместо разрушения; и «в огромной перестройке всего народного быта, происходящей в современной России, победителем выйдет то политическое направление, которое соединит в себе революционный энтузиазм с мудрым уважением к самодетельности народа, отрицающим творческую силу приказов и внушений» [2, с. 18].

Итак, что же за схема возникает перед нами? В наличии — разрозненные, неспособные найти точки понимания народ, общественность и государство; устаревшие методы, коими и государство, и общественность (подразумевается политически активная, мыслящая ее часть) пытаются воздействовать на народ; отсутствие созидательного начала в революции. В качестве возможного пути — отрезвление, пересмотр политических приемов и отказ от недейственной революционной традиции в среде русской идейной интеллигенции; последующая организационная работа в народе, направленная на развитие в нем политической и духовной культуры «во имя идеалов демократии и социальной справедливости»; за этим же должно последовать и преобразование России в демократическом ключе, дабы преодолеть «господство бюрократии и владельческого класса над народом» [2, с. 18].

Но, к сожалению, в перспективе этому не суждено было реализоваться, и тому виной, опять же, выступили три дезорганизующих начала: отщепенство интеллигенции, наивность и необразованность народа, бюрократизм государственного аппарата.

Библиографический список

1. Струве П.Б. Скорее за дело! // Струве П.Б. *Patriotica*. Политика. Культура. Религия. Социализм. М.: Республика, 1997.
2. Струве П.Б. Накануне нового (1906) года // Струве П.Б. *Patriotica*. Политика. Культура. Религия. Социализм. М.: Республика, 1997.
3. Струве П.Б. Русская идейная интеллигенция на распутье // Струве П.Б. *Patriotica*. Политика. Культура. Религия. Социализм. М.: Республика, 1997.
4. П.Б. Струве. Из размышлений о русской революции // Струве П.Б., *Patriotica*. Политика. Культура. Религия. Социализм. М.: Республика, 1997.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКИХ ОБЩИН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Исследования истории немецкоязычного населения Среднего Поволжья, которые начали проводиться с конца XVIII века и наших дней, имели довольно своеобразный характер, который изменялся в соответствии с внутренней и внешнеполитической ситуацией.

Актуальность исследования объясняется необходимостью изучения и глубокого анализа всего массива существующей отечественной историографии по данному вопросу, ее систематизация и создание определенной периодизации всего исследовательского процесса.

Цель работы заключается в проведении комплексного анализа историографических материалов по проблеме взаимодействия Евангелическо-Лютеранских общин Среднего Поволжья с местным населением и органами власти во второй половине XIX – XX веков.

Для понимания процесса развития историографии, а так же для анализа основных проблем в изучении данного вопроса историографию по теме исследования необходимо разделить на три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский, в соответствии с проблемно-хронологическим подходом.

Дореволюционная историография носила локальный характер. Вопрос об истории Лютеранской церкви в Среднем Поволжье в этот период затрагивался частично – в работах посвященных истории немецких поселений на территории Российской империи. Авторы собрали обширный материал о немецких колониях, сделали зарисовки внутренней жизни колонистов без обобщений и выявления причинно-следственных связей, представили статистические сведения о церковных приходах, о первоначальном устройстве Лютеранской церкви в целом по России и в местах компактного проживания немцев. Особенностью дореволюционного развития историографии является то, что авторами были не профессиональные историки. Вследствие чего в исследованиях заметны неполнота освещения проблемы и ряд ошибочных положений, вызванных либо отрицательным отношением к политике государства и правительства, либо недостаточной изученностью темы.

На первом этапе историографии появляется целый ряд работ на немецком языке, принадлежащих пасторам, которые создавали истории отдельных колоний [1].

Советская историография под воздействием антирелигиозной политики правительства не могла освещать вопросы религиозной жизни без отражения господствовавшей атеистической точки зрения, потому в работах советских историков тема Лютеранской церкви рассматривалась в свете антицерковных мероприятий государства [2]. Историческая наука 50-х — 80-х годов XX века подходила к церковной истории более объективно и уже не обладала ярко выраженными чертами антирелигиозного фанатизма. Начинается научное исследование истории различных конфессий, в том числе и протестантских деноминаций [3]. Таким образом, работы авторов конца 50-х — начала 80-х годов характеризовались введением в оборот нового фактического материала и элементов обобщения и анализа деятельности Лютеранской церкви в России.

Третий этап историографии начинается с конца 80-х годов XX века. Он был обусловлен кардинальными политическими переменами, сопровождавшимися стремительной деидеологизацией, исчезновением «запретных» тем, рассекречиванием ранее недоступных архивных фондов, расширением теоретико-методологической базы исследований.

Все исследования современного этапа историографии по данной теме условно можно разделить на четыре группы: работы, рассматривающие основы вероисповедной и национальной политики Российской империи в XIX — начале XX века (Одинцов М. И., Терюкова Е.А., Миллер А.); более глубокие, по сравнению с дореволюционной историографией, исследования посвященные истории Поволжских немцев или раскрывающие определенные аспекты данной темы (Плеве И.Р., Деннингхаус В., Шпак А.); исследования истории становления и развития Евангелическо-лютеранской церкви в России (Лиценбергер О.А., Плохотнюк Т.Н., Черказьянова И.Р.); работы краеведческого характера, посвященные истории немцев в Среднем Поволжье во второй половине XIX — XX вв. (Савченко И.А., Дубинин С.И.).

В современных исторических исследованиях все большую актуальность приобретают вопросы по региональному изучению деятельности Лютеранской церкви. В основном эти работы затрагивают Московский и Санкт-Петербургский округа, Урал и Южное Поволжье [4], однако деятельность Евангелическо-лютеранских общин Среднего Поволжья остается не изученной.

Все рассмотренные нами работы вносят значительный вклад в исследование положения Евангелическо-лютеранской церкви в Российской империи. Однако, несмотря на достаточно солидную и в количественном и качественном отношениях научную литературу, многие аспекты из истории Лютеранства в России не нашли должного освеще-

шения. В частности отсутствует комплексное изучение деятельности немцев, сосредоточенных вокруг Евангелическо-лютеранских общин городов Среднего Поволжья.

Библиографический список

1. Schaab C. Zur Geschichte der deutschen Kolonisten im Saratowschen und Samaraschen Gouvernement 1764-1915. Aberdeen o. J. 1909.; Beral G. Die deutschen Kolonisten an der unteren Wolga in ihrer Entstehung u. ersten Entwicklung. Saratow, 1915.
2. Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л. 1931.; Фризен Г. Под гнетом религии: немцы — колонисты СССР и их религиозные организации. М.-Л., 1931.; Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Erster Teil. Seit der Einwanderung bis zum Imperialistischen Weltkriege. Pokrowsk, 1930.
3. Чанышев А.Н. Протестантизм. М. 1969.; Гараджа В.И. Протестантизм. М., 1971.
4. Вернер А.В. Общественные евангелические учреждения в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. 1998; Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове (1770-1935). Саратов, 1995.; Томан И.Б. Евангелическо-лютеранская церковь в культуре Москвы // Наша церковь. 1997. Октябрь.

В.С. Миняшев

*Самарский государственный
аэрокосмический университет*

ВЗГЛЯДЫ ДЕПУТАТОВ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ДВУХПАЛАТНУЮ ПАРЛАМЕНТСКУЮ СИСТЕМУ

Основные законы 1906 года, принятые после революционных событий 1905 года, и являющиеся развитием манифеста 17 октября, превратили Россию в дуалистическую монархию. Власть императора отныне была ограничена двумя законодательными палатами. Таким образом, Россия получила двухпалатный парламент.

Стоит отметить, что полное равенство прав Думы и Госсовета, предусмотренное Основными законами было нонсенсом для конституционного права. Ведь большинство конституций европейских стран дают больше прав нижней палате, выборной населением, чем верхней палате. Даже в не реформированном Положении 20 февраля 1906 года

Госсовете, состоявшем тогда из одних назначенных чиновников проявились голоса, указавшие на это. Так один из членов Госсовета предлагал, чтобы Дума могла преодолеть вето верхней палаты двумя третями голосов [1, л. 2].

Уже I Государственная Дума в своем ответном адресе на тронную речь императора потребовала ликвидировать Государственный Совет [2].

Ответный адрес был составлен кадетами, и поэтому в основном совпадал с их программой. Программа кадетов допускала в партии разномыслие по вопросу однопалатным или двухпалатным быть российскому парламенту, однако оговаривала, что верхняя палата может состоять только из представителей органов местного самоуправления, избранных на основе так называемой «четырёххвостки» – всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права [3, с. 52]. Это ясно говорит о том, что никаких других верхних палат, кроме устроенной по такому принципу кадеты не предполагали. Единственная функция верхней палаты в их понимании – представительство местных интересов.

О том же говорят и проекты Основного закона, известные, как проект журнала «Освобождения», написанный видными кадетами В. М. и И. В. Гессенами и проект С. А. Муромцева. Оба они предполагают бикамерализм, то есть двухпалатную систему, при этом верхняя палата избиралась преобразованными на основе «четырёххвостки» земствами и городскими думами [4, с. 501. 5, с. 517]. В. А. Маклаков вспоминает, что в кадетской партии было не мало сторонников двухпалатной системы [6, с.94]. Все это говорит о том, что неприятие у кадетов вызывал способ формирования верхней палаты, а вовсе не сам факт ее наличия.

Кроме кадетского Ответного адреса, существовал и другой проект адреса. Его разработали и внесли в Комиссию Государственной Думы по составлению ответного адреса трудовики. В проекте программы Трудовой группы говорилось, что Государственный Совет должен быть распущен, и вообще ничего не говорилось ни о какой верхней палате [7].

В проекте Ответного адреса Трудовой группы Государственный Совет прямо назван преградой между Думой и монархом, а главная причина почему же его надо упразднить названа вполне открыто – он может отклонить любой закон, принятый Думой [8, с. 92].

В прениях депутаты высказали следующие аргументы против существования Государственного Совета: 1) Госсовет, как уже говорилось выше формируется так, что представляет интересы только землевладельцев и частично торгово-промышленной буржуазии; 2) Госсовет является ненужным посредником между царем и народным представительством, он мешает обращению между царем и представителями народа; 3) Ряд членов Государственного Совета сами выступили против существования верхней палаты, формируемой таким образом (речь о

Д. Н. Шипове и В. И. Вернадском); 4) Государственный Совет при нынешнем его составе отклонит все законопроекты о преобразовании страны, которые хотят принять депутаты; 5) Само существование Госсовета противоречит манифесту 17 октября; 6) Государственный Совет почти сотню лет был реакционным учреждением и душителем свободы (данный аргумент приводился только И. К. Заболотным); 7) Государственный Совет — есть административное учреждение, поэтому при наделении его законодательной властью происходит смешение власти законодательной и исполнительной в одном органе (данный аргумент приводил только М. М. Ковалевский) [9, с. 98, 104, 131, 165, 166, 169, 170, 173, 175, 178, 180].

Сами прения по той части адреса, где говорилось о Госсовете шли довольно долго, так как в Думе были как сторонники, так и противники двухпалатной системы. Однозначными противниками любой верхней палаты заявили себя Савельев, Онипко, Литвинов и Заболотный. Последний даже предложил особую поправку, предлагающую исключить слова «составленный из сановников по назначению и выборных от высших классов населения», чтобы таким образом подчеркнуть, что Дума против верхней палаты вообще [9, с. 169]. К этой поправке присоединился Онипко. Социал-демократ Савельев заявил, что рабочие не допустят вообще никакой верхней палаты [9, с. 177].

Однако выявились и сторонники двухпалатной системы. Так за двухпалатную систему, но против сформированного таким образом Госсовета выступили Ковалевский, Ярцев, Котляревский, Корсаков, князь Долгорукий. Последний заявил, что о верхней палате не может быть и речи, пока местное самоуправление у нас не разовьется и не укоренится глубже в населении [9, с. 165, 166, 169]. Ковалевский, выступая за верхнюю палату из представителей земств и городов, считал нужным превратить Госсовет в высший административный и совещательный орган при царе [10, с. 19].

Однако у Госсовета в Думе нашлись и защитники. Против положения о роспуске Госсовета выступило четыре депутата. Это были князь Волконский, граф Гейден, священник Концевич и Гросвальд. В пользу Госсовета они выдвигали такие аргументы: 1) Госсовет еще не показал, что будет противником Думы, поэтому преждевременно вносить предложения о его реформировании; 2) Само предложение о ликвидации Госсовета не соответствует почтительному тону адреса; 3) Госсовет только принесет пользу, и будет конструктивным партнером Думы [9, с. 171, 174, 177].

Стоит отметить, что последний аргумент из всей Думы высказал лишь один священник Концевич. Даже граф Гейден говорил, что в целом конечно способ формирования Госсовета неудовлетворитель-

ный. Поэтому крайне неубедительным представляется аргумент, что Госсовет еще не показал себя противником Думы. Его состав и способ его формирования говорил сам за себя. Депутаты правильно понимали, что верхняя палата, формируемая таким образом, будет препятствием на пути их проектов по преобразованию страны. И их опасения подтвердились, и даже после третьиюньского переворота, когда Дума стала «барской и лакейской» Государственный Совет выступал против ее проектов.

Таким образом, видно, что в ответном адресе I Государственная Дума потребовала упразднения Государственного Совета вовсе не потому, что большинство депутатов были принципиальными противниками двухпалатной системы. В Думе было небольшое число депутатов, которых устраивал даже Госсовет в том виде, в котором он существовал по законам 1906 года. Однако, большинство депутатов не устраивал существующий способ формирования верхней палаты – наличие там половины членов по назначению, и выборы другой половины от имущих классов населения. Принципиальными же противниками двухпалатной системы можно назвать только депутатов-социалистов и некоторых левых кадетов, представителем которых и был И. К. Заболотный.

Библиографический список

1. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781, Д. 213.
2. Ответный адрес на тронную речь его величества // <http://www.duma.gov.ru/index.jsp?t=history/d171199.html>
3. Программа Конституционно-демократической партии // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.
4. Проект Основного закона Российской империи // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010.
5. Проект Основного закона Российской империи, измененного земским бюро (Проект С. А. Муромцева) // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М., 2010.
6. Маклаков В. А. Первая Государственная дума. М., 2006. С. 94.
7. Проект программы Трудовой группы // Известия крестьянских депутатов. 1906. № 3.
8. Бонч-Осмоловский И. Работы первой Государственной думы (издание СПб комитета Трудовой группы). СПб, 1906.
9. Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Т. 1 СПб., 1906.
10. Ковалевский М. М. Русская Конституция. III Законодательная власть Думы и контроль ее за администрацией. СПб., 1906.

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ С.Н. ПРОКОПОВИЧА

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Российская империя в начале XX века переживала время глубочайшего кризиса. Накопившиеся в обществе противоречия, в сумме со сложной внешнеполитической ситуацией, накалили их до крайней точки. Монархия, до последнего не хотевшая верить в современные политические реалии, не смогла адекватно реагировать и разрешить эти назревшие проблемы. «Рабочий вопрос» назревший в начале XX в., являясь одним из важнейших причин кризиса империи, имел одну из самых острых и сложных форм. Чрезвычайно сложные и многоплановые проблемы объединены этим понятием. К ним относятся формирование рабочего класса, численность и структура, состав, условия труда и уровень жизни рабочих, правовое и политическое положение и др. [8, с.343].

Исследование современников той эпохи представляют особенный интерес для нас. Их труды позволяют понять, как они себе представляли «рабочий вопрос», какие пути решения его видели.

С.Н. Прокопович активно занимался данной проблемой. Будучи выдающимся экономистом и статистиком на базе фактического материала он комплексно, всесторонне и очень логично рассмотрел данную проблему, причем, не вырывая ее из контекста, а представляя системно. В работе мной было проработано большинство статей Сергея Николаевича по данной теме, в том числе, и выдающийся его труд «К рабочему вопросу в России» [7]. Приступая к рассмотрению и осмыслению «рабочего вопроса» в России Сергей Николаевич уже обладал определенным опытом анализа важной составной части этой темы, а именно развития рабочего движения в Западной Европе [6]. В рамках этого исследования прослеживается тенденция автора наиболее полно рассмотреть все формы движения рабочих в их динамике

Революция 1905 г. обострила интерес к «рабочему вопросу». Рассмотрение различных сторон данной проблемы в трудах исследователя следует начать с анализа благосостояния рабочих. Численный состав, размер семей, доходы, затраты петербургских рабочих – подробно ра-

зобраны при помощи анализа 632 анкет С.Н. Прокоповичем в труде «Бюджеты петербургских рабочих». Из этой работы можно сделать вывод о том, что в большинстве своем бюджеты петербургских рабочих не позволяют им удовлетворять жизненно необходимые потребности в должной мере, заводить семьи, саморазвиваться. Так Прокопович описывает жизнь петербургского рабочего: «У него нет семьи; более 80% его заработка уходит на чисто материальные потребности, на поддержание своего физического существования; живет он в угловых квартирах, развращающих и спаивающих его, питается в «живопырных» отбросах питательных продуктов и носит чужие обноски. Выходцы из деревни пополняют его ряды и дают нужное фабрикам и заводам число «рабочих рук». Такова та реальная заработанная плата, те условия существования, которые получает петербургский рабочий за свой тяжелый труд» [4, с.86]. Безотлагательность решения вопроса о повышении благосостояния рабочих для экономиста была бесспорна.

Анализируя быстрое распространение нищеты в рабочем классе, он приходит к выводу о крайне слабом развитии в России (в особенности центральных губерний) обществ взаимопомощи. Причины этого исследователь видит в невыполнении этими обществами главных обязанностей по выдаче пособий в известных случаях из-за невозможности платить взносы рабочими, в силу их мизерной заработной платы, на размер которой они не могут повлиять, а также ввиду отсутствия социальной ответственности фабрикантов за своих рабочих. В связи с этим, важную роль в разрешении «рабочего вопроса» Прокопович отводит созданию рабочих союзов, «... которые взяли бы на себя выработку условий найма и защиту профессиональных интересов рабочих». По его мнению, рабочие располагали только одним средством улучшить свое положение: забастовкой [2, с.6], которая крайне не эффективна ввиду ее неподготовленности, отсутствия единых требований и стачечных касс, а так же отсталости рабочего законодательства. Что бы добиться самостоятельности и права на организацию рабочих союзов, нужно, по мнению Сергея Николаевича, предъявлять на забастовках политические требования.

В начале XX в. очень часто в обществе обсуждался вопрос о продолжительности рабочего дня. Прокопович так же не обошел рассмотрение этого вопроса. Этой теме была посвящена статья «Длина рабочего дня по русскому законодательству» (фактически продублирована в труде «Рабочий вопрос в России») Для него нет второстепенных вопросов, так и этот вопрос, по его мнению «теснейшим образом связан с другими сторонами жизни рабочего». Чем больше рабочий трудится на фабрике, тем меньше он живет для себя и меньшей зарплатой он мо-

жет быть удовлетворен. При длинном рабочем дне рабочий невежествен и дик, лишен духовных и политических запросов [3, с.24] Однако, Сергей Николаевич замечает, что 8-ми часовой рабочий день, как отдельная, частная реформа является утопией в современных условиях и она возможна только как одно из звеньев общих реформ.

Важное значение Прокопович отводил правильной и справедливой организации страхования рабочих.

Попытки государства решить те или иные стороны «рабочего вопроса» рассматривались известным экономистом в целом ряде статей. Большую роль в решении «недоразумений» между фабрикантом и рабочим должен был играть, по мнению правительства, новый орган государственного надзора – фабричная инспекция. В целом деятельность этого учреждения, проанализированная при помощи статистического материала, была им оценена неудовлетворительно. В основе такой оценки ставится общий процент удовлетворения жалоб рабочих фабричной инспекцией (составление протокола). Более того, он считал государственную инспекцию своеобразной охраной общественного порядка, а не посредником между рабочими и администрацией завода. Однако следует заметить, что небольшой процент удовлетворения жалоб объясняется несколькими причинами. Во-первых, рабочий не различает просьбы и жалобы, что в свою очередь ведет к трудностям при работе со статистическим материалом. Часто это непонимание приводит к поступлению жалоб в форме просьбы, что, возможно, не учитывалось Прокоповичем. Во-вторых, жалоба не быстрый ответ на противоправные действия, а скорее, отместка за испытанные притеснения, что в свою очередь не позволяет, в силу времени, установить те или иные противоправные действия. Жалобы на заведующих, приносимые немедленно после допущения ими неправильных действий, если эти жалобы не касаются увольнения, бывают сравнительно редки [5, с.54].

Безусловно, следует признать, что не только Прокопович, но и общество конца XIX-нач. XX в. критиковало фабричную инспекцию не видя важной ее роли в решении важной составной части «рабочего вопроса», реальное решения конфликтов между фабрикантом и рабочими.

Какие же пути решения «рабочего вопроса» предлагал С.Н. Прокопович? Статья «Что нужно рабочим?» напечатанная в листке □11 издательства Парамонова представляет особый интерес. Размышляя о путях разрешения проблем рабочих, улучшение их условий жизни экономист приходит к выводу, что «Материальное положение рабочих тысячею невидимых нитей связано с положением всего русского народа, поэтому радикальное улучшение положения рабочих возможно лишь при условии экономического прогресса всего народа, свободного раз-

вития производительных сил страны» [1, с.6]. Ближайшей же целью рабочего класса он считает достижение политических прав и объединение с крестьянством и разночинной интеллигенцией для достижения общих целей.

Какие же меры, по мнению Прокоповича, надо провести, для улучшения благосостояния рабочих. В-первую очередь нужно немедленное введение всеобщего обязательного начального обучения с чисто светским характером, так как образование нужно рабочим для повышения заработка и для защиты своих интересов. Так же им описан целый ряд мер в области экономического реформирования, касающегося в первую очередь времени рабочего дня, которое должно быть сокращено до 8 часов, социальной ответственности фабрикантов, свободы частной жизни рабочих. Одновременно с этим нужно провести коренную земельную и финансовые реформы, в ходе которых земля окажется в руках земледельцев. Без этих реформ улучшение благосостояния рабочих не будет действительно, так как часть рабочих не потеряли связи с землей и для них этот вопрос первостепенен. Так же важно и то, что невозможно сплотить рабочий класс в борьбе за свои интересы, имея разные цели.

Проанализировав взгляды Прокоповича на «рабочий вопрос» можно сделать вывод, что его действенное разрешение носит безотлагательный характер. Проблема рабочего вопроса приобрела острый характер в связи с бездеятельностью государства, которое не предпринимало никаких масштабных мер, ограничиваясь робкими законопроектами, которые не разрешали существующих проблем. Сергей Николаевич при помощи фактов показал причины развития этих противоречий и пути их разрешения. Признавая необходимость проведения реформ, он был реалистом. Учитывая развитие промышленности, они, по его мнению, должны были затронуть не только «рабочий вопрос», но параллельно аграрный вопрос и реформы в области политических прав. Причем, эти изменения должны быть постепенными и продуманными. Его идеи вписывались в общие настроения того времени, однако, по моему мнению, они были более приближенны к жизни, чем утопические иллюзии большинства в среде интеллигенции.

Библиографический список

1. Прокопович С.Н. Что нужно рабочим? Ростов-на-Дону: Изд. Н.Е. Парамонова 1905. Листок №11.
2. Прокопович С. Н. Союзы рабочих и их задачи. СПб.: Е.Д. Кусковой, 1905.

3. Прокопович С.Н. Длина рабочего дня по русскому законодательству. Ростов-на-Дону: Изд. Н.Е. Парамонова, 1905.
4. Прокопович С.Н. Бюджеты петербургских рабочих (по данным анкеты, произведенной 12-м (содействия труду) отделом ИРТО) // Антология социально-экономической мысли в России. Дореволюционный период. Спб.: РХГИ, 2000.
5. Володин А. Ю. История Фабричной инспекции в России 1882-1914 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
6. Прокопович С.Н. Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Спб.: Изд. Пантелеева, Т.1 Германия. Бельгия. 1899.
7. Прокопович С.Н. К рабочему вопросу в России. Спб.: Изд. Е.Д. Кусковой, 1905.
8. Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн.2 М., 2000.

А.В. Богданова

*Стерлитамакский филиал Башкирского
государственного университета*

ДЕТСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В 1918-1922 ГГ.

Стремление детей объединяться и действовать по примеру комсомола стало возникать и развиваться с первых лет создания Советского государства. За несколько лет до появления первых пионерских отрядов ребята начинали вступать в отдельные группы при ячейках комсомола в Петрограде и Москве.

Первым детским объединением стала организация юных коммунистов (ЮКов), которую создали народные комиссариаты здравоохранения, просвещения и Всеобуча осенью 1918 года [4, с. 7]. В уставах и содержании работы организация юных коммунистов в значительной мере копировала буржуазные бойскаутские организации.

Отряды юков были созданы на Урале, в Поволжье, Сибири, Закавказье, Крыму. Начиная со второй половины 1919 года, деятельность юков все в большей мере начинает подвергаться критике со стороны ЦК РКСМ. Призывы к ликвидации юкизма обосновывались тем, что организация не является политической, а также дублируют работу комсомола по военной подготовке. В связи с этим движение пришлось расформировать.

В городах и губерниях создавались детские общественные группы – «клубы», «комитеты», «советы», «партии». В январе 1919 года в Туле

открылась первая детская общественная организация – Детский пролеткульт. Также на территории Тулы в 1919 г. появилась «Детская коммунистическая партия». Она заимствовала название, содержание и структуру работы партии большевиков [3, с. 55].

Осенью 1919 года появились детские пролетарские клубы-театры (ДПКТ) в Оренбуржье, клуб «Муравейник» в Перми, детские клубы в Костроме, Москве и других городах [2, с. 29]. Также были созданы многочисленные местные детские организации – «Красная звездочка» в Черемхове Иркутской губернии, «Цветы коммунизма» в Новолинске Вятской губернии, «Исполком детского интернационала» в Киеве и Житомире, детские посевные комитеты в Подольской губернии, Совет детских депутатов в Днепропетровске, «Юнтрудармия» в ряде городов Украины [1, с. 17].

Наряду с клубами общественно-политической направленности в России существовали и другие. Под видом культурных и спортивных создались организации, имеющие явно шовинистский, антикоммунистический характер, например «Макаби», «Дом Отрочества» и т.д. Данные организации быстро распались под давлением ЦК РКСМ, так как не соответствовали интересам правящей идеологии [3, с. 56].

Принимая во внимание необходимость самоорганизации ребят, в октябре 1920 года III съезд комсомола рассмотрел вопрос о работе комсомола среди детей [4, с. 11]. В 1921 году началась работа по созданию единой в стране детской общественной организации. Необходимо было подготовить руководителей организации, разработать теоретические вопросы, подготовить основополагающие документы.

Большую помощь комсомолу в этой работе оказала Н.К.Крупская. Ее специальные статьи и брошюра «РКСМ и бойскаутизм» ответили на многие вопросы, стоявшие перед страной в тот период, и привели к решению провести эксперимент по созданию детских общественных групп [4, с. 15].

Такие группы, ставшие впоследствии пионерскими отрядами, были созданы в Москве. В этих группах комсомол отработывал формы и методы работы будущей организации, формулировки будущих документов. В период эксперимента были разработаны пионерские символы и атрибуты, принято название новой организации – отряды юных пионеров имени Спартака.

16 мая в Москве открылась II Всероссийская конференция РКСМ. На одной из секций обсуждался опыт московских комсомольцев по созданию отрядов юных пионеров. 19 мая 1922 года конференция специальным постановлением одобрила этот опыт и решила распространить его на всю страну [4, с. 23].

Таким образом, детские общественные организации на территории России в 1917-1922 гг. прошли путь от множества детских объединений, различающихся как по форме, а также по содержанию своей деятельности к единственной массовой детской организации, существовавшей в Советский период, – Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина.

Библиографический список

7. Зори советской пионерии. Очерки по истории пионерской организации (1917-1941 гг.). М.: Просвещение, 1972.
8. Руденко И.В. Введение в педагогику детского движения. Учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2004.
9. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 539.
10. Яковлев В.Г. Рождение пионерской организации имени В.И. Ленина. М., 1962.

А.В. Мягченкова

*Самарская государственная
сельскохозяйственная академия*

ОБРАЗ СТЕПАНА РАЗИНА КАК СИМВОЛ «МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ» СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

С момента прихода к власти большевиков и зарождения основ советского государства, власть нуждалась в признании и поддержке общества. Для этого была развернута масштабная пропагандистская деятельность. 14 апреля 1918 года был издан декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции» [1], положивший начало «монументальной пропаганде».

Главную цель «монументальной пропаганды» В.И. Ленин видел в том, чтобы поставить искусство на службу революции, воспитать народ в духе нового, коммунистического миропонимания. И героями ее были избраны, как нынешние вожди, так и исторические личности.

Одним из таких героев был Степан Разин. Именно его, казачьего атамана, предводителя крестьянского восстания советская пропаганда избирает своим орудием. Уже в первые годы Советской власти образ легендарного бунтаря неоднократно отображался в искусстве и лите-

ратуре. В это время издаются масштабные произведения о нем, такие как поэма В.Хлебникова «Разин» (1920 г.), роман А.Чапыгина «Разин Степан» (сер. 20-х гг.), а также стихи М.Волошина, М.Цветаевой, фильмы, музыкальные произведения, даже балет. В честь Разина называют улицы и населенные пункты. Так в Самаре ул. Степана Разина (бывшая Воскресенская) появилась именно в 1923 году.

Фигура Разина была весьма выигрышной и показательной для советского правительства. Борец за свободу, выходец из низов, сложивший голову в борьбе с эксплуатацией человека человеком. Прекрасный пример исторического свидетельства правоты нынешних изменений. «О дворянских революционерах, народовольцах и первых русских марксистах народ еще не знал или знал плохо. А вот имена Разина и Пугачева, воспетые в песнях, овеванные романтикой легенд, были известны всем» [2].

В соответствии с ленинским планом предполагалось открыть памятники С.Т.Разину в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, Саратове. Открытие памятника героям Крестьянской войны «Разин с ватагой» в Москве в 1919 году стало заметным событием в культурной жизни страны. Как вспоминал впоследствии сам автор композиции С.Т.Коненков «открытие памятника Степану Разину вылилось в большое событие. Красная площадь была переполнена. На открытие памятника прибыли представители революционного казачьего комитета. И все это происходило там, где два с половиной века назад на черной плахе, установленной против лобного места, стрельцы четвертовали народного героя» [3].

Особенно ярко прослеживается пропагандистское течение в литературе. В романе А.Чапыгина отчетливо видны не только революционные, но и антирелигиозные подтексты: «народ молит бога с молитвами, слезами да свечами, а кругом — виселицы, дыба и кнут... Богач жиреет, а народ из последних сил тянет свой оброк. <...> Не бога искать время, искать надо, как изломить к народу злобу боярскую» [4].

Таким образом, благодаря усилиям ленинского плана Разину был присвоен статус «народного героя» и создан ореол мученика, отдавшего жизнь за свободу.

Библиографический список

1. Собрание узаконений РСФСР № 31 от 15 апреля 1918 г.
2. Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988.
3. Коненков С.Т. Мой век. М., 1972. С. 213-228, 234-235.
4. Чапыгин А. Разин Степан. М., 1978.

ИЗ ИСТОРИИ КУЙБЫШЕВСКОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В 1960-Е-1980-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

К своему столетнему юбилею 1 января 1960 года, Куйбышевская областная библиотека подошла, имея миллионный фонд (около 1 млн. 160 тыс. томов), штат библиотеки составлял 81 человека. Она обслуживала более 34 тыс. читателей, (треть из которых составляли читатели специалисты и научные работники), им ежегодно выдавалось свыше 700 тыс. книг и журналов [1, л.3]. В своей структуре библиотека насчитывала тринадцать основных отделов, среди них: отдел читальных залов, абонемент русской литературы, абонемент литературы на иностранных языках, заочный абонемент, межбиблиотечный абонемент, методический отдел, отдел патентно-технической литературы и др. В 1960-е годы в библиотеке вводится единый читательский билет, который позволяет оперативно пользоваться любым отделом. Появились новые формы работы с читателями. Был организован Клуб любителей английского языка, с 1964 года проводились Краеведческие четверги (в 1980 году преобразованные в Клуб краеведов), где слушатели знакомились с архивными находками и научными изысканиями историков и краеведов: В. А. Арнольда, Е.Ф. Гурьянова, Н.Т. Евстропова, О.С. Стукова [2, л.26] и др.

С 1965 года Куйбышевская областная библиотека изменила свое название получив статус «научной» и стала именоваться «Куйбышевская областная универсальная научная библиотека» (ОУНБ). С 1968 года стала носить имя В.И. Ленина.

В середине 1980-х годов Куйбышевская ОУНБ довольно тесные связи установила с крупнейшим книгохранилищем болгарского города – побратима – Старозагорской окружной библиотекой. Библиотеки обменивались изданиями, библиографическими пособиями, местными газетами. А в 1983 году Старозагорская библиотека прислала в дар куйбышевским читателям указатель литературы «Стара-Загора – Куйбышев», составленный на основе болгарских и русских печатных изданий.

К середине 1980-х годов фонды Куйбышевской ОУНБ перешагнули трехмиллионную отметку и составили в 1985 году 3 млн. 158 тыс. экземпляров. Число читателей увеличилась до 58,5 тыс. человек (из них специалистов и научных работников – 28,6 тыс. человек), а книговы-

дача составила 2 млн. изданий в год. Штат библиотеки вырос к 1985 году до 136 человек библиотечных работников, из которых высшее специальное образование получили 53 сотрудника (что составляло 39% от всего количества библиотечного персонала) [3, л.5,6,10,38]. Благодаря самоотверженной работе библиотекарей Куйбышевская областная научная библиотека стала ведущим научно-методическим, библиографическим и культурным центром не только города, но и области.

Вопросы, связанные с историей развития Куйбышевской ОУНБ в 1960-е – 1980-е годы, отражены в работах ряда исследователей. Региональная историография представлена работами К.Я. Наякшина, Л.В. Храмова, А.Н. Завального, Ю.Е. Рыбалко [4]. В них освещена история культуры Куйбышевской области в разные периоды, в том числе и библиотек. Необходимо отметить работу «История Куйбышевской области (1917-1980)» под редакцией В.В. Рябова, Л.В. Храмова, в которой содержатся сведения о материальном состоянии культпросветучреждений и достаточно подробно рассматривается работа музеев, клубных учреждений, в том числе и библиотек в послевоенные годы.

В 1988 г. Куйбышевское книжное издательство выпустило первую обобщающую работу А.Н. Завального «Книга и люди» [5], посвященную истории Куйбышевской областной библиотеки с момента ее основания до 1984 года. В 1994 году вышла его переработанное и дополненное издание «Раскрытая книга» [6]. В 2009 году была опубликована «Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия» [7], в которой содержится обширный материал об истории библиотеки. В ней показаны различные направления деятельности Куйбышевской ОУНБ. Эти вопросы отражены и в целом ряде статей опубликованных в сборниках «Самарские книжники», хрониках событий и др. [8] Но, к сожалению эти работы дают в основном краткую информацию и не дают полного представления об объеме работы Куйбышевской областной универсальной научной библиотеки в послевоенный период.

Многогранная работа коллектива Куйбышевской областной универсальной научной библиотеки получила отражение в статьях изданных издательством самой библиотеки. Опыт работы справочно-библиографического отдела (созданного в 1936 году) раскрыт в статье Родиной Л.Ф. «Библиографический отдел областной библиотеки – методический центр ЦБС» [9, с.97-104]. В ней отражена информация по организации Дней информации для специалистов города, проведению семинаров, курсов повышения квалификации библиотекарей города и области, составлению методических пособий.

В 1960 году был создан сектор краеведческой библиографии, занимавшийся организацией и ведением карточного краеведческого ката-

лога, выпуском библиографических пособий и проведением популярных среди жителей города Краеведческих четвергов [10, с.17-21].

Истории создания и развития отдела редких книг посвящена работа Кудряшкина Н.И. изданная в 1981 году «В мире книжных сокровищ», статья Колядиной А.М. «Рукописи отдела редких книг СОУНБ как часть Государственного архивного фонда Российской Федерации» [11].

В работах Брискиной Е.Б., Колесниковой В.А., Петрунина Ю. отражена история создания и развития отдела патентно-технической информации, сотрудничество отдела со многими предприятиями города, областным отделением ВОИР, филиалом Российского государственного архива научно-технической документации [12].

Огромную работу в этот период осуществлял научно-методический отдел. В 1970-е – 1975-е годы сотрудниками НМО было сделано 450 выездов, дано около 15000 консультаций, издано 130 методических пособий. Проведено 10 областных семинаров. В 1974 году сотрудники отдела разработали программу мероприятий по повышению квалификации руководящего состава ЦБС (директоров, методистов, библиографов, заведующих отделами) [13].

Хотя исследователи последних десятилетий собрали и систематизировали большой фактический материал, но в не поля зрения остался ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. ГАСО. Ф.2354. Оп. 3. Д. 1184.
2. ГАСО. Ф.2354. Оп. 6. Д. 587.
3. ГАСО. Ф.2354. Оп. 6. Д. 903.
4. Наякшин К.Я. Культурное строительство в Куйбышевской области за 30 лет (цифры и факты в помощь агитатору). Куйбышев, 1947; Его же. Очерки по истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955; Его же. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней (1918-1998). М., 2000; История Куйбышевской области (1917-1980) / Под ред. В.В. Рябова, Л.В. Храмкова. Саратов, 1981.
5. Завальный А.Н. Книга и люди. Куйбышев, 1988.
6. Завальный А.Н. Раскрытая книга. Самара, 1994.
7. Завальный А.Н. Самарская областная универсальная научная библиотека: энциклопедия. Самара, 2009.
8. Завальный А.Н., Завальная Л.Г. Путь длиною в 145 лет // Самарские книжники 2. Самара, 2006. С. 9-27.; Белкина Л. Сохраняем и создаем [1(13 янв.) 2010 г. СОУНБ исполнилось 150 лет] // Самарские судьбы, 2010. №1. С.98-105.

9. Родина Л.Ф., Пурьгина Г.Д. Библиографический отдел областной библиотеки – методический центр ЦБС: [из опыта работы Куйбышев. обл. б-ки] // Сов. библиотековедение. 1984. №1.

10. Завальный А.Н. Система библиографических пособий общественно-политического характера по куйбышевской области и ее роль в идейно-политическом воспитании трудящихся // Краеведческие библиотечно-библиографические ресурсы Куйбышевской области и их рациональное использование: тез. докл. Куйбышев, 1985.

11. Кудряшкин Н.И. В мире книжных сокровищ. Куйбышев 1981.; Колыдина А.М. Рукописи отдела редких книг СОУНБ как часть Государственного архивного фонда Российской Федерации // Архивный фонд самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона (материалы межрегион. науч.-практ. конф.), 14 окт. 2003г. / Упр. Гос. архив. службы Самар. обл.

12. Брискина Е.Б. Координация работы Куйбышевской областной библиотеки с органами технической информации, промышленными предприятиями и библиотекой совнархоза // Библиотеки СССР. Опыт работы. 1961. №18. С. 37-48.; Колесникова В.А. Ярмарка технических идей // Библиотекарь. 1986. №3, С. 32.; Петрунии Ю. Отдача «Ярмарки идей»: новая массовая форма пропаганды науч.-техн. лит. способствует укреплению связи б-ки с произв. Коллективами и изобретателями новой техники] // Библиотекарь 1986. №12. С. 5-8.

13. Кудряшкин Н.И. Из опыта организации и планирования работы // Методическая работа областной библиотеки. М., 1958. С. 137-150; Голенок Л.Н. Методическое обеспечение информационной деятельности библиотек / Библиографическая информация и читатели. Куйбышев. 1980. С. 110 – 117.

А.Ю. Маркелов

Самарский государственный университет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СЕНАТЕ В ПЕРИОД ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

Тема положения сената, его роли в период принципата Августа одна из важнейших в политической истории Рима I в. н.э. Целью работы является изучение взглядов отечественных антиковедов на роль римского сената в период принципата Августа.

История изучения сената представлена в докладе, в основном, в хронологическом порядке. В ней можно выделить 2 этапа: первый этап (1877-1983) характеризуется изучением положения и роли сената в трудах о принципате Августа, затрагивающих отдельные аспекты эпохи

Августа, монографиях посвященных переходу от республики к империи и общих трудах по истории Римской империи; второй этап (с 1982 г.) – появление первой работы, посвященной сенату в период ранней империи. Нужно особо отметить, что специальных работ по сенату эпохи Августа в отечественной историографии, до сих пор, нет.

Первая научная публикация, затрагивающая вопросы, относящаяся к теме доклада, вышла в 1877 г. «Август и становление Римской империи» ее автор Владимир Иванович Герье (1837-1919 гг.). [1, с.31,32,44-48]. Из дореволюционных историков наибольший вклад в изучение вопроса о роли сената внес Иван Вячеславович Нетушил (1850–1928 гг.) своим трудом «Очерки римских государственных древностей» вышедшим в 1904 г. В нем автор дает подробное описание функций сената со времени Августа и до III в. н.э. Автор подчеркивает тенденцию сокращения компетенции сената в период империи, отмечает, что сенат сохранял большое нравственное значение в течение всего принципата [2, с. 155,156].

Вопросу о роли сената в период правления Августа, в разной степени охвата материала, уделено внимание в трудах Э. Д. Гримма, Р. Ю. Виппера, М. И. Ростовцева [3, с. 116-124; 142-144; 204 – 218.; 128. 134, 149,179, 133-136, 137-139;135,136,144,145.; 121, 122].

Изменилась ли ситуация в советский период, тем более, что появились новые источники касающиеся темы сената в период принципата Августа? [4, с. 312, 329]. Насколько мне известно, из советских антиковедов одним из первых этой проблеме уделил внимание В. С. Сергеев (1883-1941гг.). В фундаментальном труде Н. А. Машкина (1900-1950гг.) дана общая характеристика состояния сената и краткий анализ его полномочий. Автор считает, что сенат формально превращается в высшее государственное учреждение, на деле же, потеряв многие свои функции [5, с. 401- 404, 402, 469, 470]. Далее, в разное время, к рассматриваемой проблематике обращались С. Л. Утченко (1908-1976гг.), А. Б. Егоров, И. Ш. Шифман (1930-1990гг.) [6, с. 213; 106-108; 100, 103].

В 1982 г. вышла в свет диссертация Ирины Павловны Портнягиной «Сенат и сенаторское сословие в период раннего принципата» – это поворотный этап в изучении проблемы, несколько позже, вышло пособие, с таким же заголовком. Автор считает, что сенат находился на положении младшего партнера в деле управления государством. Прослежены изменения функций сената в сфере армии, финансов, внешней политики, законодательства, судебных функций от Августа до Нерона. [8, с. 28-44].

Из современных историков данной тематике уделил внимание Я. Ю. Межеричкий в работе «Республиканская монархия»: метаморфозы

политики и идеологии императора Августа» [9, с. 12, 233, 240, 312-317, 345, 350-365.].

Нужно отметить, что в данное время рассматриваемая проблема изучается только в статьях. Перу Д. А. Литвинова, М. В. Белкина, А. Б. Егорова [10] принадлежат статьи, затрагивающие разные аспекты положения сената в период правления Августа.

Подводя итоги, нужно сказать, что по данной тематике не имеется обобщающего труда, а в имеющихся исследованиях не затрагиваются изменения во всех сферах компетенции сената.

Библиографический список

1. Герье В. И. Август и становление Римской империи // Вестник Европы. 1877. № 6-8.
2. Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1908. Т.2.
3. Grimm Э. Д. Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 1. Римская императорская власть от Августа до Нерона. СПб, 1900; Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1923. (впервые вышла в 1908).
4. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л, 1949.
5. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.-Л, 1949.
6. Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.; Егоров А. Б. Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л, 1985; Шифман И. Ш. Император Цезарь Август. Л., 1990.
7. Портнягина И.П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата: дис.... кан. ист. наук. Л., 1982.
8. Портнягина И.П. Сенат и сенаторское сословие в эпоху раннего принципата. Калинин, 1989.
9. Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.- Калуга, 1994.
10. Литвинов Д.А. Римские сенатусконсулты. // Древнее право. *Ius Antiquum*. М, 2000. № 2 (7); Белкин М. В. Историческая традиция о численности и этапах формирования сената в Древнем Риме. // Жебелевские чтения – III. Тезисы докладов научной конференции 29 – 31 октября 2001 года. СПб, 2001; Егоров А. Б. Вопрос о роли римского сената в политической системе принципата в историографии XIX – XX вв. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб, 2002; Егоров А. Б. Цезарь, Август и римский сенат. // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб, 2002.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О РОМАНИЗАЦИИ ИСПАНИИ

Вопрос романизации Испании очень важен для истории Европы, поскольку это этап становления всей римской, а за ней и европейской культуры. Целью работы является изучение взглядов отечественных историков по вопросу романизации Испании.

Следует отметить, что специальных работ, посвященных рассмотрению отечественной историографии по проблеме романизации Испании, на сегодняшний момент нет. Можно назвать отдельную работу, которая частично затрагивает данную тему – это статья И. Г. Гурина «Аспекты романизации Испании раннеимперского времени в новейшей отечественной литературе» [1, с. 125-135], которая предлагает вниманию последние исследования в этой области.

Можно выделить три этапа изучения романизации Испании в отечественной историографии. Первый этап – дореволюционная историография, до 1917 г. соответственно. К исследованию Испании практически не обращаются, как правило, в контексте истории Рима. Второй этап – 30-е – 80-е гг. XX в. – марксистско-ленинская линия историографии. Тема романизации Испании в этом контексте представляется как борьба свободолюбивых испанцев с римским империализмом. Третий этап – начиная с 1990-х гг. – романизация становится собственно предметом изучения (даются определения, вырабатывается сущность понятия), происходит сосредоточение на различных аспектах романизации народов Пиренейского полуострова.

Первый этап историографии представлен В. К. Пискорским, который в 1902 г. написал работу «Истрия Испании и Португалии». Не являясь специалистом в области античной Испании, во введении Пискорский делает краткий очерк истории стран Пиренейского полуострова в интересующий нас период. Пискорский пишет, что Испания постепенно подвергалась романизации, то есть воспринимала римскую религию, язык, законы, обычаи. Таким образом, в имперский период общественная и политическая организация была обустроена по римскому образцу [2, с. 3,5].

После Октябрьской революции советская наука начинает постепенно развиваться на основе марксизма-ленинизма, на фундаменте материалистического понимания истории [3, с. 327]. Второй этап историографии представлен рядом специалистов в области античной и средневе-

ковой Испании. В своих работах такие авторы как А. Е. Кудрявцев, А. В. Мишулин, Н. П. Доценко и А. Р. Корсунский в основном заимствуют идеи западной, в частности немецкой историографии, но и высказывают свои оригинальные идеи [4, с. 16, 18, 23-25; 86; 44-46; 48-50; 12-13], которые современной историографией опровергнуты и полностью отброшены.

Одной из задач историков 30-50-х гг. являлась подготовка новых учебников и учебных пособий для государственных университетов и педагогических институтов, в которых бы сочеталась марксистско-ленинская теория с тщательным анализом исторических источников [5, с. 336-337].

Большую популярность приобрела «История древнего Рима» Н. А. Машкина. Романизацию Испании автор связывает в первую очередь с деятельностью Сертория, который ставил своей целью романизацию иберийской аристократии. Очень высоко оценивает личные качества Сертория. Говорит, что он впервые показал, что римляне, если они хотят властвовать над провинциями, должны опираться на местную аристократию и в этих целях должны заботиться о распространении романизации [6, с. 264-265, 289].

А. Б. Егоров являет собой переходный этап в отечественной историографии, так как он уже отходит от марксистской концепции понимания истории. В своей работе «Рим на грани эпох» он пишет, что подчинилась Испания после Серторианского восстания, однако окончательно была романизирована только в 25-19 гг., когда Август захватил северо-запад полуострова [7, с. 28-29].

Третий этап отечественной историографии представлен рядом исследователей, самыми яркими из которых являются Ю. Б. Циркин и И. Г. Гурин [8]. Авторы впервые в отечественной науке дают определения и раскрывают сущность понятия «романизация». Выделяют четыре аспекта романизации: экономический, социальный, политический и культурный, и дают их подробную характеристику. Таким образом, они впервые обратили внимание на романизацию как собственно предмет исследования.

Подводя итоги, нужно сказать, что взгляды отечественных историков на романизацию Испании, как мы увидели, очень разнообразны. Возросшее в последние несколько десятилетий внимание к истории античной Испании позволяет полагать, что в дальнейшем этой теме будут уделять больше внимания на должном уровне.

Библиографический список

1. Гурин И.Г. Аспекты романизации Испании раннеимперского времени в новейшей отечественной литературе // Проблемы истории, филологии, культуры. М., Магнитогорск, 2007.
2. Пискорский. История Испании и Португалии, 2 изд., СПб, 1909.
3. Историография античной истории. М., 1980.
4. Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. М., 2009. Изд. 3-е.; Мишулин А.В. Иберийский род и его эволюция в древней Испании // ВДИ. 1948. №1.; Мишулин А.В. О возникновении римского провинциального управления в Испании // ВДИ. 1949. №1.; Доценко Н.П. Римская агрессия в Испании и борьба испанских племен за независимость (154-133 гг. до н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-н/Д., 1965.; Корсунский А. Р. История Испании IX — XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астура-Леонского и Леона-Кастильского королевства). М., 1976.
5. Историография античной истории. М., 1980.
6. Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1947.
7. Егоров А.Б. Рим на грани эпох. Л., 1985.
8. Циркин Ю.Б. Древняя Испания. М., 2000.; Циркин Ю.Б. Испанские кельты и их романизация // Кельты и кельтские языки. М., 1974.; Циркин Ю.Б. Контребийская таблица и романизация Испании // Античная гражданская община. Л., 1986.; Циркин Ю.Б. Романизация Испании к концу Римской республики // Античная гражданская община. М., 1984.; Гурин И.Г. К вопросу о романизации Испании // Вопросы зарубежной истории. Самара, 2001.; Гурин И.Г. Романизация Испании в начале I в. до н. э. и ее последствия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2003.; Гурин И.Г. Серторианская война (82-71 гг.). Испанские провинции Римской Республики в начальный период Гражданских войн. Самара, 2001.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ ЭТНОСОВ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В.Е. Евграфова

Самарский государственный университет

ЖЕНЩИНА И ЕЕ РОЛЬ В МОНГОЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ СОГЛАСНО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКОМ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ XIII–XIV вв.

Изучение истории Золотой Орды имеет давнюю историографическую традицию. Для своей работы я выбрала один из узких аспектов, относящийся к истории этой культуры – роль женщины в золотоордынском обществе.

Цель исследования заключается, в том, чтобы на основании имеющихся письменных источников выяснить социальное положение, которое занимала женщина в монгольском обществе, какую роль играла в общественных отношениях, ее степень зависимости от мужчины. Для достижения цели необходимо ответить на следующие вопросы: род занятий монгольской женщины, как она выглядела, какую роль выполняла в семейных отношениях, какие имела права и обязанности.

На сегодняшний день имеется несколько работ посвященных изучению золотоордынской истории, где авторы, так или иначе, касаются темы социальных ролей. К ним относятся в первую очередь труды Г.А. Федорова-Давыдова, Е.П. Мыськова, Н.Н. Крадина и Т.Д. Скрынниковой. Таким образом, данная проблема не пользуется особым вниманием историков, что и неудивительно, в связи со скудностью источников и на первый взгляд ясностью ответа на вопрос: какое место занимала женщина в средневековом, варварском, языческом, а затем мусульманском обществе? Меня заинтересовала некоторая противоречивость данных ряда средневековых источников.

Работа в большей части своей основывается на письменных источниках арабских и персидских авторов. Так же используются: «Книга» Марко Поло, «История Монголов» Иоанна де Плано Карпини, «Путешествие в восточные страны» Вильгельма де Рубрука.

Если говорить о оложении женщин в мусульманских странах на Востоке то оно, несомненно, было подчиненным, что обусловлено

несколькими объективными причинами, такими как господство ислама, а так же культурное влияние Византии, где законы были греко-римскими, религия – христианской, а социальные установки – средиземноморскими. Такая смесь неотвратимо порождала отношение к женщине не в ее пользу. Основные обязанности заключались в том, чтобы вести себя незаметно и растить детей.

Г.А. Федоров–Давыдов предположил, что костяки с подогнутыми ногами, принадлежащие женщинам, свидетельствуют о подчиненном положении, занимаемом ими [14, с. 35].

Что касается занятий женщин, то П. Карпини отмечает, что женщины делают все, кроме стрел, причем везде преуспевают. Эти сведения подтверждают В.Рубрук [5, с. 100-101], а так же М. Поло [3, с. 136].

В «Великой Ясе» можно найти распоряжение Чингисхана об обязанности женщин служить – выполнять всю мужскую работу в их отсутствие [1, с. 37-38]. Этому можно найти множественные подтверждения и в других источниках средневековых авторов [2, с. 64].

Что касается одежды, то все путешественники единодушно отмечают, что платье мужчин и женщин шито одинаковым образом. Лишь платье девушек немного длиннее мужского. Но, несмотря на скудость в одежде монгольские женщины даже не совсем знатного происхождения носили множество украшений [9]. Так, путешественники из мусульманских стран постоянно подчеркивают одну непривычную для них деталь в женском костюме – отсутствие паранджи [8].

Как и других мусульманских странах для богатых монголов была характерна так называемая расширенная полигамная семья, то есть: «Всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать» [3, с. 88]. Марко Поло приводит сведения о левирате: «Умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата — на его жене [3, с.88]. Брак обязательно предполагал калым [1, с. 122].

Но, в то же время женщины имели большее влияние и автономность, чем их сестры в соседних оседлых обществах. Повседневная жизнь требовала от женщин играть более публичную роль в экономической деятельности. Женщины часто участвовали в племенной политике. Структуры взаимных союзов между кланами давали женщинам важную структурную роль, связывающую племена друг с другом. Особенно высокой могла быть роль старшей женщины над сыновьями, как правило, после смерти ее мужа [2, с. 75]. Известен факт заговора Джанибека со своей матерью против двух других своих братьев [2, с. 118].

Известный арабский путешественник Ибн-Батута, проехавший в 30-х годах XIV в. в Дешт-и-Кипчак, в своих заметках пишет: “В этом крае я

увидел чудеса по части великого почета, в каком у них женщины. Они пользуются большим уважением, чем мужчины” [2, с. 131].

Монгольские женщины принимали активное участие в курултаях [10]. Более того, на ханских приемах рядом с правителем всегда находилась жена [3, с. 121] с открытым лицом. При этом она могла принимать участие в общих беседах и ее суждения были достаточно авторитетными, а в некоторых вопросах и решающими [2, с.130].

Известно множество случаев, когда женщины становились политически активны и даже стояли во главе государства, управляя им. Например, Джиджекхатунь правила государством во времена мужа своего и в царствование Тудаменгу, севшего на престол после него [1, с. 79]. А во время прибывания Бату в европейском походе, после смерти великого каана делами правила старшая из жен Угетай каана Туракина хатун [12, с. 35]. Известны случаи, когда женщина выдавала ярлыки от своего имени.

Таким образом, жизнь незнатной женщины была очень непростой в монгольском обществе. Кроме того, что на ее плечи полностью ложилось ведение кочевого хозяйства, она должна была порой выполнять сугубо мужские обязанности, была, говоря современным языком, военнообязанной. Одежда, имеющая такой же крой как у мужчин, и вообще мало чем отличающаяся от мужской, лишнее тому подтверждение.

Другая ситуация была у представительниц ханской и приближенных к ней семей – они имели прекрасные наряды, носили замысловатые боки (головные уборы замужних женщин имеющие очень сложную конструкцию и состоящие из шапки, берестяного или деревянного наверхшия [13, с. 32]. Знатные женщины в Золотой Орде пользовались значительными правами и уважением, участвовали в государственных делах, что вызывало удивление мусульманских авторов. Такое было совершенно немыслимым в странах классического ислама. Таким образом, прослеживается тенденция, согласно которой уровень социальной активности возрастает параллельно социальному статусу женщины – то есть чем знатнее происхождение женщины, тем больше она участвует в общественной жизни, иногда и наравне с мужчинами, хотя и не на равных правах.

Библиографический список

1. История Золотой Орды. Сборник материалов., сост. Вовина В.Г., Кожанов А.А. СПб.: «Европейский Дом», 2003.
2. Золотая Орда в источниках. Сборник материалов. Т.1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.

3. Марко Поло. Книга. М., 1956.
4. Никулина Т.В. Золотая Орда в источниках. Т.1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003.
5. Плано Карпини, Вильгельм Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
6. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.
7. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. 1941.
8. <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-20157/>
9. http://www.hermitagemuseum.org/html_Ru/04/2005/hm4_2_136.html
10. <http://www.testent.ru/index/0-41>
11. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.
12. Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды. Волгоград, 2003.
13. Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская Археология. 1995. №2.
14. Федоров Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

М.А. Леунова

Самарский государственный университет

ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К СТАРООБРЯДЦАМ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Отношение власти к старообрядцам за всю историю старообрядчества не было однозначным. Политика власти с момента возникновения раскола неоднократно менялась от снисходительного отношения до ожесточенных гонений.

В развитии отношения государства к расколу можно наметить шесть этапов, каждый из которых отмечает как специфику этого движения, его состояние и внутреннее развитие, так и особенности социальной и политической обстановки в России: период религиозных гонений (XVII в.); преследования по политическим мотивам (XVIII в.); тенденции к сближению, «единоверию» (конец XVIII в. – начало XIX в.); гонения – при Николае I; постоянное смягчение – с правления Александра II; свободное вероисповедание – с 1905г.

Конец XVII в. для старообрядцев был очень тяжелым. Правительство царя Алексея Михайловича в раскольническом движении увидело лишь «ересь», отступничество от церкви, что и определяло характер преследования: всех «вероотступников, богоживников и церковных мятежников – казнить, жечь огнем без всякого милосердия». Согласно

церковному указу, раскольники подвергались не только церковному суду, но и гражданскому. Следовательно, для государства старообрядцы были ни кем иным, как преступниками, и как таковые подлежали строгому розыску и казни [1, с. 478].

Петр I установил основные нормы взаимоотношений между государством и старообрядчеством. Им определен социально – правовой статус раскольников, действовавший на всем протяжении XVIII в. Гражданство раскольникам было дано, но урезанное. В социальном положении ничего не изменилось. По «Духовному Регламенту» они лишались права участвовать в общественной и государственной жизни России. Единственно доступная им должность – сборщика податей за раскол, которая расценивалась скорее как тяжелая повинность.

Комплекс мероприятий Екатерины II по расколу представляет собой постепенную отмену тех постановлений петровского законодательства, которые поставили старообрядцев в исключительное и обособленное положение в обществе. Власть поняла, что старообрядчество становится опорой в период брожения крестьянства, и ее политика на рубеже XVIII – XIX вв. включает в себе элементы очевидного послабления и снисходительности. При Екатерине II складывается старообрядческий центр в Самарской губернии на р. Большой Ирғиз.

Взаимное движение к сближению вылилось в форму единоверия. 27 октября 1800 г. вышел указ «О дозволении старообрядцам строить церкви». Единоверие основывалось на принципе подчиненности старообрядческих общин православной церкви в организационном отношении с правом совершения треб и таинств по старому обряду.

С 20 – х гг. XIX в. власть вновь смотрит на старообрядчество как на явление политическое. 28 октября 1827 г. было сделано распоряжение, по которому к уголовно наказуемым деяниям уже был прямо отнесен переход в старообрядчество. Таким образом, законодательство вернулось от почти либерального отношения к старообрядцам при Екатерине II ко временам Двенадцати статей царевны Софьи [1, с. 127]. Не признавая за старообрядческими общинами права на существование, правительство Николая I запретило строительство молитвенных домов, часовен, всю атрибутику церковного убранства на молитвенных зданиях [2, с. 493].

По градации раскольнических сект, составленной Синодом, последние разделялись на три категории: вреднейших, вредных и менее вредных. К первым двум категориям отнесли молокан, духоборов, хлыстов, скопцов и беспоповцев. Менее вредной считалась секта половцев [2, с. 476-498]. Для борьбы с расколом в 1838 г. учреждались губернские секретные совещательные комитеты.

В 1864 г. учрежден Особый временный комитет для разработки дальнейшей системы законодательства до расколу. Комитет вновь разделил все секты на более и менее вредные, причислив к первой категории немолящихся за царя и отвергающих браки. Последователям менее вредных сект предоставлялись некоторые общегражданские права. Снималось ограничение в торговых и промышленных правах и для раскольников более вредных сект. Получили старообрядцы и право совершать духовные требы и молитвы, а более лояльные раскольнические общины – исправлять часовни, открывать новые молельни.

Указами 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. старообрядцы обрели свободу вероисповедания и право на образование религиозных общин. Старообрядческие общины получили возможность организовываться, сооружать храмы, молитвенные дома, учреждать богоугодные учреждения, школы, приобретать и продавать для целей общины движимое имущество, образовывать капиталы. Духовным лицам присваивалось наименование «настоятелей» и «наставников», со всеми правами, существующими для духовных лиц, им не вменялось в обязанность ведение метрических записей по актам гражданского состояния старообрядцев.

После поражения революции 1905 – 1907 гг. царизм попытался урезать дарованные права, но после некоторых коллизий внутреннего порядка право старообрядцев и старообрядческих общин на самостоятельную религиозную жизнь было признано. Так получило право на легальное существование одно из самых крупных религиозных течений русской православной церкви.

Характер взаимоотношений государства и старообрядчества раскрывает один из аспектов сложной и противоречивой истории этого движения, вносившего столько смут и неурядиц во внутреннюю жизнь русского государства. Существующее законодательство поставило старообрядцев в особое положение.

Библиографический список

1. Вургафт. С.Г. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
2. Третьякова. Н.В. Социально-правовой статус старообрядчества в до-реформенной и пореформенной России // Вопросы истории СССР. М., 1972.

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Появление первых поляков на территориях, позднее вошедших в состав Самарской губернии, можно отнести еще к XVII в. [2, с. 4], но точные сведения об их численности появляются лишь в 1897 г. после проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи. На тот момент поляки составляли лишь 0,07% от всего населения губернии [1, с. 56; 3].

Цель данного доклада — дать характеристику польской диаспоре по следующим аспектам: пути попадания в Самарскую губернию, распределение по городам и уездам, сословный состав и основные занятия.

Итак, к концу XIX в. В Самарской губернии проживало 1940 человек, назвавших польский своим родным языком. Первая большая волна польских переселенцев не по собственной воле выбрала Самарскую губернию в качестве нового места жительства. В 1864 г. было решено выслать в губернию «200 семейств западнопольских переселенцев, принимавших участие в польских мятежах [3, л. 30]». Для их водворения были выделены казенные земли, находящиеся в ведении ведомства государственных имуществ. По сведениям этого ведомства «таковых переселенцев водворено в здешней губернии было только 134 семейств», между которыми и были распределены все выделенные земли [3, л. 30]. Сложно точно сказать, сколько человек скрываются за этими 134 семьями. Приблизительные подсчеты можно провести по делам канцелярии самарского губернатора о переселяемых поляках. Согласно этим подсчетам, в Самарскую губернию было сослано не менее 835 признанных политически неблагонадежными поляков. Непосредственных участников восстания 1863-1864 гг. в нее сослали редко, обычно, в том случае, если по состоянию здоровья они не могли работать в арестантских ротах или же добровольно прекратили участвовать в восстании [10, л. 1-1об.], [4, л. 12-14]. Кроме того, относительно легкому наказанию — ссылке в Самарскую губернию подвергались те поляки, участие которых в восстании доказать не удалось [7, л. 2-2об.]. Но чаще всего сосланные в Самарскую губернию обвинялись в оказании помощи восставшим: снабжении их продовольствием [5, л. 3], хранении оружия [8, л. 1а], «укрывательстве у себя мятежников [8, л. 1а]». Очень часто сослались и за недонесение начальству о восставших [9, л. 2]. Были и интересные исключения — добровольные ссыльные [6, л. 1].

Большую часть переселенцев составляли семьи ссыльных, отправляемые вместе с ними.

За 33 года, прошедшие от 1864 г. до 1897 г., количество ссыльных поляков изменилось: кто-то умер, у кого-то родились дети, но все равно они могли составить лишь половину всех поляков, проживающих в конце XIX в. в Самарской губернии. Можно предположить, что остальные поляки самостоятельно по экономическим причинам приняли решение о переселении в Самарскую губернию.

В конце XIX в. Наибольшее число поляков – 958 человек проживали в главном городе губернии – в Самаре. В других городах губернии поляков было значительно меньше: от 7 человек в гор. Ставрополе до 54 человек в гор. Новоузенске. 829 человек проживали в сельской местности, причем больше всего поляков было в Новоузенском уезде, где еще в 1864 г. ведомством государственных имуществ выделялись земли для водворения политических ссыльных [1, с. 60-78].

Важной особенностью сословного состава польской диаспоры Самарской губернии является большое количество потомственных дворян – 529 человек – всего лишь на 150 человек меньше, чем крестьян – самой многочисленной сословной группы. Третьей по численности группой являлись мещане – 447 человек. Кроме того, среди поляков было 19 почетных граждан, 4 купца и 2 лица духовного звания [1, с. 180-193].

Перепись содержит достаточно подробные сведения о распределении поляков по сферам занятости, но, показывая принадлежность работников к какой-либо отрасли, не определяет их занятие внутри этой сферы. Например, такая графа как «обработка металлов» может включить в себя и рабочего, и бухгалтера, и инженера, и директора металлообрабатывающего завода. Западные губернии, являясь экономически самыми развитыми в Российской империи, поставляли в Самарскую губернию специалистов в различных сферах деятельности. В частности, польские земли дали губернии немало хороших железнодорожников. На железных дорогах было занято наибольшее количество поляков – 423 человека. 247 поляков Самарской губернии были военными, 216 – занимались земледелием, 200 человек работали прислугой или занимались поденной работой. Также большое количество поляков – 160 человек были заняты в обрабатывающей промышленности (особенно в металлообрабатывающей) и 117 человек – в торговле. Кроме того, среди поляков было 79 врачей [1, с. 122-123].

Итак, можно сделать вывод о том, что к концу XIX в. прошли две волны миграции поляков в Самарскую губернию: первая состояла из политических ссыльных, а вторая из экономических мигрантов. Наибольшее количество поляков было сконцентрировано в гор. Самаре.

Важной особенностью их сословного состава является большая доля потомственных дворян. Среди основных занятий польского населения Самарской губернии можно выделить: работу на железных дорогах, военную службу, земледелие, торговлю и работу в сфере обрабатывающей промышленности.

Библиографический список

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., под ред. Н.А. Тройницкого. 1904. Т. XXXVI.
2. Федоров М. Поляки Самарской области // Самарская область. Этнос и культура. 2002. № 1.
3. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 2.
4. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 6.
5. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 9.
6. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 11.
7. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 14.
8. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 16.
9. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 17.
10. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 18.
11. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 151. Д. 45.

Я.М. Цыганова

Самарский государственный университет

ПРОВИНЦИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Российская провинция – не только географический и административный, но и особый социально-психологический и культурный феномен. Поэтому она – объект изучения многих гуманитарных наук (социологических, психологических, литературоведческих и других).

В России возникновение понятия провинции относится к Петровскому времени, когда этим словом была названа единица административно-территориального деления Российской империи. После их уп-

разднения с конца XVIII в. и до сегодняшнего времени провинцией называют территории, находящиеся за пределами столицы.

В настоящем исследовании важнейшей является проблема образа провинции в общественном сознании российского общества XIX – начала XX вв., в частности, изучение данного вопроса в современной историографии.

Интерес к проблеме провинции в историко-культурном пространстве России существовал еще во второй половины XIX века. Своеобразная концепция провинции была создана К.Н. Леонтьевым (1831–1891), считавший, что благодаря своей самобытности провинция занимает более значимое место в историко-культурном пространстве России, нежели центр.

В начале XX века образ и роль провинции в жизни России были представлены в работах Н.А. Бердяева [1] и историка культуры и литературы Н.К. Пиксанова.

Н.А. Бердяев настаивал на уменьшении различий между центром и провинцией, который может способствовать духовно-культурному подъему России. Главным моментом в концепциях Н.К. Пиксанова является выделение «культурных гнезд» – обособленных культурных центров.

В современной исторической науке в проблеме провинции в историко-культурном пространстве России выделяется аспект ее «отсталости», который понимается в разных ракурсах.

Вопрос о том, что представляет собой провинция как таковая был поставлен в статье Г.М. Дробжевой [2], в которой выделяется два основных значения слова «провинция»: 1) единица административно-территориального деления; 2) местность, удаленная от столицы, культурных центров. Автор выделяет неоднозначность оценки культурной роли российской провинции в общественно-политической мысли второй половины XIX века: тормоз на пути прогресса или основа, обеспечивающая стабильность развития.

Понимание провинциального региона в интересующую нас эпоху обозначено в работах историка М.А. Орешинной [3]: это уникальный локальный хронотоп, которому свойственны внутренняя самодостаточность, самобытность, подвижность его границ, его немасштабность и одновременно разномасштабность, потенциальная целостность, культурная полифоничность.

Пензенский историк Н.М. Инюшкин [4], оценивая представления о роли провинции в жизни России рубежа XIX – XX вв., как одну из главных идей выделяет концепцию города, который творит самосознание провинции.

Вопрос о русской провинции был также поставлен в работе Е.И. Кириченко и Е.Г. Шеболевой [5]. К проблеме формирования образа региона авторы отмечают такое понятие как «провинциальность» – противоположность «столичности». В эти понятия включаются: особый уклад жизни, быта, поведения, манеры одеваться, облик зданий, типичный для территорий, находящихся вдали от столицы. Отношение же столицы к провинции напоминает взгляд иностранцев на Россию как на не-Европу.

В некоторых современных исторических исследованиях подчеркивается неповторимый культурный облик каждой провинции. Например, тема образа провинциального региона в XIX – начале XX вв. подробно освещена в работах Н.Н. Родигиной [6]. Основным объектом ее исследования является образ Сибири. Кроме того, автор выделяет в своей работе основные особенности создания и бытования провинциальных образов в сознании российской интеллигенции пореформенного периода. Н.Н. Родигина определяет уровни формирования представлений о регионе в общественном мнении пореформенной России. Первому уровню соответствуют ментальные стереотипы, под влиянием которых рождаются определенные мифы о той или иной местности. На втором уровне определяющее значение имеют социокультурные особенности конкретной эпохи, на третьем – образ региона создается во взаимодействии с определенной идеологией. Для четвертого уровня характерно личное индивидуальное знание и представление автора о конкретной местности.

Теме провинции, в частности, Самарского Поволжья, в историко-культурном пространстве был посвящен целый сборник статей «Город и время» [7], в котором в разных контекстах рассматриваются образы провинциального города: локальном и глобальном, историческом и современном. Авторами показывается, как изменялся этот образ исторически, чем объяснялись те или иные представления о городе, и как образы влияли на социокультурное пространство. Например, характерной чертой наиболее изученного образа Самары является его неотделимость от Волги. Самара – город Волжский – это и есть основ, определяющее его историко-культурное пространство.

В целом, можно сказать, что современные исследователи выделяют как особую проблему восприятие образов провинции в общественной мысли XIX – начала XX вв. Главной отличительной чертой создаваемого образа провинциального региона было его противопоставление образу столицы. Это в свою очередь рождало представления об отсталости, нередко, в некоторой степени, даже дикости провинции, или же, наоборот, о провинции как оплоте национального духа. Образы плохо изученных изнутри регионов представлялись несколько утриро-

ванно, что приводило к возникновению так называемых «мифических» образов, которые отражали своеобразие как самих регионов, так и общественно-культурные представления той эпохи, в которую рождались эти образы.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2005.
2. Дробжева Г.М. Русская философия XIX – начала XX вв. о роли провинции и сохранения национального своеобразия / Провинция в контексте истории и литературы. Материалы V Крапивенской конференции. Тула: «Ясная Поляна», 2009.
3. Орешина, Мария Алексеевна. Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики. URL: <http://www.dissercat.com/content/russkii-sever-nachala-xx-veka-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo-istochnikovedcheskie-i-met#ixzz2CeesQyEa>
4. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.
5. Кириченко Е.И., Щеболева Е.Г. Русская провинция. М.: «Наш дом – L'Age d'Homme», 1997.
6. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006.
7. Город и время: в 2 томах. Том 1. Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г. издание предпринято в рамках проекта: «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города». Самара: Самарское книжное издательство, 2012.

Т.В. Вяльдина

Тольяттинский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. власти Самарского Поволжья всерьез были обеспокоены проблемой организации культурного досуга жителей, т.к. уровень культурного развития самарского общества оставлял желать лучшего. Современники оставили нелестные отзывы о самарском обществе этого периода. «Грубым и убогим» городом назвал Самару М.Горький. Все, по его мнению, в Самаре неправильно и нехорошо, «она грязна, пыльна и пахуча» [1, с.1].

Затрагивает автор «Самары во всех отношениях» и проблему пьянства самарцев. Действительно, борьба с пьянством в это время становится одной из главных проблем, стоящих не только перед местными, но и перед центральными властями. Например, «Утро Самары» сообщало, что Министерство народного просвещения всерьез задумывается о том, чтобы созвать совещание по вопросу об «открытии при университетах Харьковском, Казанском и Юрьевском кафедры алкоголеведения» [2, с. 3].

Антиалкогольная пропаганда велась и со страниц печатных изданий. Автор статьи (в подписи значится Е.К.) «Алкоголизм и пролетариат», напечатанной в газете «Наши дни», пытается доказать губительность употребления спиртных напитков [3, с. 3].

Ситуацию усугубляло большое количество убийств, краж и разбоев, сообщения о которых ежедневно появлялись на страницах местной прессы. Известия из деревень в основном касаются событий именно такого плана («В селе Елховка забили до смерти конокрада. В деревне Питерки Елшанской волости жительница села сожгла новорожденно-го сына»[4, с. 5]).

Ситуация в городах губернии была не лучше. Например, «Самарский телеграф» описывает происшествие в одном из местных театров: «По окончании первого акта даваемой пьесы, один из участвовавших в качестве любителя, некто Акинфиев, с железным молотком в руках направился к месту, где сидел г. Ромодановский и нанес последнему молотком удар в голову. Обливаясь кровью, Ромоданов упал; Акинфиев набросился на свою жертву и стал душить за горло» [5, с. 3].

Местные власти пытались избавить население от пьянства и привить интерес к более здоровому способу отдыха. В марте 1895 года создаются губернский и уездный комитет попечительства о народной трезвости. Эти организации при содействии местных властей (в том числе в финансовом вопросе) направляли свои усилия на то, чтобы предоставить горожанам альтернативные развлечения, нежели посещение пивных и трактиров.

Так, например, попечительства о народной трезвости ратовали за открытие чайных и столовых, т.к. их существующее количество, по мнению «Самарского курьера», «не может удовлетворять спроса на них» [6, с. 2]. Таким образом, устраивая чайно-столовые, попечительство о народной трезвости пыталось привить жителям вкус к другим, более полезным напиткам.

В меру своих сил попечительство организовывало театрализованные представления, проходившие в открытом в 1898 г. Народном театре. Репертуар был достаточно разнообразен и включал в себя поста-

новки не только местных трупп, но и приезжих артистов. Конечно, городская Дума также не оставалась в стороне, спонсируя приезжих артистов и организовывая мероприятия не только в Народном театре, но и на других культурных площадках.

Однако, не смотря на усилия со стороны властей и всевозможных обществ, самарская публика оставляла не очень хорошие о себе впечатления, как со стороны присутствующих, так и со стороны выступающих. В губернской прессе неоднократно поднималась проблема неумения самарского люда себя вести на подобного рода мероприятиях.

Еще одним вариантом организации досуга горожан были народные чтения, впервые состоявшиеся 17 февраля 1893 г. Цель подобного рода развлечений – «привлечь интерес народа к книге, предоставить возможность бедным слоям населения для разумной организации свободного времени» [7, с. 148]. Чтения организовывались на средства городской думы, а также при содействии интеллигенции. Эти меры, хотя в небольшой степени, но способствовали подъему нравственности и уровня образованности, однако решить проблему пьянства им было не под силу.

Таким образом, можно сделать вывод, что посещение культурных заведений являлось данью моде, возможностью посплетничать об очередной постановке, просто быть в курсе всех городских событий, а не душевной потребностью.

Местные власти и общества пытались решить проблемы, связанные с организацией досуга горожан, проводя различного рода мероприятия. Однако подобные меры не всегда давали тот результат, на который так надеялись организаторы. Причиной этого, на наш взгляд, могло стать то, что местная публика была просто не подготовлена к тому уровню мероприятий, которые для нее проводились. Многие из них соощались просто как дань моде, и горожане не считали нужным соответствовать тому уровню культуры, на который рассчитывали власти. Не смотря на то, что в полной мере решить проблему не удалось, проводимые мероприятия позволяли хоть как-то разнообразить жизнь населения, знакомить его с новыми направлениями в культуре.

Библиографический список

1. Горький М. Самара во всех отношениях. Письма одного странствующего рыцаря. М., 1896.
2. Утро Самары. 1913. 4 сентября.
3. Наши дни. 1907. 7 апреля.

4. Едидович Л.В. Народная нравственность и попытки ее исправления.// Самарские ведомости – 150. №3. Самара, 1997.
5. Самарский телеграф. 1907. 20 марта.
6. Самарский курьер. 1904. 4 октября.
7. Рогач Ю.А. Культурная жизнь самарцев в конце XIX – начале XX веков // Самарский земский сборник. Самара: Самарский университет, 2004.

Е.В. Доценко

Самарский государственный университет

РЕДАКТОРЫ САТИРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ 1905 Г.

Революционные события 1905-1907 гг. дали начало и пробудили к жизни многие явления российской действительности. Одним из таких явлений стала сатирическая журналистика 1905-1917 гг.

Появление сатирических журналов не стало новым событием в российской общественной жизни: они выходили в 1769-1774, и в 1857-1864 гг. Журналы, выходявшие в 1905-1917 гг., в отличие от своих предшественников имели некоторые своеобразные черты: возникшие в революционное время они становились сосредоточением социал-демократических, консервативных и либеральных идей, направленных на реформирование государственного строя.

Зафиксированные эзоповым языком и запрятанные в гиперболы идеи участников журналов сложно разделить на социал-демократические, консервативные и либеральные, поэтому мы уделяем внимание в нашем исследовании анализу деятельности участников журнала, в данном случае, редакторов. Анализ их общественно-политической деятельности, взглядов откроет нам новые перспективы в исследовании центральной проблемы наших предыдущих и последующих работ – анализу политической направленности сатирических журналов 1905 и других годов [1, с. 253-255].

Историками была бегло освещена проблема политической направленности сатирических журналов. В проанализированных нами исследованиях Жукова В.Ю. [2, с. 165] и Леонова М.И. [3, с. 216] отдельная проблема изучения политической направленности не ставилась, однако, в них содержаться некоторые важные начальные факты по политической направленности и приводятся наиболее приемлемые методы исследования ее.

Применяя некоторые такие методы в наших предыдущих исследованиях, посвященных проблеме политической направленности сатирических журналов 1905 г. нами были в частности проанализированы политические взгляды авторов и художников сатирических журналов. Однако мы сочли данный анализ неполным, так как в журнале работали еще и редакторы, и не выяснение их взглядов явилось бы исторически необъективным [4].

Общая тенденция 1905-1917 г. усиления роли авторов и художников как носителей идей того или иного издания, не подрывала, однако, своеобразный диктат редактора. Редактор самостоятельно определял общественно-политическое направление издания, подбирая авторский и художественный материал под определенный формат.

В сатирических журналах сложилось такое же положение. Однако в этом были и свои недостатки: все претензии осмеянного правительства в виде конфискации журнала, если редактор являлся по совместительству еще и издателем (что было не редкостью), лишение свободы, предъявлялись именно редакторам.

Анализируя вышеизложенные данные, которые доказывают главенствующее положение редактора в журнале, в вопросе установления его политического формата, отметим некоторую противоречивую ситуацию. Речь идет об издательстве, а точнее об издателе.

Издательство в лице издателя, по сложившейся схеме занималось вопросами технического и экономического характера. Издатель хоть и входил в число создателей журнала и был карьерно выше редактора, и тем самым мог бы быть принят за главный показатель установления политического формата журнала, был, прежде всего, дельцом и выпускал то, что хорошо продавалось, даже если это противоречило политическому курсу страны и его убеждениям. Редактор же, сохраняя свои идейные позиции, если и работал с издателем, то только в том случае, если его убеждениям, выпускаемый им литературный материал не противоречил; в противном случае редактор сам становился издателем, что было явлением массовым.

Приведенные выше положения доказывают, что редактор являлся основным идейным мерилем журнала и поэтому в нашем исследовании в первую очередь участвуют журналы, по редакторам которых найдена некоторая информация. Помимо этого, существует еще два условия для участия журналов в нашем исследовании: издания, начавшие выходить в 1905 г. и наличие их на момент исследования в СОУНБ. Такая выборка позволит нам сохранить связь с предыдущими исследованиями, что позволит разрешить возникшие спорные вопросы и сде-

лать наши исследования более объективными. Таким образом, из 29 журналов, начавших выходить в 1905 г. [5, с. 42] на период исследования в СОУНБ имеется 20 журналов, и только 9 из них могут быть нами проанализированы, так как по их редакторам обнаружена фактологическая информация.

Согласно используемому в нашем исследовании количественному контент – анализу, мы, принимая за объект исследования сатирические журналы, начавшие выходить в 1905 г., за единицу исследования – их редакторов и используя в качестве основных показателей количественного анализа некоторые факты, указывающие на взгляды редакторов (отзывы современников о данной личности, ее деятельность), выявим политические взгляды редакторов. После чего мы присоединим эти сведения к журналам, которые они редактировали и получим его политический формат.

Опираясь на вновь полученные результаты и сведения предыдущих исследований [6, с. 255], по причине спорности результатов, мы получили 3 социал-демократических журнала, 5 либеральных и 1 журнал смешанной политической направленности.

Библиографический список

1. Доценко Е.В. Авторы сатирических журналов 1905 г. // Сборник XLIII научной конференции студентов СамГУ. Самара: Самарский университет, 2012.

Доценко Е.В. Художники сатирических журналов 1905 г.

2. Жуков В.Ю. Сатирические журналы 1905-1906 гг. (источниковедческий аспект) / В.Ю. Жуков // Русское революционное движение и проблемы развития литературы. Л., 1985.

3. Леонов М.И. Сатирические журналы в фондах СОУНБ // Самарские книжники. №3. Самара, 2010.

4. Доценко Е.В. Художники сатирических журналов 1905 г.

5. Русская книга XX в. в собрании Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: Каталоги. Вып. 2: Русская сатирическая периодика 1905 – 1907 гг.: Сводный каталог / Сост. З.А. Покровская. М.: ГБЛ, 1980.

6. Доценко Е.В. Авторы сатирических журналов 1905 г. // Вестник молодых ученых и специалистов СамГУ. №1. Самара, 2012

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ САМАРЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В начале XX века приходская жизнь была существенной частью общественного развития России. Изучение приходской жизни представляет большой научный интерес, актуализированный современными стремлениями к возрождению национальных традиций и поисками национальной идентичности.

Для раскрытия роли прихода в жизни предреволюционного российского общества в целом немалое значение может иметь исследование приходской жизни такого губернского города, как Самара. В настоящей статье анализируются историографические основы изучения гуманитарных аспектов церковноприходской деятельности в этом крупном провинциальном центре: благотворительность, попечительство, церковные общества, образование и миссионерство.

В историографии темы можно выделить два блока: 1. общероссийский; 2. региональный (краеведческий). Каждый из них подразделяется на три периода: а) конец XIX века – октябрь 1917 года; б) советский; в) современный.

Уже в дооктябрьский период авторы обращают внимание на различные аспекты приходской жизни. История развития приходов, анализ деятельности приходского духовенства, вопросы управления и устройства прихода рассматриваются в общих работах, посвященных истории православной церкви, а также в трудах П.В. Знаменского, С.Г. Рункевич, Л.А Тихомирова.

Серьезный вклад в исследование приходской жизни внес А.А. Папков, разработавший периодизацию развития прихода, установивший взаимосвязь различных направлений деятельности прихода [1].

Анализ трудностей в духовно-учебном деле, необходимость реорганизации церковной школы [2], вопросы истории возникновения и деятельности приходских школ содержатся в трудах С.А. Козубовского, Н.П. Богачева, Т.А. Догуревич, Б.В. Титлинова [1].

Авторы, изучающие приходскую благотворительность и попечительство [3], отмечают возрастающее значение этого направления деятельности. В этом вопросе большое значение имеет работа Е.Д. Максимова.

Статистические данные с точки зрения сравнительно-исторического анализа приведены в работе Е.К. Смирнова, где он указывает по

епархиям число новокрещенных за время деятельности православного миссионерского общества.

Однако дореволюционная историография в полной мере не смогла проанализировать и дать исчерпывающую оценку деятельности православного прихода.

В советский период тема социальной роли прихода в жизни общества практически не затрагивалась светскими учеными, а если и затрагивалась, то только с негативной окраской. Духовенство же рассматривало лишь духовную часть этой многогранной проблемы и взаимоотношения Церкви с государством. Можно отметить труды С.А.Каменева, Ф. Олещука и Е.Ф.Грекулова в области приходского образования [1].

Таким образом, отличие советского периода от досоветского в изучении истории Русской православной церкви будет состоять в том, что преобладающими станут работы с негативной, антицерковной направленностью изложения, в то время как историография начала XX века указывала и положительные, и отрицательные стороны жизни церковного прихода, стремясь этим улучшить его деятельность.

С конца 80-х годов XX столетия изменяется отношение государства к Русской православной церкви. Переломным событием стала дата — 1000-летие Крещения Руси, что нашло отражение в содержании исследований.

Зарубежная историография, получившая доступ к отечественному читателю, являлась отражением господствующей идеологии. В связи с этим следует отметить работы таких ученых как Льюис Д. и канадского профессора Д.В. Поспеловского [4].

После падения советской государственно-политической системы новая власть не смогла предложить консолидирующей общество идеи. Поэтому последнее, во многом эмпирическим путем, стало возвращаться к старой, возможно не идеальной, но проверенной системе жизни и воспитания, основанной на православных традициях. Эти процессы получили свое отражение в региональных исследованиях.

В кандидатской диссертации С.А. Филиппова детально проработана социально — гуманитарная деятельность прихода Русской Православной Церкви в конце XIX — начале XX веков.

Если говорить о степени изученности проблемы приходской жизни в социальной сфере общественного развития, то нужно отметить, что она мало раскрыта и требует всестороннего исследования и обобщения. А также введение все новых и новых источников в научный оборот и их объективная интерпретация без идеологической окраски.

Библиографический список

1. Филиппов С.А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX веков (По материалам Самарской епархии). Дисс. канд. ист. наук. Самара, 2002.
2. Недостаток школьного дела // Самарский Епархиальный Вестник. № 6. 1905.
3. Епархиальный лазарет для больных и раненых воинов // Самарский Епархиальный Вестник. № 7. 1 апреля 1905. С. 263-265.
4. Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.

А.В. Тиманкина

Самарский государственный университет

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.П. ГОЛОВКИНА (1990-е – 2000-е гг.)

Гласный городской думы, купец 2-й гильдии, владелец писчебумажного магазина, фотограф-любитель, издатель открыток, археолог, член Археологического общества, художник, один из создателей художественного кружка и организатор большинства ежегодных выставок, казначей общества велосипедистов, председатель гоночной комиссии, яхтсмен, член Самарского яхт-клуба, страстный автолюбитель, владелец одного из первых в Самаре автомобилей, крупный коллекционер, собиратель монет, складных икон, литых крестов, краевед, музеевед, архивариус – все вышеназванные стороны человеческой деятельности удивительным образом воплотились в личности одного человека – Константина Павловича Головкина, разностороннего и деятельного гражданина Самары.

Большинству самарцев известна знаменитая «дача со слонами» в стиле модерн, хотя в представлении некоторых из них и пребывает несколько мифологизированная ее форма. В газете «Волжская заря», в выпуске 1992 года опубликована статья А. Сохриной, посвященная «даче со слонами». Эта статья интересна с той точки зрения, что она в какой-то степени призывает жителей Самары и властей принять меры по сохранению этого памятника и приступить к реставрации этой когда-то «сказки наяву» – дачного особняка с удивительными скульптурными слонами [1].

Стоит обратить внимание на сборник 1992 года, посвященный 120-летию со дня рождения Константина Павловича, который содержит в себе работы Т. В. Крайновой, В. И. Володина и Л. В. Едидовича, которые различаются по тематике и источниковой базе [2].

Жизнь и деятельность К.П. Головкина нашли отражение и в ряде кандидатских диссертаций. Беляева Е.Ю. в диссертации «Самарская бытокультура рубежа XIX–XX вв.» органично связывает материалы по К.П. Головкину с ситуацией 1990-х годов: «В 1990-е гг. наблюдался небывалый взлет интереса, как научного, так и общественного, к краеведческим темам. Это связано с более общими процессами «обретения корней», восстановления порванных в революционных перетрясках уз родства, соединяющих Россию сегодняшнюю с ее дооктябрьским прошлым. Происходило возрождение не только национального, но и регионального самосознания» [3, с. 4]. К.П. Головкин представлен в этой связи одним из первых краеведов наряду с П.В. Алабиным.

Автор диссертации считает, что первые краеведы, к числу которых она относит и К.П. Головкина, являлись основателями такого направления в исследовании самарской культуры, целью которого стояло формирование образа Самары второй половины XIX века как просвещенного, «американизированного» города, уверенно ставшего на путь европейской цивилизации [3 с. 6].

К.П. Головкин показан одним из важнейших звеньев в цепи первых самарских краеведов, заложивших основы представлений о Самаре второй половины XIX века как о просвещенной, благоустроенной, высоко культурной губернской столице [3, с. 229]. Социальным носителем предпринимательского элемента культуры было крупное купечество, а особенно ценным образованием, сформированным этой средой стал миф о Самаре как о «русском Чикаго» с «американским типом местного общества». Сопутствующими предпринимательству элементами выступали веротерпимость и относительная социо-этнокультурная лояльность самарцев [3, с. 232].

Эти идеи были позднее развиты в диссертационной работе Иватушкиной С.А. «Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918–1928 годы». В ней автор обращает внимание на то, что имя К.П. Головкина неразрывно связано с историей музейного строительства в Самарской губернии в первое послереволюционное десятилетие [4]. На базе документации и культурного наследия показано его стремление превратить Самару из обычного провинциального города в культурную столицу Поволжья.

В контексте изучения роли интеллигенции и краеведов в музейном строительстве и формировании музейного фонда Самарской губернии

в рамках данной работы Константин Павлович предстает перед нами как один из личностей, заложивших основы музейного фонда Самарской губернии. Фундамент же этот был так прочно заложен, что на его базе воспринятые традиции могли развиваться силами последующих поколений музейных работников.

Большую значимость для историков и краеведов, а также для всех, интересующихся биографией Константина Павловича, имеет документальная публикация Л. В. Едидовича «Гражданин Самары Константин Павлович Головкин», в которой представлена документальная летопись его жизни и деятельности [5]. Текст биохроники составлен по тематико-хронологическому принципу, весь текст разбит на тематические главы, каждая из которых посвящена одному из членов семьи Головкиных.

Несомненно, огромный вклад в изучение научной деятельности К.П. Головкина имеет монументальный труд «Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII-нач. XXвв. (краеведческая картотека)», созданный совместно профессорами кафедры российской истории Самарского государственного университета и сотрудниками Государственного архива Самарской области [6]. В этом труде осуществлена публикация рукописного наследия Константина Павловича Головкина, в котором представлен большой комплекс разнообразных материалов по истории дореволюционной Самары, скрупулезно собранных и обработанных им в последние годы жизни (1923–1924 гг.). Публикация представляет интерес не только для краеведов-профессионалов, но и для простых обывателей Самары.

«Самарским Леонардо» XX века предстает перед нами Константин Павлович в биографической энциклопедии «Самарские судьбы» [7]. Принимая во внимание ряд объектов культурного наследия, оставшихся после жизни и деятельности К.П. Головкина, в энциклопедии делается акцент на судьбу этого великого гражданина Самары, ведь послереволюционный период для него был периодом испытаний. Примечательно в рамках данной работы как образно и в то же время точно охарактеризована краеведческая картотека К.П. Головкина профессором СамГУ Кабытовым П.С.: «это есть своеобразная энциклопедия жизни города».

Своеобразную энциклопедию жизни города создал Константин Павлович, но сама жизнь этого человека и есть энциклопедия. В ней собраны практически все стороны жизни, которым может уделить долю самого себя человек творчески одаренный, интеллектуально устойчивый, морально сильный, приверженный к красоте, внутренней и материальной. Изучение деятельности К.П. Головкина сполна способствует повышению регионального самосознания.

Библиографический список

1. Сохрина А. . Слоны приносят счастье // Волжская заря. 1992. 10 сентября.
2. Константин Павлович Головкин: К 120-летию со дня рождения К.П. Головкина (1871-1925 гг.). Самара, 1992.
3. Беляева Е.Ю. Самарская бытокультура рубежа XIX-XX вв. Самара, 1995.
4. Иванушкина С.А. Формирование музейной сети Самарской губернии в 1918-1928 годы. Самара, 2010.
5. Едидович Л.В. Гражданин Самары К.П. Головкин. Самара, 2007.
6. Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – нач. XX вв. (краеведческая картотека). Самара, 2007.
7. Самарские судьбы. Самара, 2011.

Т.А. Заглодина

Российский государственный профессионально-педагогический университет

СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ПРООБРАЗ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В русской истории основы современного социального образования были заложены еще при женщинах-императрицах. Елизавета Петровна в 1755 году подписала Указ об основании Московского университета, а Екатерина Великая девять лет спустя основала первое государственное учебное заведение для девушек — Смольный институт.

Впервые вошедшие под своды Смольного дворца девочки положили начало глубоким, поистине тектоническим изменениям — переходу от традиционного общества к «новой» культуре. Этот переход был невозможен без участия женщин, получивших новое, созвучное времени образование. Девочек — смолянок в форменных платьях кофейного цвета и современных студенток в джинсах и с короткими стрижками, спешащих утром в университет, разделяют двести пятьдесят лет, но самые важные и глубокие изменения в облике женщины в России произошли именно в первые полтора года, прошедшие со времени основания Смольного и других Институтов благородных девиц [3, с.5].

В традиционном обществе женщина воспринималась только в составе семьи. Получение образования в государственном учреждении,

дающее право работать и самой зарабатывать свой хлеб, давало девушке независимость и открывало путь к освобождению личности, возможности развития своей индивидуальности [3, с.6].

Хотя многие утверждают, что воспитание, вдали от родителей, в изоляции от общества искажали представления женщины об истинном ее предназначении, но письма и мемуары воспитанниц говорят об обратном.

Главные принципы, положенные в основу обучения с самого начала существования Смольного института тесно перекликаются с принципами социального образования, они были таковы: гуманитарное образование широкого профиля, выработка в воспитанницах привычки к умственной работе и требовательности к самим себе [3, с.19], *в социальном же образовании важен культурный контекст: нельзя игнорировать предрассудки, способствующие узости мышления и воспроизводству неравенства и дискриминации* [4].

Возвращаясь домой, институтка привносила в жизнь своих близких новые навыки и обыкновения. Выпускницы института благородных девиц были хорошими женами и хозяйками, а так же сильными независимыми женщинами, эрудированными во многих областях знаний. Все «институтки были весьма благосклонно приняты культурной элитой конца XVII – начала XIX века. Литераторы превозносили новый тип русской светской женщины, хотя и усматривали в нем совершенно разные достоинства: классицисты – серьезность и образованность, сентименталисты – естественность и непосредственность» [1, с. 13].

Необходимо отметить еще одно качество, которое воспитывалось в стенах Института. Это – чувство товарищества. У институток вырабатывался «целый комплекс понятий, который гораздо более влиял на характер и нравственность институтки, чем вся мораль начальства», и «товарищество оказывало о многих отношениях хорошее влияние на характер институтки; оно вкладывало в нее понятие о честном и справедливом понятии о равенстве и уважении к чужим правам и общественному мнению» [2, с.40].

Показателен сам факт невероятного обилия воспоминаний, написанных воспитанницами Институтков. С чем это связано? Не только лишь с привычкой к чтению, умственным занятиям, изложению мыслей в письменном виде (причем на разных языках), систематичностью, дисциплинированностью, желанием сохранить свой собственный опыт. Думается, это связано еще и с сильно развитым личностным началом, чему также способствовала вся атмосфера учебного заведения.

В.Н. Ярская – Смирнова выделяет несколько особенностей социального образования, среди которых взаимное конструирование друг

друга его субъектами, обучение вместе. Другая особенность – наличие инструментальности, а не теоретическая перегруженность, не изолированные предметы и дисциплины, а их взаимодействие [4]. Смольный институт целиком и полностью удовлетворял перечисленным требованиям, поэтому его можно назвать образцом, положившим начало развитию социального образования в России.

Институты благородных девиц были значимым явлением в русской жизни. Именно здесь задавался образец, какой должна быть образованная и воспитанная девушка. Институтская модель образования оказалась устойчивой, просуществовав, практически не изменяясь, до 1918 года и послужив моделью для других учебных женских заведений, от епархиальных училищ до гимназий.

Библиографический список

1. Белоусов А. «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге...» // Отечественные записки. №3. 2004. С. 12-18.
2. Бельская А. Очерки институтской жизни былого времени // Заря. 1870. сент. С. 39-48.
3. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М., 2006. 320 с.
4. Ярская-Смирнова В.Н. Миссия социального образования в социальном государстве. [Электронный ресурс] // <http://www.rusrand.ru/Doklad5/Yarskaya.pdf>

А.Н. Шафрановский

Самарский государственный университет

ХУЛИГАНСТВО В САМАРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Цель исследования состоит в изучении городского хулиганства, как одной из форм девиантного поведения городского населения в начале XX века.

Поставленная цель определила **задачи** исследования:

- провести анализ слова «хулиган»
- дать анализ хулиганству в нач. XX века по Самаре;
- исследовать особенности хулиганства на региональном уровне.

Слова «хулиганство», «хулиган» в русском языке появились предположительно на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, причем их происхождение принято связывать с англоязычными странами – Анг-

лией и США. Так, в Англии слово «hooligan» распространилось примерно с 1890 г., «обозначая исключительно дерзких озорников юго-восточной части Лондона и сразу попав в юридическое уложение Prevention of crime Act [1, с.4].

В работах С.И. Ожегова слово «хулиганство» определяется как крайнее бесчинство, поведение, сопряженное с явным неуважением к обществу, к достоинству человека. Между тем, в криминологической литературе утверждалось, что хулиганство является типично русским явлением, и связано с особенностями характера нашего народа и его прошлой историей [2, с.103-104].

Конечно же, российское законодательство предусматривало запрет на различные нарушения общественного порядка и в более ранние периоды, начиная со времен Русской правды [3, с.11], однако собирательный термин «хулиганство» появился в нем только в начале XX века.

Дореволюционное законодательство не предусматривало преступление, которое квалифицировалось как «хулиганство». Определение этого преступления, его состава появилось только в российском уголовном кодексе в 1920-е годы. С. Панин это связывает с тем, что «именно в советской России распространение хулиганства достигло степени национального бедствия, что и нашло отражение в ее законодательстве» [4, с.1].

Подавляющий процент хулиганов составляли рабочие (65-70%), за ними шли служащие (25%), остальные несколько процентов приходились на другие группы населения. Значительную часть хулиганов составляли несовершеннолетние, причем из них большая доля падала на детей рабочих (около 80%), а также воспитанников детдомов и беспризорников [5].

В это время становится типичным для детей восприятие мира, как поле боя. Революции и войны откладывают отпечаток на психику детей, меняя их отношение к себе и людям. Иногда сами игры детей граничили с массовым хулиганством и беспорядками [6, с. 190].

В нач. XX века по мнению городских властей Самары среди причин, вызвавших сильнейшее распространение хулиганства выделялись:

- 1) Формирование территориального разделения сфер влияния, создание отличительной формы одежды, складывание иерархии внутри девиантной группы подростков;
- 2) Слабый контроль миграционных потоков переселенцев;
- 3) Плохая организация культурно-просветительской деятельности;
- 4) Недостаточный контроль населения в центре города, в местах увеселительных заведений

Библиографический список

1. Шапошников В.Н. Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века. М.: Московский лицей, 2000.
2. Краснушкин Е.И. К психологии хулиганства // Хулиганство и поножовщина. М., 1927.
3. Егоров В.С., Кадников Н.Г. Квалификация преступлений против общественного порядка: Учебное пособие. М.: ЮИ МВД России, 2000.
4. Панин С. Хулиганство в советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4.
5. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 340. Л. 72 // Цит. по: Климочкина А.Ю. Повседневная жизнь российского провинциального города 1930-х гг. (на материалах Среднего Поволжья// Платоновские чтения: Материалы XI Всероссийской конференции молодых историков г. Самара, 2-3 декабря 2005. Самара: «Универс-групп», 2005).
6. Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливое детство» // Социальная история. Ежегодник. М.: РОССПЭН, 1997. С. 190.

М.А. Васильченко

Саратовский государственный университет

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СОЛДАТ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В 1918 ГОДУ

Современная российская историография богата рядом значительных научных трудов, посвященных деятельности частей Отдельного Армейского Чехословацкого корпуса в России. Работы исследователей охватывают широкий пласт тем, от реконструкции исторических событий до проблем историографического характера [1]. Однако исследование истории повседневности, применительно к Чехословацкому корпусу остается вне поля зрения ученых. Причина этого, по-нашему мнению, кроется в трудностях перевода и проблемах интерпретации оригинальных источников, которыми являются дневники рядовых солдат и офицеров Чехословацкого корпуса. В зарубежной историографии эта тема только в последние годы стала предметом научного осмысления [2]. Современные российские историки признают, что вооруженное выступление Чехословацкого корпуса было явлением комплексным, в котором сочетались как внешние факторы, так и внутренние. К числу внутренних факторов можно отнести вопрос о бытовых условиях перемещения личного состава Чехословацкого корпуса в период марта-мая 1918 года. Некоторые аспекты повседневности чехословацких легионеров в период преддверия мятежа будут рассмотрены

в настоящей статье. Чехословацкий корпус был сформирован в 1917 году из чехов и словаков проживавших на территории Российской империи и военнопленных, перешедших добровольно на сторону Российской империи [3, л. 28,28об.]. После выхода Российской советской республики из Первой мировой войны в результате подписания Брестского мира, корпус был передан в военное ведение Французской республики, которая приняла решение о переброске частей корпуса морем во Францию через Владивосток для продолжения участия в военных действиях. Согласно договору между Советом Народных Комиссаров и Отделением Чехословацкого национального совета в России от 26 марта 1918 года чехословаки должны были быть перевезены по Транссибирской магистрали до Владивостока не как группа вооруженных людей, а как группа свободных граждан. Личный состав корпуса перевозили в так называемый «теплушках», вагонах впервые применявшихся для перевозки солдат еще в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. Если верить их воспоминаниям, вагоны были оборудованы рядами нар с сеном, устроенными для лежания, но не были оборудованы какими-то либо средствами обогрева и туалета [4, s.51]. Чаще всего число легионеров превышало необходимое число людей. «В вагонах нас столько, сколько может поместиться там! У нас есть печь в середине...» [5, s.64]. Следует отметить, что легионеры были помещены в вагоны в марте, они были промерзлые и не топлены. Часто во многих составах печь отсутствовала, ее приходилось конструировать из подручных средств, чаще всего пренебрегая мерами пожарной безопасности. Из воспоминаний легионера М. Немеца: «Хотя мы играли с огнем, который горел на железной пластине в середине платформы вагона, но с другой стороны были жесткие морозы [6, s.94]. Другой важнейшей проблемой была санитарная проблема, так как теплушки не были оборудованы приспособленными туалетами, в последствии чего, солдаты справлялись путем пробивания отверстий в полу вагона, но пользовались такие туалеты исключительно в период движения составов. По воспоминанию одного из легионеров, на стене их теплушки было мелом написаны правила пользования туалетом: «Использование разрешено только во время езды в поезде, несоблюдение наказывалось изгнанием из теплушки» [7, s.230]. Постепенно, командование корпуса приняло решение о налаживании быта легионеров, к которому они стремились. Как вспоминал легионер А. Земан: «Теплушки, которые с самого начала были голые, пустые и темные, были медленно организованы. Появились столы и скамейки, и железная печь, фонари и лампы всех видов и форм, металлическую миски и огромные чайники» [8, s.129]. Не менее важной проблемой была проблема медицинского обеспечения эшелонов. При каждом эшелоне имелся вагон, чаще все-

го третьего класса использовавшийся под медицинский вагон, который маркировался специальным знаком в виде креста. О качестве медицинского обслуживания воспоминания оставил один из легионеров: «Лазарет не имеет наиболее необходимых лекарств, я серьезно заболел воспалением легких лежу в вагоне на жесткой скамейке, где зимой дуло со всех сторон. Содействия нет!» [9, s.34]. Особое место в проблемах повседневности занимал вопрос снабжения личного состава продуктами питания. Каждый эшелон получал определенное количество денежных средств, однако их часто не хватало. Из воспоминаний Ф. Вондрачика: «Я боюсь всего! Солдаты и офицеры не получали несколько месяцев ни куска хлеба. Мы едим старое и заплесневелое печенье. Меню обещало было для всех: утренний чай, на обед- переваренные консервы, то нежирный соус и запивали чаем снова. Так на обед, возможно, каша перед консервами. Это картина чешской армии после блуждания трех недель по России» [10, s.42]. Нехватка продуктов питания побуждала легионеров производить закупки провианта у местного населения и органов Советской власти на станциях следования. Таким образом, можно сказать, что повседневность Чехословацкого корпуса в преддверии вооруженного выступления была достаточно сурова. Условия перевозки личного состава не были проработаны, не хватало достаточного количества подвижного состава, вагоны не были приспособлены для перевозки на дальние расстояния и не отвечали минимальным санитарным требованиям. Питание солдат было скудным и однообразным. Все вышеперечисленные факторы в совокупности с не равномерным графиком движения эшелонов, частным простаиванием, по несколько суток, на станции, требованием органов советской власти о разоружении на каждой станции следования эшелонов, не регулируемая торговая деятельность с местным населением, рождали психологическую не уверенность солдат Чехословацкого корпуса в завтрашнем дне. В следствии выше упомянутого, снижался уровень лояльности солдат по отношению к окружающей их действительности, что стало дополнительным фактором выступления против большевиков в мае 1918 год.

Библиографический список

1. Недобайло Б.Н. Чехословацкий корпус в России 1914-1920. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М.: РГБ, 2005; Салдугеев Д.В. Чехословацкий корпус и небольшевицкие правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск: РГБ, 2007; Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917-1920): Историография: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2005. и др.

2. D. Věcha Ostrovy v bouYi, eskosloven□tn legionбYi a v□ednost let vбle nэch 1918 – 1920 Historickэ Ёstav, Filozofickб fakulta eskй Budjovice, 2006.
3. См. текст приказа – РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 334. Л. 28,28об.
4. В. Bou ek, Prosmn, aby zбpismnk byl odevzdbн mй □en jako pozostalost, Praha, 1998, s. 51.
5. eskosloven□tn legionбYi, Rodбci a ob anй okresu Prachatice (ed. J. Krej ovб), Prachatice 2000, s. 64
6. M. Nmes, Nбvraty ke svobod, Praha 1994, s. 94.
7. K. Fibich, Povstalci П., Mogila, Praha 1938, s. 230.
8. A. Zeman, Osoboditelй, Praha 1931, s. 129.
9. Запись от 18 марта 1918; F. Vondrб ek, Husitй dvacbtйho stoletn, Dennk ruskйho legionбYe (edd. Kuera, F., Tschorn, R., Wolf, R), Praha 1922, s. 34.
10. Запись в дневнике от 22. Марта 1918; F. Vondrб ek, Husitй, s. 42.

Н.П. Полушина

Самарский государственный университет

ГОРОДСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1920-Х гг.

Первые результаты культурной политики были сформированы в жесткой централизованной системе управления сферой культуры. Первым шагом стало создание 9 ноября 1917 г. Государственной комиссии по просвещению, которую возглавил А.В. Луначарский. Основные функции комиссии были определены «Положением об организации народного образования в Российской Советской Социалистической Республике» [1, с. 144]. С 1918 г. все вопросы образования, науки, искусства были переданы в ведение Наркомата просвещения (НКП). На местах культурную работу проводили отделы народного образования при Советах, часть функций взял на себя Наркомат по делам национальностей. Постоянно шел поиск наиболее оптимального варианта управленческих структур. В 1921 г. НКП был реорганизован, вместо отделов были созданы центры – Организационный, Главсоцвос, Академический, Главпрофобр, Главполитпросвет, Госиздат, Главнаука, Главискусство [2, с.234].

В 20-е годы повышалась роль Советов как организаторов и руководителей хозяйственной и культурной жизни. Рабочий класс в это вре-

мя принимал самое непосредственное участие в деятельности Советов, поддерживая все хозяйственно-политические начинания. Ярким свидетельством такой возросшей активности рабочих стала кампания по перевыборам Советов. Они играли положительную роль в сплочении трудящихся, способствовали улучшению качественного состава советского аппарата [3, с. 327].

Особое значение придавалось совершенствованию работы культпросветучреждений как средству воспитания рабочих масс, повышению их культурного уровня. Пятый Симбирский губернский съезд профсоюзов (16-19 июля 1921 г.) принял специальное решение о культурно-просветительной работе, в котором особо указывалось, что поднятие культуры — первое и необходимое условие победы над хозяйственной разрухой [4].

В 20-е годы складывалась система выдвиженчества. Она была вызвана потребностью в кадрах, нехватку которых нельзя было восполнить за счет старой интеллигенции. Выдвиженчество рабочих с фабрик и заводов являлось одним из основных методов борьбы за переделку государственного аппарата. Оно знаменовало широкую, планомерную и систематическую борьбу за обучение широких слоев рабочих масс приемами и способам управления государством, было направлено на замену бюрократически-чиновничьего элемента. Создание новых кадров из рабочих и крестьян. Выдвижение на хозяйственную работу осуществлялось главным образом профорганизациями. Не случайно XVI-я Самарская губпартконференция (декабря 1925 г.) специально отметила, что подготовка рядовых рабочих, работниц для более сложной и ответственной работы — «это неотъемлемая задача профсоюзов» [5, с.94].

Происходило не просто развитие, а решительное «переоборудование» основ прежних социальных, политических, идеологических структур, в том числе и в искусстве. Революция выдвинула, по крайней мере, две проблемы в искусстве: первая — классовость искусства. Попытка тесно увязать искусство с борьбой классов приводила к искажению его сущности. Особенно остро упрощенное понимание классовости искусства проявилось в деятельности Пролеткульта. Вторая — это проблема классовый политики в искусстве. В решение ее были вовлечены все силы: левые и правые, буржуазия и пролетариат, разрушители и созидатели [6, с. 45]. В годы гражданской войны значительно увеличилось число государственных театров и гастролирующих трупп.

Советское государство в 1918–1920гг. не только выработало законодательную базу по сохранению основных достижений отечественной культуры, но и старалось приобщить к ним народные массы [7, с.23]. Знакомство простого пролетария с культурными вершинами, спустя

время, должно было привести его и к тому, чтобы он смог бы самостоятельно создавать что-то новое, «пролетарское» по содержанию и форме. Задачи «забыть суровые будни» и сохранения исторической памяти шли друг другу навстречу.

Целенаправленная политика центральных и местных органов власти определяла увеличение кадрового состава рабочих за счет привлечения на работу квалифицированных рабочих с большим производственным стажем, демобилизованных рабочих с большим производственным стажем, демобилизованных военнослужащих, а также путем подготовки квалифицированных кадров через систему фабрично-заводского ученичества и другие формы.

Библиографический список

1. Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы Советской власти (1917-1925). М., 1990.
2. Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917-1923 гг. М., 1995.
3. Авербах Л. На путях культурной революции. М., 1929.
4. Коммуна. 1921. 14 декабря.
5. Куйбышевская область / Под ред. А.Е. Павлов, Л.Е. Гольдштейн. Куйбышев, 1967.
6. Белькевич Н.Н. Социально-культурное строительство в РСФСР. М., 1938.
7. См.: Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989.

А.В. Горшенин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ТЫЛОВОМ ГОРОДЕ В 1941-1945 гг. (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ КУЙБЫШЕВСКОГО ТРАМВАЙНО-ТРОЛЛЕЙБУСНОГО УПРАВЛЕНИЯ)

Великая Отечественная война внесла кардинальные изменения во всю повседневную жизнь страны, в частности работников трамвайно-троллейбусного управления и всего предприятия в целом. Сразу же после начала войны в управлении Куйбышевских городских железных дорог (так до 15 декабря 1942 г. называлось ТТУ) приступили к орга-

низации народного ополчения. После проведенного митинга 8 июля тут же были записаны в народное ополчение 35 человек. В роте были созданы две группы-взвода. Военные занятия проводились три раза в неделю, но расписания не было, вследствие этого занятия были не регулярными [1, л.31].

На предприятии также существовал базовый совет Осоавиахима. Но в первые месяцы войны его работа была признана неудовлетворительной. Кружки оборонной работы (стрелковый, пулеметный, ПВХО, ГСО и др.) не работали, материальная часть (противогазы, винтовки и др.) находилась в неудовлетворительном состоянии [2, л.49] Ситуация улучшилась к декабрю 1942 года, когда были проведены тренировочные учения МПВО [3, л.1].

В годы войны были очень тяжелыми производственные условия, в которых трудились работники предприятия. Помещения депо и трамвайные вагоны, как правило, не отапливались. А трамвай работал с пяти часов утра до часу ночи, а несколько вагонов курсировали и ночью. Работали в две смены, но рабочий день все равно намного превышал довоенные восемь часов. Вдобавок ко всему этому, рабочей одежды практически не выдавалось [4, л. 23].

Не лучше обстояло дело с жилищными условиями работников. Трамвайное хозяйство города Куйбышева имело собственный жилкомбинат на улице Мичурина, включавший квартиры для работников и общежитие [5, с.46]. Также на предприятии имелось общежитие, расположенное на улице Куйбышева, 58. К сожалению, в этом общежитии отсутствовали самые элементарные условия! Не было тумбочек, столиков, стульев, табуретов, умывальников, кружек, бачков для питья, урн для отбросов. Все это неизбежно приводило к захламленности общежития [6, л.7].

В годы войны в стране была введена карточная система, которая не позволяла в достаточной мере обеспечить население продовольствием. Многие предприятия пытались собственными силами обеспечить своих рабочих всем самым необходимым. В связи с этим 15 сентября 1943 г. при Куйбышевском ГТУ был организован отдел рабочего снабжения (ОРС) для обслуживания работников предприятия [7, л.8]. Он включал в себя подсобное хозяйство (площадью 37 гектар), сапожную мастерскую, парикмахерскую, столовую, свинооткормочный пункт, а также было развито рыболовство [7, л.9]. Таким образом, продуктами питания, пусть и с перебоями, но предприятие обеспечивало всех своих работников, а их было около 1 500 человек [8, л.13].

В ходе войны возникали самые различные формы помощи фронту. И, пожалуй, главным из них было создание фонда обороны страны, в

котором участвовали и работники трамвайного хозяйства. Коллектив, включившись в создание фонда обороны страны, отработал выходные дни 29 июня и 3 июля 1941 года, и за работу в указанные дни было перечислено в фонд обороны – 6600 рублей. Коллективы службы зданий и пути приняли решение до полного разгрома врага отчислять однодневный заработок в фонд обороны [9, л.31].

Работники трамвайно-троллейбусного управления присоединились к сбору средств на строительство военной техники. Всего же работники собрали средств на постройку танков и самолетов в 1943 году – 26 964 рублей, а в 1944 году – 26 956 рублей (и облигациями 2 850 руб.) [10, л.49].

Собирая средства на боевую технику, не забывали и о простых солдатах. Регулярно к дню создания РККА, годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и к Первому Мая работники собирали средства на приобретение подарков для фронтовиков. Только за 1941 год собрали на подарки 11 236 рублей, а в 1942 году собрали около 35 000 рублей [11, л.68].

Наряду с сознательностью большинства работников Куйбышевского трампарка, были также и те, кто распространял упаднические настроения. Так, работник охраны Блажков и его коллеги, вели разговоры о том, что фашистские войска 10 июля 1941 года займут Москву. Этот случай разбирался на партсобрании, где было принято решение «об установлении железной дисциплины, проведении активной агитации среди работников, ликвидации среди них мирных настроений, самоуспокоенности и беззаботности» [2, л.46].

Несмотря на бытовые проблемы и военные тяготы, труженики тыла понимали, что эти трудности временные, верили в победу. Подтверждением этого является награждение 466 работников ТТУ медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» [12, л. 3].

Библиографический список

1. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 826.
2. СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 45.
3. ЦГАСО. Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 164.
4. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 191.
5. Тархов С.А. История Самарского городского электрического транспорта. Самара: Волга-Бизнес, 2005.
6. СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 2. Д. 8.
7. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 173.
8. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 151.

9. СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 46.
10. СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 2. Д. 10.
11. СОГАСПИ. Ф. 1753. Оп. 1. Д. 50.
12. ЦГАСО Ф. Р-950 Оп. 1. Д. 201.

Н.В. Орехова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ И РАЗВИТИЕ КИНОСЕТИ В СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В довоенный период Сталинградская киносеть представляла собой специфическую структуру культурных учреждений. В административном отношении с октября 1938 г. в Сталинграде было создано Управление кинофикации при исполкоме Сталинградского Облсовета депутатов трудящихся, в функции которого входило руководство вопросами кинофикации в области. Межрайонные и районные отделы (всего 30), подчинявшиеся областному управлению, руководили работой городских кинотеатров, сельских киноустановок и кинопередвижек. Их деятельность была направлена на развитие киносети, повышение качества кинообслуживания населения, эффективную организацию культурно-массовой работы. Для снабжения киноматериалами и оборудованием государственной киносети была создана областная контора «Снабсбыткино», которая находилась в подчинении областного Управления кинофикации [1, л. 322].

При этом кинотеатры подразделялись на: городские и сельские, на постоянные и летние, на звуковые и немые. Стационарные киноустановки – не только на звуковые и немые, а так же по месту их размещения: в клубах, в санаториях и домах отдыха, учебно-школьные. Также существовали звуковые и немые кинопередвижки [2, с. 325].

Подобная градация киноучреждений не позволила точно определить размер ущерба киносети после освобождения Сталинградской области от немецко-фашистской оккупации. Выяснить точное количество разрушенных, уничтоженных и сожженных учреждений киносети (всех видов), особенно по сельским стационарным киноустановкам и кинопередвижкам не удалось из-за отсутствия обобщающих документальных данных. Если же верить сведениям, «предоставленным начальником Управления кинофикации Паничкиным в марте 1943 г.

Исполкому Сталинградского Облсовета депутатов трудящихся, то сумма ущерба Управлению кинофикации, руководившей всей киносетью города и области, была огромной – 19 млн. 600 тыс. руб. [3, с. 40]».

Но по другим данным, 9 августа 1943 г. Управление кинофикации Сталинградской области информировало секретаря Сталинградского обкома ВКП (б) А.С. Чуюнова о размерах разрушений в киносети города. Он составил 13 млн. руб. А финансовый ущерб киносети города и области, зафиксированный в Акте Областной комиссией в июле 1944 г., составил 11 млн. 175 тыс. руб. Разница в итоговой сумме составила почти 2 млн. руб. Хотя последняя цифра складывалась из количественных показателей как города, так и области [4].

Так же сложности с подсчетом урона, нанесенного киносети Сталинградской области и с существенной разницей в оценке финансовых потерь, а также с разночтениями в документах, по вопросу количества существовавших в довоенный период в городе кинотеатров, объясняются и другими причинами.

Полной инвентаризации разрушенных частично или полностью, расхищенных материальных ценностей, в частности, киносети города и области, в условиях продолжавшейся войны осуществить было невозможно.

Кроме того, в предоставляемых актах, справках, описях имущества и отчетах учитывался или ущерб, нанесенный непосредственно зданиям, или цифры с учетом, кинооборудования, аппаратуры и т. п.

Но, не смотря на сложности с определением точных сумм ущерба, можно сказать, что практически во всех районах города и области все здания и техника, числившаяся за Управлением кинофикации Сталинградской области были уничтожены.

Поэтому областным и городским партийно-государственным органам власти на начальном этапе возрождения культурной жизни (в контексте исследуемого вопроса) пришлось решать одновременно и в сжатые сроки ряд задач по восстановлению киносети: поиск и предоставление помещений для проведения киносеансов, их нецелевое использование, решение кадрового вопроса, материально-техническое оснащение восстанавливаемых кинотеатров; организация культурно-просветительской и досуговой деятельности и др.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе восстановления города власть столкнулась с проблемой кадрового дефицита, ведь в Сталинграде на момент освобождения находилось примерно 32 тысячи человек (7 % довоенного населения), которые остались в живых, избежали немецкого плена и не были эвакуированы из города.

Несмотря на многочисленные проблемы, уже к началу апреля 1943 г. в Сталинграде были открыты «во временно приспособленных по-

мещениях 2 стационарных кинотеатра на 300 и 600 мест, а для обслуживания районов города – 3 звуковые кинопередвижки; в районах области: звуковой кинотеатр – в Нижнем Чире, 2 звуковые кинопередвижки в Калачевском и Тормосиновском районах» [5].

Анализ документов, хранящихся в фонде 6525 (Управление кинофикации Волгоградского облисполкома) государственного архива Волгоградской области, свидетельствуют о том, к 1 января 1944 г. в городе и области во временно приспособленных помещениях работали: 19 городских кинотеатров; 4 летних киноплощадки; 57 районных кинотеатра; 11 звуковых сельских стационаров; 9 звуковых кинопередвижек. Если в августе 1943 г. киносеть Сталинграда и области насчитывала 111 различных киноучреждений, то к 1 января 1944 г. – 125 [6]. Очевидна динамика количественного роста киносети Сталинградской области на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Учитывая, что человеческий ресурс в те годы был основным, было необходимо принять самые активные меры по возвращению эвакуированного населения и организации прибытия на восстановление Сталинграда молодежи из множества союзных республик и областей страны, при этом создать элементарные условия для жизни, работы и досуговой деятельности.

Немаловажным фактором в привлечении кадров являлся вопрос о заработной плате. Учитывая, что она составляла от 115 до 600 руб. в месяц, можно сделать вывод, что государство поощряло деятельность работников киносети и нуждалось в пополнении этой области кадрами.

Несмотря на то, что довоенного уровня развития киносети в регионе достичь не удалось и в 1945 г., кинематограф по-прежнему выполнял поставленные временем задачи через показ фильмов зрителям.

Используя кинопередвижки и киноустановки во временно приспособленных помещениях для организации кинопоказов (так как после вражеских бомбежек не уцелело ни одного здания кинотеатра), кинематограф способствовал ускорению восстановления города и мобилизовал население к работе. На первый план выходили задачи не столько по капитальному строительству разрушенных кинотеатров, сколько по возрождению учреждений киносети (во временно приспособленных помещениях) и их деятельности в условиях нерешенности многочисленных проблем в этой сфере, трудовой мобилизации населения, преодоления влияния вражеской пропаганды периода оккупации, восстановления доверия к советской власти через различные формы культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работы кинематографическими средствами.

Библиографический список

1. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). Ф. 2115. Оп. 1. Д. 181 а.
2. Культурное строительство в Волгоградской области. 1917-1941. Сборник документов и материалов. Т.1. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980.
3. Орешкина Т.Н. Восстановление и развитие учреждений культуры в Сталинградской области: 1943 — начало 1950-х гг. Дисс. канд. ист. наук. Волгоград, 2009.
4. ГАВО. Ф. 6525. Оп. 1. Д. 2. Л. 148; Д. 12. Л. 193 об.
5. ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). Ф. 113. Оп. 14. Д. 128. Л. 9.
6. ГАВО. Ф. 6525. Оп. 1. Д. 2. Л. 148 об.; Д. 12. Л. 110.

И.Н. Макарова

Самарский государственный университет

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖАЩИХ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950-1960 ГГ.

Центральные органы власти в целом давали высокую оценку деятельности местных органов управления образованием. Так, в постановлении Совета Министров СССР от 30 мая 1961 г. «Об улучшении производственного обучения учащихся средних общеобразовательных школ» отмечалось, что советские органы на местах, совнархозы и органы народного образования, выполняя Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР, проделали значительную работу по организации средних общеобразовательных трудовых политехнических школ с производственным обучением; накоплен некоторый опыт профессиональной подготовки учащихся [1, с.80].

Партийное руководство признавало наличие недостатков в процессе улучшения обучения учащихся средних школ, но при этом для их устранения применяло в своих постановлениях в основном крайне обобщенные и обтекаемые формулировки: «Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы и совнархозы принять меры к устранению серьезных недостатков в производственном обучении учащихся средних общеобразовательных школ и наведению надлежащего порядка в этом важном деле» [1, с.215].

Только октябрьский и ноябрьский (1964 г.) Пленумы ЦК КПСС признали неоправданным и ошибочным размежевание сфер деятельности партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов, в результате которого на местах были созданы, в частности, промышленные и сельские областные отделы народного образования. Вследствие этого было ослаблено районное звено управления просвещением, а также совместная творческая деятельность учительских кадров города и села. Были устранены и другие недостатки в сфере просвещения. В те года развернулась широкая дискуссия по вопросу приведения в соответствие содержания образования в средней школе с требованиями социального и научно-технического прогресса [1, с.89].

Инспектора школ выполняли функции не только государственных контролеров за работой учебно-воспитательных учреждений, но и организаторов народного образования. В задачу инспекторских проверок входило определение эффективности и оценка деятельности школы, ее руководителей и педагогического коллектива, изучение передового педагогического опыта, выявление недостатков и установление путей их устранения. Оценка работы школы давалась на основе сравнения достигнутых результатов воспитания, обучения и образования учащихся с поставленными перед школой задачами на современном этапе ее развития.

Несмотря на наличие значительного опыта изучения и анализа работы школ, в оценке результатов труда учителей и учащихся проявлялся формализм. Работа школ и учителей зачастую оценивалась преимущественно, а нередко и исключительно по среднему показателю успеваемости учащихся (выражаемому в процентах) и другим количественным показателям учебной и воспитательной работы (числом проведенных мероприятий и др.) без учета и глубокого анализа уровня воспитанности и обученности школьников, подготовки их к общественной жизни и к трудовой деятельности, эффективности применяемых методов обучения, специфических условий школы.

Отмечалась также слабая кадровая работа райисполкомов, когда последние ограничивались изучением анкетного листка, справками и характеристиками назначаемого работника, не видя его, не беседуя с ним. К педагогической работе допускались лица, не имеющие законченного педагогического образования. Отсюда – текучесть кадров. Если за 1953–1956 гг. облоно вынужден был заменить 10 заведующих районо и гороно по профнепригодности, то за один только 1957 год сменилось по различным причинам 15 заведующих районо. Среди причин увольнения назывались даже пьянство, бытовая распушенность, казнокрадство, безответственность и т.д. [2, с.89].

С другой стороны, кадровый голод в народном образовании был настолько велик, что райисполкомы нередко назначали в школу случайных людей, особенно в сельской местности, а назначив, “забывали” о них, не помогая становлению молодых учителей и руководителей школ. За плохую работу вскоре принимались критиковать, “предупреждать”, а затем и увольнять. Так, Сергиевский райисполком только за 3 месяца 1959 года снял с работы 5 директоров и заведующих районо. В качестве средства улучшения кадровой деятельности предлагалось устранить в работе исполкомов советов различных уровней “голое администрирование”, заменив его кропотливой воспитательной работой [3, л.56-57].

В справках о работе отделов народного образования исполкомов городских Советов депутатов трудящихся, например, за 1961 г. признавалось, что во многих школах успеваемость оставалась на низком уровне, гороно слабо осуществляло контроль за работой учителей, за перестройкой обучения и воспитания учащихся, недостаточно изучало и распространяло опыт работы лучших учителей, мало привлекало общественность к проверке детских садов и детских домов [4, л.36]. Впрочем, признавались не только недостатки в работе исполкомов, но и определенные успехи. В частности отмечался положительный опыт руководства родительскими комитетами.

Особенно жесткой критике подвергались районо со стороны вышестоящего облоно. Например, Куйбышевский областной отдел народного образования обвинил Богатовский районный отдел народного образования в крайне неудовлетворительном руководстве школами и другими детскими учреждениями, “необеспечении выполнения народнохозяйственного плана обучения детей”, отсеив из школ района без уважительных причин 187 чел. за один только 1955/1956 учебный год, “грубом нарушении государственной дисциплины” и т.д. [5, л.71].

Одним из показателей успешной работы гороно и районо для облоно являлось количество проведенных проверок школ. Даже за грубые нарушения и недостатки в работе основными мерами воздействия облоно являлись замечания, выговоры и строгие выговоры. Увольнения, переводы на другую должность или привлечение к административной ответственности практически не применялись. В своих приказах, распоряжениях, указаниях и замечаниях облоно фактически только констатировало нарушения, не предлагая при этом ничего нового для их устранения. Самыми распространенными формулировками в распорядительной документации Куйбышевского облоно были: “объявить выговор”, “обязать обеспечить выполнение всех показателей народнохозяйственного плана”, “приостановить отсев учащихся”, “навести полный порядок”, “разработать конкретные мероприятия”, “принять

меры”, “оказать помощь”. При этом ни каких-либо способов достижения данных целей, ни инструкций по их выполнению не указывалось. В итоге руководители гороно, районо, а далее, соответственно, директора школ оказывались один на один с поставленными, иной раз абсолютно новыми для них, задачами.

Таким образом, можно видеть, что исполнительные органы рассматриваемого периода признавали наличие серьезных недостатков в управлении образованием, но ответственными за них признавали либо директоров самих учебных заведений, либо руководителей предприятий, колхозов, совхозов и заводов, либо местные профсоюзы.

Библиографический список

1. Сборник Постановлений Совета Министров СССР, 1961. №10.
2. Филиппов Ф.Р. Всеобщее среднее образование в СССР. М., 1976.
3. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.2558. Оп.10. Д.284.
4. ЦГАСО. Ф.2558. Оп.10. Д.285.
5. СФ ЦГАСО. Ф.187. Оп. 5. Д.82.

М.В. Комлева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ СЕТИ Г. ВОЛГОГРАДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

Немалая роль в деле политического и культурного просвещения во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. отводилась партией библиотечному делу, развитию библиотечной сети. Библиотеки являлись широко распространенным типом учреждений культуры, осуществляющим соби́рание книг и других печатных изданий, их специальную обработку, пропаганду и организующим индивидуальную и массовую работу с читателями.

Ко второй половине 1960-х гг. в Волгограде насчитывалось 319 библиотек с книжным фондом 3 млн. книг [1, с. 6], к началу 1970-х гг. их количество выросло до 450 библиотек всех ведомств (в том числе 106 массовых) [2, л. 4], было открыто 40 новых библиотек (21 городских, 16 детских и 3 юношеских) [3, л. 43 – 44]; в первой половине 1980-х гг. – снизилось до 428 [4, л. 143].

В соответствии с Решением исполкома Волгоградского горсовета депутатов трудящихся от 16 мая 1967 года «Об упорядочении и дальнейшем развитии сети массовых библиотек» в районах города была введена практика разделения на микрорайоны, что должно было способствовать созданию более высокого уровня координации действий между библиотеками и их развитию. Так, например, на основании Решения исполкома Советского района [5, л. 42] в районе было образовано 7 микрорайонов, что создало более оптимальные условия для пользования библиотеками. Государственных библиотек в районе было 4: №3 им. Тургенева, являвшаяся опорной библиотекой; городская библиотека №9, Детская библиотека №3, Детская библиотека №10 [5, л. 48]. Следует отметить, что библиотечная сеть была размещена крайне неравномерно, в ряде микрорайонов полностью отсутствовали массовые библиотеки.

Существовали определенные трудности в материально-техническом обеспечении библиотечной сети города. Ряд открытых библиотек был размещен в маленьких комнатах (городские библиотеки №13 в Советском районе, □16 в Краснооктябрьском, №20 в Тракторозаводском и др.) Вплоть до середины 1970-х гг. не было сдано помещение для Центральной городской библиотеки, оставался нерешенным вопрос о снабжении библиотек оборудованием. Но, не смотря на эти проблемы, обслуживание населения библиотеками города осуществлялось систематически, росли показатели книговыдачи, 11 библиотек города носили звание «Библиотеки отличной работы» [6, л. 93 – 94].

Во второй половине 1970-х гг. вся работа библиотечной сети строилась в соответствии с решениями XXV съезда КПСС и Постановлением ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», которые определяли содержание библиотечной работы на 1976 – 1980-е гг., провозгласив необходимость выполнения задач повышения качества и эффективности библиотечного дела, укрепления социальной роли библиотечного дела на основе централизации сети библиотек, совершенствования управления библиотечным делом и укрепления материально-технической базы библиотек [7, с. 6 – 7]. В соответствии с поставленными задачами все библиотеки г. Волгограда с 1 августа 1977 г. были объединены в единую централизованную систему. Согласно Положению «О централизации государственных массовых библиотек», утвержденному Министерством культуры СССР 3 февраля 1975 г., централизация предусматривала объединение ранее самостоятельных городских и юношеских библиотек в единую библиотечную систему с общим книжным фондом, штатом и руководством, скоординирован-

ным комплектованием и обработкой литературы на базе Центральной городской библиотеки. По структуре, в основном, были сохранены все библиотеки в виде филиалов центральной системы.

С 1 августа 1977 г. в централизованную систему городских библиотек было объединено на правах филиалов 28 городских и 2 юношеских библиотеки. В условиях централизации количество читателей за первые 2 года увеличилось на 24 тыс., книговыдача возросла на 956 тыс. экземпляров [8, л. 172]. За 1981 – 1985 гг. укрепилась материальная база библиотечной системы, 10 библиотек города получили новые помещения. В итоге на 1 января 1986 года в ведении городского отдела культуры находились 2 Централизованные библиотечные системы, объединяющие 54 библиотеки по обслуживанию детского и взрослого населения [9, л. 1].

Таким образом, во вторую половину 1960-х – первую половину 1980-х гг., традиционно характеризующимся застойными тенденциями во всех сферах жизни, развитие библиотечной сети г. Волгограда им не соответствовало: оно шло не только по пути увеличения количества библиотек, читателей, показателей книговыдачи, но и укрепления материально-технической базы, предоставления новых помещений для библиотек. Процессы централизации позволили выработать единую систему организации библиотечного дела в городе, отвечающую требованиям партийного руководства.

Библиографический список

1. Путеводитель по Волгограду. Волгоград, 1966.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 277.
3. ГАВО. Р-6019. Оп. 2. Д. 269.
4. ГАВО. Р-71. Оп. 4. Ч.1. Д. 1472.
5. ГАВО. Р-71. Оп. 4. Ч.1. Д. 523.
6. ГАВО. Р-71. Оп. 4. Ч.1. Д. 636.
7. Основные направления развития библиотечного дела в Волгоградской области на 1976 – 1980 гг. Волгоград, 1977.
8. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 4. Ч. 1. Д. 1207.
9. ГАВО. Ф. Р-6019. Оп. 2. Д. 623.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫХ ОБРАЗОВ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

С точки зрения семиотического подхода к пониманию культуры символы так же реальны для человека, как физическая или биологическая реальность. По их мнению, эта реальность и есть культура. «Функционирование и развитие человеческого общества, в конечном счете, есть не что иное, как удовлетворение потребностей. Символы и создаются с целью помочь человеку понимать окружающее и удовлетворять свои потребности» [1, с.1]. Так, например, еще в древние время люди стремились передать свои моменты жизни. Это можно наблюдать на наскальных рисунках наших предков. Например, в первобытных рисунках северных народностей нашей страны мы видим бегущего оленя, изображенного с большим количеством ног, как бы показывающих стремительность его бега. Такие же рисунки можно наблюдать и у народов Северной и Южной Америки и многих других стран. А в таких странах, как древний Египет и древняя Греция, мы можем наблюдать интересные рисунки с передачей движения на скульптурных рельефах, в росписях гробниц и храмов фараонов, в рисунках, украшающих вазы, различных фресках. Человек наблюдал жизнь, видел движение в жизни и старался воспроизвести, запечатлеть это движение в своих рисунках доступными ему средствами.

Поэтому особое внимание ученых привлекают именно методы семиотических исследований, которые в свою очередь, основаны на изучении знаков, символов, концептов и др. Через знаковое пространство культура моделирует сознание человека и представление его о мире.

По возможностям в создании зрительных образов с анимацией не может сравниться никакое другое искусство. В настоящее время профессионалы предпочитают термину «мультипликация» термин «анимация». Анимация от фр. animation – оживление или одушевление, anima – душа. «Мультипликация» в переводе с латинского означает – умножение, это съемка отдельных, последовательно расположенных рисунков с постепенно меняющейся зарисовкой движения фигур. В результате при показе на экране рисованные персонажи как бы оживают. Но мультфильмы могут быть не только рисованными, а также кукольными, пластилиновыми, сделанными с помощью компьютерной техники и др. Так, например, первый в истории мультипликации

кукольный мультфильм «Прекрасная Люконида, или Война усачей с рогаками», снятый в 1912 году русским мультипликатором Владиславом Старевичем, произвел на зрителей ошеломляющий эффект. Великий мультипликатор был воспринят как талантливый дрессировщик жуков, поскольку зрители полностью поверили в то, что на экране настоящие жуки, а не жуки-куклы.

Отечественные мультфильмы являются маленькими притчами, за коротенькой историей которых раскрывается глубокий духовный смысл. В таких мультипликационных фильмах присутствуют разнообразные образы. Ребенок почти всю информацию воспринимает в виде образов, из которых потом строится его модель мира.

Одним из важнейших мировоззренческих аспектов является представление о мире, который окружает человека, о его происхождении, структуре и движущих силах, формирующих события. У славян представления о мире отражались в наивных мифах о богах, связанных непосредственно с природой. Общую картину пантеона славян мы вряд и сейчас можем себе представить, легенды, мифы потеряны, забыты. Остались лишь несколько имен древних славянских богов. Русские сказки донесли до нас поэтическую прелесть этих древних представлений наших предков, они и ныне окрашивают поэзией наше детство: лешие, домовые, русалки, водяные, Баба-яга, чудо-юдо, Кашей Бессмертный. Многие нравственные принципы представляли воображению древнего человека в персонифицированном виде: Горе-злосчастие, Правда, Кривда. Даже смерть выступала в виде скелета в саване и с косою в руке. И как раз с этих основ берет свое начало мультипликация.

Мы живем в мире, где мультипликация занимает не последнее место в современной жизни. Искусство мультипликации располагает неисчерпаемым источником изобразительных средств для экранизации любой художественной концепции: фантастики, трансформации, гиперболы, метафоры и аллегии, заложенных в классической и современной сказках, баснях, в произведениях народного творчества [2, с. 2].

Библиографический список

1. Буровский А.М. Что такое культурология? // Культурологический журнал (электронное периодическое рецензируемое научное издание) №3. 2011.
2. Сценарий мультипликационного фильма и его особенности // Книга искусство мультипликации 2D Аниматор. 2007.

ЭВОЛЮЦИЯ ОСВЕЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1945-1993 гг.

В Советском Союзе периодические издания играли большую роль в формировании общественного сознания. Согласно определению Большой Советской энциклопедии периодические издания – совокупность печатных изданий, вышедших или выпускаемых в определенные промежутки времени (отсюда синоним — повременная печать); одно из основных средств массовой информации и пропаганды [1]. Отметим, что в Современной России наметилась тенденция утраты интереса к местной печати указанного периода. Во многом это можно объяснить пресыщенностью советской тематикой, которая появилась вследствие многолетнего обсуждения вопросов деятельности коммунистической партии, усталостью от долговременного культивирования советской власти, которая впоследствии сменилась коротким периодом активной критики всего советского строя и развенчивания имевшихся культов. Однако нам кажется неверным, полностью отказываться от применения такого рода источников.

Целью данной статьи является исследование развития проблематики музейной деятельности на страницах ведущих изданий периодической печати указанного периода. В целом к ним относятся: газеты, журналы, периодические сборники и бюллетени.

В данной статье изучены и проанализированы статьи в периодических изданиях 1945-1993 гг. в Куйбышевской области. Всего было рассмотрено 23 издания, из них просмотрено 163 статьи, для анализа музейной проблематики отобрано 43 статьи. Так был найден целый комплекс статей 1989-1993гг. освещающий конфликт передачи здания Самарского филиала им. В.И. Ленина Куйбышевскому областному музею краеведения. Видно, что этот эпизод вызвал широкий резонанс в обществе того периода. На страницах печати выходили статьи с абсолютно противоречивыми мнениями относительно передачи здания. В частности мы можем говорить, что это были противоречия идеологического и экономического характера. В целом весь комплекс статей в периодической печати указанного периода можно разделить на 3 группы:

1. Статьи, подготовленные к Юбилеям и праздничным датам (День Музеев, 100 лет Областному Музею Краеведения); 2. Статьи и заметки

об основной деятельности музеев (открытие выставки, специфические виды работ, пополнение фондов, обновление экспозиции); 3. Статьи, рассказывающие о проблемах музеев (причины застоя, нехватки средств, передача здания и др.).

К первой группе отнесем: статью Амбросимова Н., посвященную Международному дню музеев. В материале рассказывается о выставке, открытой к этому Дню в Областном музее краеведения и истории музея. [2, с.4] Статью Земского Г. директора Куйбышевского областного музея краеведения, посвященная 100 – летнему Юбилею Областного музея краеведения [3, с.4]. К этой же группе можно отнести интервью Ерофеевой Е. с Анатолием Виноградовым, директором музея краеведения на момент 1991-1993г. [4, с.5] и др.

Из второй группы выделим обширный блок статей на страницах «Волжской коммуны». Так основной деятельности музея были посвящены крупные репортажи и статьи, фоторепортажи. Статья Никифорова А. директора куйбышевского областного музея, рассказывающая о восстановлении после войны краеведческого музея [5, с.6]. Статью к 30-летию смерти Свердлова Я.М. авторство Свердловой К. [6, с.3]. Фоторепортаж Л. Ладыгиной об открытии новой экспозиции, посвященной истории края досоветского периода [7, с.4] и др.

К статьям 3-й группы, освещающим существующие проблемы музея. Здесь целесообразней указать названия статей, во многом говорящих сами за себя. Одна из первых статей в хронологическом порядке «Музею нужна помощь» «Волжская коммуна» 1967 г. Другая статья «Почему бедна экспозиция...» 1982 г. в «Волжской заре» проф. Найкшина К., повествует о проблемах в помещениях Куйбышевского краеведческого музея [8, с.4]. Статья Широковой В., заместителя директора краеведческого музея по научной части с красноречивым названием «Сколько проблем у музея?» 1991г. [9,с.2] и т.д.

В целом надо отметить, что на страницах периодической печати, достаточно активно освещалась деятельность музеев. Однако, в основном это заметки о 2-х музеях: Художественном музее и Куйбышевском областном краеведческом музее. Скуден статейный материал о музеях им. М.В. Фрунзе, деятельности музея А.Н. Толстого и др. На взгляд автора статьи, в периодической печати прослеживается парадоксальность советского, а потом и российского музея, выражающаяся в пересечении вопросов «возвышенной культурной цели» и экономической несостоятельности. Так на страницах периодической печати прослеживается эволюция открытости печати в освещении музейных проблем, которая к середине 1980-х гг. выражается в обширном комплексе, буквально призывающих общественность к действию. На страни-

цах периодической печати, в статьях музейных сотрудников встает вопрос о невозможности нормального существования музеев. Так выражается комплексное реформирование экономической и политической системы Советского Союза 1985-1993 гг. в музеях. До 1980-х годов прослеживается желаемый образ музея как инструмента идеологического и патриотического воспитания, изредка поднимаются вопросы о проблемах музеев. Отметим, положительный момент на протяжении всего периода, заключающийся в разумной критике музейной деятельности и рекомендациях по ее развитию.

Библиографический список

1. Большая Советская Энциклопедия // <http://bse.sci-lib.com/> (дата обращения: 01.11.2012).
2. Амбросимова Н. Обращенный в будущее // Волжская заря. 1985. 8 мая.
3. Земсков Г. Хранители вечности // Волжская заря. 1986. 13 ноября.
4. Ерофеева Е. Музей и его директор // Волжская коммуна. 1992. №24.
5. Никифоров А. В Куйбышеве должен быть музей краеведения // Культура и жизнь. 1948. 21 августа.
6. Свердлова К. Яков Михайлович Свердлов, Выставка революции в Куйбышевском музее // Волжская коммуна. 1949. 16 марта.
7. Ладыгина Л. Путешествие в прошлое // Волжская коммуна. 1989. 13 июля.
8. Наякшина К. Почему бедна экспозиция... // Волжская заря. 1982. 18 марта. С.4.
9. Широкова В. Сколько проблем у музея? // Волжской коммуне. 1991. 18 мая.

СЕКЦИЯ V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е.Н. Дроботов

Тольяттинский государственный университет

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

«Цветные революции», как относительно бескровные или сопровождающиеся длительными гражданскими войнами события, сегодня остаются актуальными для всего мира. Революции, произошедшие в Египте, Тунисе, Ливии, Сирии, получили международный резонанс, обозначили основные оси противостояния мировых держав, по большому счету обнаружили параметры современного миропорядка. Изучение феномена «цветных революций» позволяет выявить логику развития современных международных отношений, выработать механизмы противодействия конфликтам, порождаемым «цветными революциями». Актуальна данная тема и для России. «Цветные революции» в Грузии и Украине произошли в непосредственной близости – в бывших советских республиках. Понимание этих процессов и анализ действий российской дипломатии необходимы для выработки эффективной внешнеполитической стратегии РФ на постсоветском пространстве и укрепления международного авторитета.

Цель нашего исследования – на примере событий в Грузии и Украине рассмотреть «цветные революции», как явление современной системы международных отношений.

В качестве источников нами был привлечен комплекс источников: законодательные акты и делопроизводственная документация (документы органов государственной власти РФ, Грузии, Украины, официальные заявления руководства США и стран ЕС), материалы СМИ (Российская газета, New York Times и др.), статистические материалы (данные ЦИК Украины и Грузии)

Современная система международных отношений сложилась после распада СССР, ОВД, ее основными чертами явились: Отсутствие ба-

ланса сил на международной арене после крушения СССР, усиление влияние США на мировые процессы, усиление роли НАТО в регулировании конфликтов, возросшее значение информационных технологий, постепенное падение роли ООН, ОБСЕ.

«Цветные революции» – бескровные смены режимов, сопровождающиеся той или иной яркой символикой, отразившейся на их названии и массовыми народными выступлениями. Как явление они стали возможны в условиях современной системы международных отношений, появившейся после распада СССР и ОВД, при сохранении НАТО, что резко нарушило баланс сил, что проявилось в ходе балканского кризиса 1990 – х гг., а также интервенции НАТО в Афганистан в 2001 г. и Ирак в 2003 г.

Причинами «Революции роз» и «Оранжевой революции» в Грузии и Украине являлись: наличие сепаратистских регионов, высокий уровень коррупции, низкий уровень жизни населения [1]. После победы проправительственного блока «За новую Грузию» на выборах в парламент в ноябре 2003 г. в Тбилиси при участии оппозиции начались митинги протеста, которые заставили действующего президента уйти в отставку. На досрочных президентских выборах победил кандидат от оппозиции М. Саакашвили.

В случае с Украиной, победа во втором туре кандидата В. Януковича вызвала протестные движения по всей Украине, что заставило Верховный суд объявить о третьем туре голосования, победу в котором одержал оппозиционный кандидат В. Ющенко.

«Цветные революции» мало что изменили в Украине и Грузии: миграционный отток населения продолжается, остаются проблемы с безработицей и экономическим развитием, ухудшается демографическая ситуация. Таким образом, на постсоветском пространстве, при активном посредничестве Запада были развернуты прозападные режимы, провозгласившие своей целью членство в НАТО и ЕС.

Реакция мирового сообщества была различной. США и часть европейских государств (Англия, Франция, Германия) поддержали произошедшие события [2]. Блок НАТО сразу же заявил о будущем членстве Украины и Грузии в Альянсе [3]. Иная реакция была у Евросоюза, заявившего о нейтралитете к этим событиям, а затем и том, что их членство в ЕС находится под вопросом [4]. Российское руководство в этих событиях не смогло повлиять на ход выборов, допустив ряд дипломатических ошибок[5].

Таким образом, «Цветные революции» – это явление современной системы международных отношений. Реакция мирового сообщества позволяет увидеть начавшуюся ее трансформацию, связанную с появ-

лением новых центров силы (Евросоюз). Свою внешнюю политику откорректировало и российское руководство. Эти процессы свидетельствуют об изменении современной системы международных отношений, в частности о начавшейся смене ее однополярности.

Библиографический список

1. «Оранжевая революция. Украинская версия» // А. Литвиненко [и др.]. М., «ЕвроВосток», 2005
2. Джордж Буш: революции в Грузии и на Украине – «это только начало // URL:<http://gia.ru/politics/20050527/40430342.html> (Дата обращения 18.10.2012)
3. Генсек НАТО является «реалистом и оптимистом» в вопросе вступления Грузии в Альянс // REGNUM[сайт]. <http://регнум.рф/news/354728.html>(18.02.2005)
4. Украину не пустят в Евросоюз // LENTA.RU [сайт]. <http://lenta.ru/world/2004/12/22/member/>(22.12.2004)
5. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко. [Электронный ресурс]// <http://www.kara-murza.ru/books/export> (09.11.2011);

Н.Н. Девизорова

Самарский государственный университет

ЗАКРЫТО ЛИ КИТАЙСКОЕ ОБЩЕСТВО?

В настоящее время, когда международные организации все активнее развивают политику мирного решения конфликтов, (так как последние зачастую представляют собой борьбу за власть в первую очередь военными, насильственными средствами), все значимее становятся экономические методы. И от их эффективности зависит статус и влияние государства. На этом фоне нельзя не заметить растущую роль Китайской Народной Республики.

Однако нет государства, которое в определенную эпоху, не было зависимо от другого. И в таком положении Китайская империя оказалась во второй половине XIX века. После двух Опиумных войн (1839/40-1842 гг., 1856-1860 гг.), а также после неудачной войны с Японией Китай оказался разделенным на территории влияния иностранных государств. Соответственно политика империи, как внутренняя, так и внешняя, вынуждены были соотноситься с политикой и планами западных государств [3, с.357].

Это не могло не оставить след в истории развития государства. В данной работе мы попытаемся выяснить является ли китайское общество закрытым на данный момент. Этот вопрос актуален, поскольку общество играет огромную роль в развитии государства. И, возможно, узнав характеристику социальной сферы Китая, можно будет вывести один из критериев успешности страны.

Для начала разграничим понятия открытое и закрытое общество, пользуясь определениями К. Поппера. **Закрытое общество** – тип общества, характеризующийся статичной социальной структурой, ограниченной мобильностью, неспособностью к инновациям, традиционализмом, догматичной авторитарной идеологией (большинство членов общества охотно принимают те ценности, которые им предназначены, обычно это тоталитарное общество).

Если проанализировать демографическую статистику за начало 21 века, то можно отметить, что процентное соотношение других народностей, проживающих на территории Китая достаточно незначительно – 123,33 млн. человек, что составляет 9,44% от общего числа населения страны. Более того этим группам предоставляется значительная свобода в самоуправлении [4]. Но, с другой стороны, эти этнические группы проживали на территории государства и до этого времени, значит, эти элементы социальных структур остаются неизменными.

Также необходимо рассмотреть мобильность китайского общества. В данной стране нельзя иметь двойное гражданство, а вот получить китайское иностранцу достаточно сложно. Так, если вы не имеете родственников – граждан Китая, то у вас есть еще несколько объективных причин.

1) Если вы иностранец, долгое время проживающий на территории страны и выполняющий основные законы государства.

2) Если вы внесли значительный вклад в развитие Китайской Народной Республики. К примеру, внесли пожертвование на развитие страны [3].

Однако на практике лишь небольшое количество заявлений принимают. То есть горизонтальная социальная мобильность в Китае достаточно ограничена, но не столько документально, сколько неофициальными принципами.

Далее рассмотрим конституцию КНР, чтобы определить могут ли граждане Китая выбирать по своему усмотрению мировоззрение, ценности и реализовывать их. Так, к примеру, в основных правах и обязанностях китайских граждан прописаны следующие свободы: свобода слова, печати, собраний, союзов, уличных шествий, демонстраций и вероисповедания.

Но с другой стороны, Конституцией «запрещается любым организациям или частным лицам подрывать социалистический строй» [5].

Следующая характеристика, которую нужно изучить, – способность к инновациям. Несомненно, Китай перенял опыт прошлых ошибок, когда из-за неспособности к модернизации страна оказалась в политическом кризисе. И, действительно, нельзя не согласиться с тем фактом, что, хотя бы в некоторых сферах, КНР активно внедряет и применяет инновации. Например, это активно наблюдается в экономике.

Суммируя все выше сказанное, можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне закрытым китайское общество назвать нельзя, по крайней мере, в некоторых вопросах. Однако помимо правовой основы есть еще неофициальные нормы и принципы, которые сохраняют некоторые структуры и процессы государства в неизменном виде. Кроме того, даже некоторые пункты конституции противоречат характеристикам открытого общества. И такой признак, как способность к инновациям, реализуется в государстве лишь в некоторых сферах. Что касается формирования мировоззрения и ценностей народа, то, с одной стороны, для этого существуют права и свободы, а, с другой, есть такие факторы, как образование и цензура интернета, которые не могут не оказывать своего влияния.

Подводя итог, хочется отметить, что Китаю присущи признаки обоих типов общества. Возможно, это связано с тем, что необходима выработка новых понятий и характеристик, актуальных в современных условиях. Однако на данном этапе исследования было найдено все же больше элементов, характерных для закрытого общества.

Но несомненным остается то, что на протяжении периода с конца XIX века Китай смог найти такое соотношение взаимозависимостей с другими государствами, а также разработать такую политику, которые приносят больше выгоду КНР, нежели другим государствам.

Библиографический список

1. Васильев Л.С. История Китая. М., 1998.
2. Закон КНР о гражданстве // <http://www.asia-business.ru/law/law2/foreigner/nationality/>
3. Конституция КНР// http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch1
4. Меликсетов А. В. История Китая. М.,2002.
5. Современный национальный состав КНР// <http://old.dvfu.ru/struct/institute/orient/>
6. Экономическое развитие Китая в XIX веке// http://www.zdos.ru/nauka/view_art.php?id=215&cat=istoriya

ОГРАНИЧЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА: ПАРАДОКС ИЛИ МИРОВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ?

В последние десятилетия внимание широкого круга экспертов приковано к проблематике государственного суверенитета. Различные авторы пытаются обосновать необходимость ограничения суверенитета государств, в научный оборот вводятся концепции «исчезающего», «мягкого» «многослойного» и тому подобного суверенитета. Исходя из мнений экспертов, понятие «классического» суверенитета устаревает, и оказывается совершенно ненужным в мировой политике. Но вспоминается мнение Э. Карра, которое было высказано более полувека назад: «Неуместность государственного суверенитета – идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего собственного преобладающего положения» [1, с.18].

Принцип невмешательства во внутренние дела государств на протяжении XIX–XX веков выступал основополагающим принципом в международных отношениях. В конце XX – начале XXI веков стремительно развивается процесс глобализации. В мировой политике существенно изменяются правила игры [2, с. 213]. На изменение национального суверенитета влияет ряд факторов: увеличение объема разного рода контактов, региональное сближение, объединение в международные организации, рост числа демократических режимов в мире. У государств возникает необходимость совместно решать вопросы и урегулировать споры, как следствие, государства попадают в большую зависимость от других государств или международных организаций [3, с. 124]. На практике суверенные права и полномочия как государств, так и наций, всегда сильно ограничивались разными факторами.

Основным фактором, который влияет на процесс ограничения суверенитета, является фактор добровольности в сокращении объема полномочий ради собственных выгод [4]. На протяжении истории международных отношений можно найти много примеров (cases) добровольной передачи полномочий от государства международной организации. Взять хотя бы Священный союз и его интервенции в революционные страны в первой половине XIX в. или Таможенный союз германских государств первой половины XIX в. Процессы передачи полномочий развивались на протяжении истории, а в настоящее время достигли своей кульминационной точки. Суверенитет государства ог-

раничивается во многих областях международной политики: право устанавливать пошлины и налоги, использовать смертную казнь, печатать деньги, провозглашать те или иные политические свободы или ограничения. Не так давно европейцы отказались от собственных валют в пользу единой валюты – евро. Даже право войны и мира теперь находится под международным контролем. Объем внутреннего суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, в том числе в вопросах прав человека и еще больше – фактически в связи с уже сложившимися моделями и традициями поведения государств.

Тенденция государств к делегированию своих полномочий международным организациям связана с появлением наднациональных институтов. Выступления и статьи Бутроса-Гали и Кофи Аннана затрагивают вопросы национального суверенитета, и сводятся к тому, что в настоящее время пропадает деление между государственным, народным и национальным суверенитетом, государства постепенно уступают место основному суверена все более крупным наднациональным образованиям и структурам. Таким наднациональным образованием служит, например, Европейский Союз. Еврокомиссия участвует в регулировании европейской жизни. Более 80% законов издается в Брюсселе, наднациональное право ЕС сегодня имеет приоритет над национальным правом стран-членов. Например, заключая с Россией соглашение о модернизации системы компенсационных выплат за транссибирские перелеты, КЕС получает часть суверенитета России в области транспорта [5]. Ограничение суверенитета происходит и в других областях международной политики.

Как уже говорилось, процессы отдачи части государственного суверенитета встречались в истории международных отношений и раньше, но в настоящее время эти процессы охватили весь мир. Важную роль в развитии процесса отдачи части полномочий играет появление все большего числа международных организаций с большим количеством стран-участников, также вырастает постоянство и плотность контактов между странами. По сравнению с прошлым суверенитет самостоятельных и свободных стран стал намного меньше. Внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальным правом и обычаями, сужаются. И важным остается то, что многие государства отдают часть суверенных функций действительно добровольно, т.к. такое ограничение становится выгодным, поскольку взамен страны надеются получить реальные преимущества.

Библиографический список

1. Carr E. The Twenty Years' Crisis 1919-1939. An introduction to the Study of International Relations. L., 1939.
2. Thomson, J. E. State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research // International Studies Quarterly. – 1995. – № 39(2)
3. Held, D. and McGrew, A. Political Power and Civil Society: A Reconfiguration? // The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate – Cambridge, 2003.
4. Grinin, L. Globalization and the Transformation of National Sovereignty // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment. Goodyear, 2007.
5. Кризис среднего возраста ЕС//<http://www.myhomebulgaria.com/se/novosti/index.php?action=show&nid=104>

Н.С. Сергеева

Самарский государственный университет

ФРГ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

Период перестройки, начавшийся в начале 70-х годов между двумя политическими блоками, имел важнейшее значение для развития международных отношений последующих десятилетий. Однако, это был нелегкий шаг для обеих сторон, хотя каждая страна, задействованная в противостоянии между капиталистическим и социалистическим блоками, ясно ощущала потребность в данном шаге. В своей работе я обращаюсь к одному из европейских государств, которое образовалось в ходе раздела побежденной нации государствами- победителями, а именно- о ФРГ. Данный выбор обусловлен тем, какую роль это государство сыграло в формировании новой межгосударственной атмосфере, а именно, интересы этого государства. Таким образом, в своей работе я постараюсь раскрыть суть внешней политики ФРГ в 1960-х, 1970-х годах и доказать, что цели и интересы этого государства предопределили дальнейшее общеевропейское и общемировое признание необходимости разрядки между блоками и нацеленность на международный диалог.

Основу моей работы составляло наличие двух различных подходов германского правительства к формированию собственной внешней политики. Так, после своего возникновения и получения определенной степени независимости от стран-оккупантов в 1953 году, власть в

Германии принадлежала канцлеру Конраду Аденауеру, человеку, во многом предопределившему возрождение Западной Германии. На период его пребывания на посту канцлера пришлось германское экономическое чудо, включение ФРГ в ход европейской интеграции, ей же инициированной, и становление западногерманского государства как равного среди наиболее развитых европейских государств. Таким образом Германия осуществила свои главные интересы в первых десятилетиях своего существования- восстановление политического статуса и экономическое возрождение. В своем отношении к Восточным социалистическим странам, однако, ФРГ придерживалось общезападной концепции противостояния и конфронтации, что вылилось в формировании так называемой «доктрине Хальтештейна». Она заключалась в разрыве всех дипломатических отношений с государствами, признававшими и имевших дипломатические связи с ГДР, что коснулось Югославии и Кубы. В контексте общемирового признания необходимости проведения более мягкой политики по отношению к социалистическим странам, западногерманское общество было недовольно проводимой Аденауером политикой, считая ее громоздкой и неповоротливой.

Ситуация изменилась в 1969 году с приходом к власти в ФРГ новой политической силы, возглавляемой Вилли Брандтом, который также вошел в историю Германии и всего мира как один из величайших канцлеров. Для начала стоит определить, что именно привело к изменению внешнеполитического курса. Во-первых, помимо мирового статуса и экономической мощи ФРГ имела еще одну ценность, потребность в достижении которой, возможно, определяла всю ее внешнеполитическую деятельность: это воссоединение с Восточной частью некогда целого государства. И сама причина корректировки внешнеполитического курса связана с тем, что мировое капиталистическое сообщество не было заинтересовано в объединении двух Германий. Второй же причиной стало, как уже было сказано, изменение общемировой атмосферы в международных отношениях, которая характеризовалась, с одной стороны, апогеем межидеологической конфронтации, с другой – всеобщей направленности на смену данной ситуации и снятия общемировой напряженности. В- третьих, немаловажным стал приход к власти сил, способных к осуществлению данного вполне смелого шага. Наконец, ФРГ имели некоторые несогласия по итогам Второй мировой войны, что неизбежно затрагивало интересы СССР, поэтому заставляло Западную Германию пойти на сближение с социалистическим блоком.

Методы достижения согласия по вопросу диалога ФРГ с СССР получили название Новой Восточной политики. По сути, эта политика сводилась к нескольким политическим событиям: заключению договоров ФРГ с СССР, Польшей и Чехословакией; признание ФРГ всех границ, установленных после окончания Второй мировой войны; начало экономических отношений с СССР в широких масштабах. Каждый из этих элементов носил основополагающий смысл для перемены общей ситуации, которая характеризовалась жесткой конфронтацией стран Запада со странами социалистического блока. К 1972 году ФРГ заключила договора со всеми странами социалистического блока и наметила сферу экономического взаимодействия между сторонами. Стоит отметить, что принципы соглашения не отменяли возможности мирного объединения двух Германий. В течение следующего года были также подписаны ряд соглашений и проведены консультации между ФРГ и СССР по проблеме Западного Берлина, репараций польскому населению, о скорейшем заключении договора между ФРГ и ГДР, что позволило бы двум странам преодолеть конфронтацию и перейти на новый уровень взаимодействия.

Новая Восточная политика также имела весомое влияние на общую политику разрядки. Это можно увидеть, например, в Четырехстороннем соглашении по Западному Берлину, которое было инициировано ФРГ, хоть и решено не в ее пользу. Однако наибольшее влияние данная политика имела в косвенном плане: подготовив почву для многостороннего диалога и создав благоприятную атмосферу в международной среде, ФРГ, тем самым, буквально подтолкнула мировое сообщество к диалогу с советским блоком, что в последующем выразилось в советско-американских договорах, собрании в Хельсинки, обменом визитами глав государств и т.п.

Как же получилось, что интересы одного государства, которое, более того, потерпело полное военное поражение и экономический крах, стали основополагающими в важнейшем международном процессе, определившем мировую политику на последующие полвека? На наш взгляд, причина кроется в противоречивости международной ситуации, которая имело место быть в данных исторических условиях. Она представляла собой комплекс разноплановых интересов регионов, которые, с одной стороны, заключались в желании противостоять нарастающему влиянию советского блока, а с другой - пойти на политику кооперации для предотвращения глубочайшего международного кризиса. ФРГ же сумела использовать данные обстоятельства для того, чтобы начать проводить собственную политическую линию, основанную на ее насущных потребностях. Оказавшись на границе противо-

борствующих государств, Западная Германия имела все предпосылки для сближения с советским блоком не только из соображения безопасности, но и в интересах стратегических целей, которые не могли быть выполнены без участия СССР. В итоге, рациональное проведение политики одного государства привело к изменению международной атмосферы.

Я.В. Щетинская

Самарский государственный университет

АМЕРИКАНСКОЕ ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО О РАЗВИТИИ АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

«Фабриками мысли» («Think Tanks») принято называть экспертно-аналитические организации, осуществляющие консультирование по государственными и корпоративным контрактам, как правило, в области принятия политических решений и оценки возможных социально-экономических последствий их принятия. Как правило, «фабрики мысли» обладают независимостью, а их продукцию отличает стратегическое целеполагание.

Несомненным лидером по количеству и качеству данных структур на мировом рынке «фабрик мысли» являются США. В США насчитываются несколько сотен аналитических центров, которые занимаются политическими исследованиями. Самыми известными и влиятельными организациями являются: корпорация «РЭНД», Институт Брукингса, фонд «Наследие», Фонд Карнеги за Международный Мир и др. Данные организации имеют гибкую организационную структуру и уже много лет демонстрируют эффективность своей деятельности. При этом они различаются по своей политической ангажированности. Корпорация «РЭНД» позиционирует себя как центристский институт, полностью свободный от какой-либо идеологии, Институт Брукингса принято считать либеральной организацией, в то время, как фонд «Наследие» открыто провозглашает себя консервативной структурой.

«Фабрики мысли» занимаются исследованиями в самых разных областях. Одним из приоритетных направлений является внешняя политика США. Особое место в работе экспертов занимают исследования отношений США и России. В данной работе будут рассмотрены позиции трех влиятельных, но разных по своей направленности организаций: корпорации «РЭНД», Института Брукингса и Фонда «Наследие»

по вопросам эволюции отношений между США и Россией, а также прогнозы развития двусторонних отношений, данные ведущим специалистами данных организаций.

После событий 11 сентября 2001 года наметилась возможность изменений в российско – американских отношениях. Возник общий враг – международный терроризм, появились надежды на создание новой модели российско-американских отношений. Эксперты корпорации «РЭНД» отметили, что после 2001 года наблюдалось множество небезуспешных попыток США и России наладить и расширить взаимоотношения, в том числе, учреждение в 2001 г. совета Россия – НАТО.

Эксперты корпорации «РЭНД» отметили, что между Россией и США остаются неразрешенные вопросы, однако, общая заинтересованность стран в нераспространении оружия массового поражения и противодействии терроризму должна перевешивать все противоречия и служить прочной базой для двустороннего сотрудничества. Старший научный сотрудник центра США и Европы Института Брукинга С. Пайфер отметил, что Московский саммит в мае 2002 года подтвердил, что российско – американские отношения находятся на высоком уровне. Как известно, результатом этого саммита стал договор о сокращении стратегических наступательных вооружений [1].

Тем не менее, к сожалению, обе страны не смогли воспользоваться данным потенциалом. В 2003-2004 гг. наметился заметный спад в российско-американских отношениях, который нашел свой отклик в документах всех трех аналитических центров. Особенно негативные оценки событиям в России в тот период давал аналитический центр консервативной направленности – фонд «Наследие». В 2003-2005 гг. Фонд публиковал статьи и доклады, в которых крайне осуждался как внутриполитический режим России, который не соответствует демократическим ценностям США, так и внешняя политика России [2]. Специалист Фонда А. Коэн также опубликовал подробный комментарий, касающийся дела Ходорковского [3]. Либеральные аналитические центры также негативно, хоть и не столь резко отзывались об изменениях в российском внутри и внешнеполитическом курсах.

в 2009 г. Россия и США объявили о «перезагрузке» отношений, которую эксперты либеральных исследовательских организаций восприняли достаточно позитивно. В 2010 г. Институт Брукинга опубликовал подряд несколько статей о целях и достижениях «перезагрузки». Специалистами были отмечены такие достижения, как подписание нового договора по сокращению вооружений, Россия предоставила возможность транзита военных грузов в Афганистан и содействовала

оказанию давления на Иран в рамках резолюции Совета Безопасности ООН [4]. Примечательно, что параллельно с этим Фонд «Наследие» относился к инициативе «перезагрузки» крайне скептически.

На данный момент, отношения России и США сталкиваются с новыми вызовами. По оценкам экспертов, с приходом к власти В. Путина отношения двух стран могут ухудшиться. По мнению специалиста корпорации «РЭНД» С. Лэрраби отказ Путина от посещения саммита G-8 и общая незаинтересованность президента России в продолжении «перезагрузки» - явное тому подтверждение [5]. Научный сотрудник Института Брукинга Ф.Хилл отмечает, что такие решения администрации Путина, как о прекращении работы Агентства США по Международному Развитию не могут не отразиться на отношениях двух стран [6].

Тем не менее, у США и России до сих пор остаются смежные интересы (например, проблема ядерного Ирана), и необходимость сотрудничать у двух стран по-прежнему остается.

Библиографический список

1. Pifer S. Reversing the Decline: an Agenda for U.S. – Russian Relations in 2009. Brookings Institution, 2009
2. Cohen A., Volk Y. Recent Changes in Russia and Their Impact on U.S. – Russian Relations. Heritage Foundation, 2004 <http://www.heritage.org/research/reports/2004/03/recent-changes-in-russia-and-their-impact-on-us-russian-relations>
3. Cohen A. The Khodorkovsky Verdict: A Setback for U.S.-Russian Relations. Heritage Foundation, 2005
4. America's Reset with Russia: Too Early to Call It a Success // The Brookings Institution, 2010
<http://www.brookings.edu/research/opinions/2010/09/20-us-russia-reset-alessandri>
5. Larrabee S. Cold Winds from Moscow // RAND, 2012 <http://www.rand.org/commentary/2012/05/17/CT.html>
6. Hill F. Russia's Decision to Stop USAID // The Brookings Institution, 2012 <http://www.brookings.edu/research/interviews/2012/09/19-russia-usaid-hill>

**ФЕНОМЕН МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ГЕРМАНИИ
НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В настоящее время возрождение национал-социалистического движения в ряде стран Европы ставит заново задачу адекватных научных исследований и исторической реконструкции сути феномена нацизма. Нацизм как таковой остается общественной проблемой. Однако, исследовательская тема «мифы в общественном сознании» позволяет приоткрыть завесу над эффектом идеологии Третьего рейха, реабилитировать немецкую нацию, а также, — культуру легенд о великих праотцах общей человеческой цивилизации.

Германия между Первой и Второй мировыми войнами представляла собой временный плацдарм «пораженческого» массового сознания. При этом культура и принципы организации немецкого духа соединяли идеализм, романтизм и педантизм. В силу этого, переработанные в идеологическом подходе результаты лингвистических исследований, предуготовленные семиотические формы и перспективные установки интегрировали немецкую нацию в идею фантастического будущего, — перераспределения мира между ариями и их потомками. Этот феномен мифологической организации массового сознания (закрепленный законопроектами и репрессивными мерами) породил реальность Второй мировой войны. И только итоги этой войны, международная кооперация при ведущем вкладе СССР продемонстрировали конечную неэффективность применения мифа в международных отношениях.

Феномен мифологической организации сознания является одним из самых сложных исследовательских объектов, — несмотря на попытки эксперимента с таковым в дисциплинах психологии и психиатрии. Работы Леви-Стросса, Юнга, Малиновского трактуют мифы как этнографический, лингвистический, культурологический феномен. Изучение проявлений и последствий такой организации сознания на материале Германии 30 — 40 годов XX века позволяет сделать следующее предположение: основным недостатком таковой является опора не на научное знание, а на так называемые «фундаментальные допущения». В ряду онтологической организации мышления человечества мифологическая (как элемент антропоморфной) является самой ранней и первой формой. За ней следует опора на религиозную онтологию общественно-исторического сознания; современники строят свое мышле-

ние и действие на сочетание естественнонаучного и (в век машин и механизмов) искусственно-технического подходов.

Теория международных отношений претендует не только на их описание и квалификацию, но также, — на недопущение негативного опыта международных отношений, в особенности, — войн и вооруженных конфликтов, претензий на превосходство одних наций над другими. В какой парадигме международных отношений осталось место мифу? Возможно, его сможет использовать конструктивизм в следующих функциях: а) миф может быть использован как указание на ситуативную специфику субъекта международных отношений, его этнокультурное «одевание»; б) миф может быть применен для урегулирования таких международных ситуаций, в которых жесткая логика противостояния может быть смягчена культурными легендами в структуре переговоров. В любом случае, прецедент мифологической организации общественного сознания в Германии накануне Второй мировой войны создал негласную систему запретов на использование мифов в проектировании массового поведения и действия в современном обществе.

Библиографический список

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Астрель, 2011.
2. Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб.: Владимир Даль, 2002
3. Юнг. К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Port-Royal, 1996.

М.М. Валихметова

Самарский государственный университет

ПРОТИВОРЕЧИЯ В РОССИЙСКО-ЭСТОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Что представляют собой российско-эстонские отношения сегодня? Очевидно, что дать однозначный ответ на этот вопрос очень сложно, так как мы можем наблюдать множество противоречий. Самым ярким признаком таких противоречий могут служить динамично развивающиеся экономические связи, но довольно «прохладные» политические отношения.

С точки зрения политического сотрудничества *отношения между Россией и Эстонией осложняются отсутствием договора о границе, положением русскоязычного населения Эстонии, ориентиром Эстонии на ЕС и НАТО.*

Рассмотрим некоторые примеры. 29 марта 2004 года Эстония становится членом НАТО, 1 мая 2004 – вступает в ЕС. С этого момента Эстония официально превращается в верного союзника и проводника идей ЕС и НАТО. Так, например, Эстония принимала участие в военных операциях НАТО в Ираке, Афганистане. Кроме того, Эстония разделяет позицию США и ЕС по таким вопросам, как признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Все это не может не отражаться на двусторонних отношениях России и Эстонии. Присоединение к ЕС и НАТО можно рассматривать как один из инструментов формирования национальной идентичности Эстонии – таким образом Эстония обозначила политическую границу с Россией и пытается «отгородиться» от нее. Однако курс на европейскую интеграцию и США, боязнь быть воспринятым не как демократическое государство или дать повод для упрека в униженной «пророссийской» ориентации, превращает Эстонию в марионетку ЕС и США.

Эстония старается показать свою независимость и самостоятельность не только на международной арене. Во внутренней политике также можно обнаружить символические действия, направленные на то, чтобы подчеркнуть границу между Эстонией как европейским и демократическим государством и Россией. Например, заявления президента Ильвеса о русском языке:

«А почему он должен быть? К примеру, мы оккупируем вашу страну, а через 50 лет мы говорим, что вы должны сделать эстонский язык государственным. Оккупационная власть захватывает страну, депортирует сотни тысяч человек в Сибирь и присылает сюда своих. И теперь, когда мы наконец-то обрели независимость, должен ли язык оккупационной власти быть вторым языком?» [1].

На мой взгляд, мы сталкиваемся с такими заявлениями (и другими откровенно антироссийскими действиями), потому что процесс формирования национальной идентичности неразрывно связан с отношениями «Свой-Чужой», так наиболее ярко можно продемонстрировать особенности нации, подчеркнуть ее исключительность, непохожесть, противопоставив ее какой-либо другой нацией.

Однако если объективно посмотреть на проблему статуса русского языка в Эстонии, то можно увидеть, что русский язык широко употребляется в торговле и сфере услуг, в культуре и повседневной жизни. Так, лица, для которых русский является родным, составляют 30%. Кроме того, в Нарве, например, наоборот, почти не используется эстонский язык.

Таким образом, российско-эстонские отношения осложняются еще и намеренно формирующимися негативными образами, в большинстве случаев не соответствующими действительности.

Однако с точки зрения экономических и культурных отношений, *несмотря на наличие определенных сложностей, мы можем наблюдать активное экономическое и культурное сотрудничество.*

Во-первых, активно развивается торговля между двумя странами. По данным Департамента статистики ЭР, товарооборот России и Эстонии в 2011 г. в сравнении с предыдущим годом увеличился почти на 350 млн. евро и достиг 1,953 млрд. евро, при этом эстонский экспорт составил 1,056 млрд. евро или 10,53% его совокупного объема, импорт – 0,897 млрд. евро (8,52%). Среди партнеров ЭР по этим показателям Российская Федерация заняла соответственно третью (после Швеции и Финляндии) и пятую (вслед за Финляндией, Швецией, Латвией и Германией) позиции [2].

Во-вторых, активно развивается приграничное сотрудничество Эстонии с северо-западными регионами РФ. Ярким примером может служить программа ESTLATRUS – комплексная программа приграничного сотрудничества «Эстония-Латвия-Россия». На данный момент действует 9 программ, направленных на развитие российско-эстонского развития в сфере культуры, образования, спорта, здравоохранения, защиты окружающей среды. (Unique Estonian-Russian fortresses ensemble development as a single tourist product. Stage II, Exchange of cross-border experience to enhance the quality of special education, Exploring the history of narrow gauge railway и другие) [3].

В-третьих, регулярно проводятся встречи, направленные на укрепление и расширение сотрудничества. Например, ежегодно проводится международная конференция «Приграничное сотрудничество: Российская Федерация, Европейский Союз и Норвегия». Последняя такая встреча, по результатам которой Эстония и Россия достигли соглашений по 4 проектам, состоялась 6 сентября 2012 в Пскове.

Наконец, не последним фактором является и развитие туризма. Турпоток из России в Эстонию вырос на 43 % по сравнению с 2011. Велико число также русских студентов, обучающихся в Эстонии – Россия занимает после Финляндии 2 место по числу студентов, обучающихся в эстонских вузах [4].

На мой взгляд, такое несоответствие объясняется тем, что 2 реальности российско-эстонских отношений диаметрально противоположны.

Идеальная реальность – это то, как хочет выглядеть государство на международной арене. Эстония хочет выглядеть как европейское независимое (в первую очередь от России) государство, что отражается в конкретных внешнеполитических действиях. В таком случае любые отношения с Россией расцениваются как нежелательные, и используется любой повод для критики России.

Материальная реальность — это реальное положение государства, зависящее от имеющихся ресурсов, связей и возможностей. С точки зрения экономической целесообразности отношения между Эстонией и Россией необходимы: это объясняется приграничным положением и исторически сложившимися тесными хозяйственными связями.

Таким образом, на современном этапе отношения между Россией и Эстонией можно охарактеризовать как сложные и не лишённые противоречий. Очевидно, что необходимо прилагать усилия для улучшения этих отношений или, по крайней мере, не допустить их ухудшения, так как это противоречит экономическим интересам обеих стран. С точки зрения материальной реальности необходимо сотрудничество между Эстонией и Россией, необходимо учитывать интересы русскоговорящего населения, но это противоречит идеальной реальности.

Библиографический список

1. Ильвес: русский язык — это язык оккупационной власти // <http://www.dzd.ee/665810/ilves-russkij-jazyk-jeto-jazyk-okkupacionnoj-vlasti/>
2. Посольство РФ в Эстонской республике // <http://rusemb.ee/relation/collaboration/>
3. Estonia-Latvia-Russia cross border cooperation Programme within European Neighborhood and Partnership instrument 2007-2013 // <http://www.estlatrus.eu/eng/home/>
4. Statistics Estonia // <http://www.stat.ee/49510>

К.Г. Колганова

Самарский государственный университет

ТУРЦИЯ И ЕС: 25 ЛЕТ ОЖИДАНИЯ

Критерии вступления стран в ЕС, принятые в Копенгагене в июне 1993 года и подтвержденные в декабре 1995 года в Мадриде, сформулированы четко: соблюдение демократических принципов (ст.6, ст.49 Договора о Европейском союзе) [1]. Однако нельзя не отметить, что центральными игроками, такими как Германия и Франция, все же применяются негласные принципы «цензовой демократии» по отношению к «странам-новичкам», которые пытаются вступить в Европейский союз. Выполнение неофициальных критериев является важной предпосылкой дальнейшего расширения ЕС.

С помощью анализа высказываний европейских политиков в отношении принятия Турции в ЕС можно выявить неформальные крите-

рии, которые не содержатся ни в одном документе, однако они закреплены в сознании, и могут восприниматься как естественные (см. таблицу).

Таблица

Скрытые цензы в европейском политическом дискурсе

	Политический деятель	Цитата	Ценз
1.	Михаил Шпинделегер, глава МИД Австрии	«Переговоры о вступлении Турции в ЕС будут длиться годы, содействуя процессу «европеизации» страны. Мы подождем и посмотрим, что из этого выйдет, но Австрия останется верна своей позиции относительно того, что между ЕС и Турцией должен быть установлен статус специального товарищества» [2]	Заявка в члены ЕС экономически мощного государства, способного изменить расстановку сил внутри Союза, в Совете ЕС.
Канцлер ФРГ Ангела Меркель	«Мои представления не претерпели изменений, — С Турцией ЕС следует развивать привилегированное партнерство» [3]		
Экс-президент Франции Никола Саркози	«Моя позиция по этому вопросу не изменилась и не изменится. Моя личная убежденность заключается в том, что ЕС не для Турции. Необходимо создать объединенную экономическую зону». [4]		
2.	Бывший премьер-министр Бельгии, президент Евросоюза Херман ван Ромпей	«Турция не является частью Европы, и никогда ею не будет. Расширение ЕС не может быть продолжено путем вступления Турции. Универсальные ценности Европы, базирующиеся на идеологии христианства, будут утеряны после вступления такой большой исламской страны, как Турция». [5], [6]	Многочисленные культурные различия между государством, претендующим на место в Союзе и странами самого ЕС, принадлежность к нехристианской религии.
Валери Жискар д'Эстен (президент Франции 1974 – 1981)	« Я выступаю против членства Турции в ЕС, поскольку у нее другая культура, другой подход, другой образ жизни» [7]		
3.	Экс-президент Франции Никола Саркози	«Турции не место в ЕС... Турция является большой страной Малой Азии, а не Европы... Турция – мост между Востоком и Западом, но не часть Европы... Нам нужна хорошо организованная Европа. Это означает, что мы не можем расширяться безгранично» [8]	Специфическое географическое местоположение государства.

Канцлер Германии Ангела Меркель в марте 2010 года, перед официальной встречей с президентом Турции Абдулла Гюль, заявила, что Германия не хочет полноправного членства Турции в ЕС, однако, по ее мнению, ЕС должен найти средства, чтобы выстроить более тесное политическое сотрудничество с Анкарой. Подобные предложения привилегированного партнерства звучали и от первых лиц других стран ЕС:

Из многократных попыток Берлина и Парижа решить вопрос предоставлением Турции статуса «привилегированного партнера» следует, что Германия и Франция не хотят изменения расстановки сил внутри ЕС и ослабления своих позиций в органах, определяющих политику и вырабатывающих стратегический курс ЕС.

Среди противников принятия Турецкой республики в состав Европейского Союза можно выделить, так называемых носителей предрасудков в отношении ислама. На протяжении последних лет в западной печати активно эксплуатируется тезис о том, что правящая в Турции партия проводит политику исламизации страны, а многочисленные социологические опросы показывают, что население настроено негативно по отношению к вступлению Турции в ЕС. Это выставляется в качестве одной из причин нежелательности принятия Турции в ЕС.

Выделяется группа сторонников полюсной конфигурации Европы в виде Запад – Восток. К таковым можно отнести Николая Саркози.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Европейский Союз является «ярким пропагандистом» демократии, но все же, помимо официальных требований вступления в ЕС – Копенгагенских критерий – самой организацией применяются негласные цензуры, препятствующие вступлению «стран-новичков», претендующих на место в ЕС, отсюда и возникает вопрос к Союзу, как к «честному маклеру», играющему по негласным правилам.

Библиографический список

1. Basic information on the European Union. EU. // http://europa.eu/about-eu/basic-information/index_en.htm
2. Австрия против полноправного членства Турции в ЕС. Де-факто. // <http://defacto.am/2134.html>
3. Меркель против членства Турции в ЕС и турецких гимназий в Германии. Новости@mail.ru. // <http://news.mail.ru/politics/3571207/>
4. Саркози считает, что Турции нет места в ЕС. Censor.net. // http://censor.net.ua/news/184129/sarkozi_schitaet_chno_turtsii_net_mesta_v_es
5. Президентом Евросоюза избран Херман ван Ромпей // LentaCom. / URL <http://www.lentacom.ru/reviews/637.html>

6. Ван Ромпей: Турция никогда не станет членом ЕС («EUobserver.com», Бельгия). Иносми. // <http://www.inosmi.ru/europe/20091119/156566085.html>
7. Ian Buruma Европа без Турции.// Project Syndicate // <http://www.project-syndicate.org/commentary/europe-without-turkey/russian>
8. Европа и Турция устали друг от друга. Rusorient // <http://www.rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=13&vid=96&lang=rus>

К.Б. Пиковская

Самарский государственный университет

РОССИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ США В 1991-2008 гг.

Имидж государства формируется на нескольких уровнях. Одним из важнейших является уровень политической элиты, поскольку он напрямую связан с практическим аспектом образа государства – принятием внешнеполитических решений [1, с. 346]. **Цель** данной работы состоит в изучении влияния, оказываемого восприятием России политической элитой США, на отношения между странами и внешнеполитическое позиционирование России. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) выявить факторы, влияющие на отношение истеблишмента США к России, 2) выяснить, почему восприятие России политической элитой США важно для ее внешнеполитического позиционирования, 3) определить, как внешнеполитическая деятельность России и США влияет на восприятие России американской политической элитой, 4) рассмотреть внешнюю политику России в контексте формирования имиджа России в США.

В результате анализа речей, заявлений, интервью и мемуаров американских политиков с 1991 по 2008 гг. – президентов Билла Клинтона [7] и Джорджа Буша-младшего [3; 6], вице-президентов Альберта Гора и Дика Чейни [4], госсекретарей Мадлен Олбрайт [2], Колина Пауэлла и Кондолизы Райс – можно сделать вывод о том, что с 1991 г. Россия избавилась от образа «врага» в глазах многих американских политиков и приобрела образ партнера. При этом можно выделить диапазон мнений по поводу развития России и российско-американских отношений: от наиболее положительных оценок (Б. Клинтон [7]) до самых негативных (Д. Чейни [4, с. 295]).

Основным фактором, влияющим на формирование отношения истеблишмента США к России, являются национальные интересы США. Как показывает опыт взаимодействия России и США, положительный

образ России в высказываниях американских политиков формировался в периоды наиболее тесного сотрудничества при решении общих внешнеполитических и экономических проблем и вопросов международной безопасности, связанных с национальными интересами Америки. Подобный прагматичный подход выразился в том, что американскими лидерами подчеркивались только положительные черты отношений России и США.

Несмотря на то, что восприятие России истеблишментом США не влияет на политику в отношении России, имидж России на данном уровне важен, т.к. все уровни формирования имиджа государства: политическая, интеллектуальная элита и общественное сознание – тесно связаны друг с другом. Политическая элита США имеет реальные рычаги воздействия на два других элемента внешнеполитического имиджа России. Например, основным фактором, влияющим на формирование общественного мнения, являются СМИ. Их оценки опираются на реальные факты, высказывания политиков. СМИ не только представляют анализ того или иного политического явления с различных точек зрения, но также разъясняют позицию властей. События, которые не освещаются СМИ проходят мимо внимания общественности и не влияют на изменение общественного мнения, которое является одним из важнейших факторов, влияющих на формирование имиджа государства.

Имидж России в США ухудшался не в результате каких-либо событий и политических процессов, характеризующих Россию, а как реакция на расхождение национальных интересов России и США. Однако ряд мероприятий, проведенных российскими политиками, усугубили общую тенденцию ухудшения имиджа России в США (реакция российского правительства на высказывания американских политиков по поводу «дела ЮКОСа», выступление Владимира Путина на Мюнхенской конференции и др.) [5]. Можно выделить следующие причины такой имиджевой политики России: 1) у России отсутствует четкая стратегия внешнеполитического позиционирования (в связи с чем образ России конструируется исходя из национальных интересов, а не культурно-исторических особенностей), 2) российские лидеры пытаются сконструировать образ России как сильного государства, 3) российские политики часто приносят внешнеполитический имидж в жертву внутриполитическим интересам (для улучшения имиджа политических лидеров внутри страны).

Итак, образ России, сложившийся у политической элиты США в 1990-х – начале 2000-х был в целом положительным. Однако с 2004-

2005 г. наблюдается неукоснительное ухудшение имиджа России в США [5]. Основным фактором, влияющим на отношение истеблишмента США к России, являются национальные интересы Америки. В те периоды, когда Россия нужна была США как партнер и союзник, отношение американской политической элиты к России улучшалось. Однако противоречия во внешней политике двух государств и столкновение интересов влияли на ухудшение имиджа России не только среди политической элиты, но и в общественном сознании. При этом ряд мероприятий, проведенных Россией в этот период, ускорили общую тенденцию ухудшения внешнеполитического образа России. Прагматичный подход к восприятию России политической элитой США может расцениваться как попытка американского руководства оказывать влияние на Россию. Однако Россия также может перенять подобную тактику для установления и укрепления партнерских отношений с США, воздерживаясь от негативной риторики в адрес американских властей и оказывая большее внимание перспективам сотрудничества двух стран для реализации собственных национальных интересов.

Библиографический список

1. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб, 2006.
2. Олбрайт М. Госпожа Госсекретарь: Мемуары Мадлен Олбрайт. М., 2004.
3. Bush G.W. Decision Points. N.Y., 2010.
4. Cheney D. In My Time: A Personal and Political Memoir. N.Y., 2011.
5. Country Ratings (Russia) // Gallup Institute // <http://institution.gallup.com/poll/1642/Russia.aspx>.
6. The White House: President George W. Bush. Archives 2000-2008 // <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov>.
7. William J. Clinton Presidential Library and Museum. Archives 1992-2000 // <http://clinton6.nara.gov>.

ЦЕНЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОРЯДКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Бытует мнение, что ценз не может существовать в рамках демократии, и несовместим с ней. Однако как раз с рождением демократии одновременно зарождается и ценз. В свою очередь хотелось бы определить, что я представляю под словом ценз. Условия, допускающие человека к пользованию теми или иными политическими правами. Существует возрастной ценз, образовательный, избирательный (ограничивающий право человека избирать или быть избранным). Так же существует ценз оседлости (установленный законом срок проживания, необходимый для приобретения каких-либо прав). Но мы хотим рассмотреть зарождение ценза и его использование, как в античной Греции, так и в современных демократических странах.

Возникновение ценза как политического института в истории Европы связано с формированием в Древней Греции демократии. Если мы обратимся к истории древних Афин, а именно – к политическим реформам Солона, то увидим, что он разделил афинских граждан на 4 группы согласно объему производимой ими продукции, следовательно – ввел имущественный ценз. Именно цензом определялись права и обязанность каждой из 4-х социальных групп согласно реформам Солона. Т.е. его реформа ограничила некоторые социальные группы в общественной жизни Афин. Не следует также забывать, что население Афин не состояло лишь из граждан. Метеками называли в Афинах лиц, которые не являлись по происхождению афинянами, к ним, соответственно, применялся ценз по происхождению. Они практически не могли получить гражданских прав и принимать участие в политической жизни полиса, однако активно участвовали в экономической жизни полиса, хотя и не имели права на земельную собственность.

Можно сказать, с некоторыми оговорками, что ценз применяли также к женщинам. Вспомним, однако, что гражданские права женщин в Европе стали формироваться только ко времени Первой мировой войны. Раба же в греческом обществе, будь то Афины, Спарта или любой другой полис, за человеческое существо не считали в принципе. В целом греческий полис представляет собой замкнутую гражданскую общину. Когда же интересы полиса сталкивались с частными интересами отдельных граждан, то в случае столкновения интересы общественные имели бесспорный приоритет.

Не стоит забывать и о Спарте. Там действительно существовала классическая олигархия. Но это легко объяснить жестким имущественным цензом в сочетании с цензом по происхождению. Ведь если ты родился в рамках «общины равных» и сохраняешь свой наследственный надел-клер, то можешь принимать участие на народных собраниях и участвовать в совместных трапезах. Имея клер и спартиатское происхождение, ты обретаешь все гражданские права и живешь в самой демократической стране в мире. Спарта может быть названа примером всем иным демократиям, вот только демократия там действовала для примерно 10000 населения, а для остальных доступ к ней был закрыт

Таким образом, мы видим, что демократия в греческих полисах действительно существовала, но не для всех и не всегда. Сама демократия в этих полисах была создана, для создания ценза, а ценз в свою очередь выполняет важную для аристократии функцию, вычлняет некоторые слои населения из политической жизни.

Ситуация, которая происходила в Афинском и Спартанском полисе очень напоминает, современные представительные демократии, которые обеспечивают интересы небольших слоев населения. В Прибалтике на последних выборах 30% населения не приняли участие в голосование. Эти 30% являются русское населения, к которым применяют ценз по национальной принадлежности. Это проблема уходит корнями в историю, а именно оккупацию СССР всей Прибалтики, (хотя с юридической точки зрения, никакой оккупации не было) на что они до сих пор обижаются и стараются ограничить русское население в политической жизни.

Одним из примеров ценза мы могли наблюдать в Швейцарии в 2010 году, когда власти Швейцарии официально прописали в конституции о запрете на строительство мусульманских религиозных строений. На первый взгляд кажется, что это грубый ценз, противоречащий демократическим нормам. Но это не так, ведь в данном случае ценз был использован для обеспечения поддержки коренных граждан Швейцарии. Ведь мусульманские религиозные деятели нарушают общественный покой, когда в выходные дни призывают в пять часов утра, всех мусульман помолится, а в Швейцарии, как известно их немного, большей части населения в это время хотят спать.

Расскажу еще об одном применение ценза, а именно о выселение Саркози 8000 цыган из Франции. После чего на него посыпался шквал критики. Его упрекали в нарушение прав человека, демократических норм и.т.д. Но на деле, Саркози выселил именно тех цыган, которые проживали на окраинах города, получали социальную поддержку от

правительства (в размере триста евро в месяц) и распространяли наркотики. Да еще и, как выселял, оплачивал проезд, а также обеспечивал социальную поддержку в размере 300 евро на первое время. Это «паразиты» общества, которые затрагивают экономические интересы страны и нарушают общественный порядок.

Таким образом, мы видим, что демократия без ценза просто не может существовать, как только появляется демократия, рождается и ценз. Именно ценз обеспечивает порядок в обществе и предотвращает его недовольства и волнения. В каждой ситуации его используют по разным причинам: экономическим, политическим, культурно-историческим, но полезен лишь только тогда, когда его используют по назначению. В представительных демократиях его используют, тогда когда политическая верхушка хочет вычеркнуть из политической жизни ту или иную социальную группу. И когда демократию и его инструменты начинают использовать в корыстных целях, те люди, которые обладают деньгами. А процесс выборов превращается в игру с заранее предопределенным концом, когда политика денег становится невыносимой, тогда недовольство людей начинает расти и народ определяет свою судьбу при помощи привычных средств, кровавого насилия.

Ю.Д. Масленникова

Самарский государственный университет

СПЕЦИФИКА БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

События арабской весны за последние два года оказали огромное влияние на формирование международной реальности и раскрыли позиции крупнейших игроков международной арены. Одним из таких игроков стала Россия, чье политическое отношение к странам «арабской весны» неоднократно менялось, чем и вызвало бурный интерес со стороны ведущих экспертов МО. Главной неожиданностью со стороны России после игнорирования ею событий в Египте и Тунисе, а главное «ливийского отступления» стала непреклонная защита сирийского суверенитета. В чем же именно заключается специфика поведения российского правительства и ее причины в данной ситуации, рассмотрим далее.

Безусловно, первой и главной особенностью российской политики в отношении сирийских событий уже сама по себе стала внезапная активизация России в международном обсуждении сирийской пробле-

мы после всяческого игнорирования предыдущих событий арабской весны. Если в отношении ливийского конфликта Россия не стремилась быть главным посредником в разрешении данного конфликта, то за два года существования сирийского кризиса Россия стала главным посредником между враждующими сторонами.

Вторая специфическая черта политики России в сирийском вопросе заключается в резко негативном отношении к любым мерам, подразумевающим военное вмешательство и нарушение суверенитета Сирии, и пресечении любой их возможности. В отношении ливийского конфликта, как мы помним, российского правительство не только не игнорировало возможность военного вмешательства, но и, ссылаясь на остроту ситуации, подтверждало его необходимость.

Третья особенность касается поддержки сирийских государственных властей со стороны российского правительства на основании их суверенитета и законности. Она проявляется в многочисленных заявлениях наших представителей о суверенитете власти Башара Асада и осуждении радикальных действий оппозиции, в предложении всяческого рода поддержки диалога между властями САР и оппозицией. Заметим, что призывы о помощи некогда дружественного нам президента Каддафи Россия уже сначала проигнорировала, затем резко осудила военные меры с его стороны по отношению к ливийской оппозиции, а после его смерти ограничилась лишь осуждением военных действий НАТО в Ливии.

Еще одну специфическую черту российской дипломатии в Сирии составляет официальное признание провокаций извне, открытые заявления о незаконности действий других государств, заинтересованных в смене сирийских властей, отстаивание суверенитета Сирии и ее населения в соответствии с нормами международного права.

Безусловно, такая внезапная смена приоритетов во внешней политике и методов ее ведения, должна иметь под собой разумные основания. И они у нас действительно есть. Тот факт, что Сирия осталась последней опорной точкой России на Ближнем Востоке, уже сам по себе говорит о значении дальнейшего развития и решения сирийского конфликта для интересов нашей страны и, следовательно, обуславливает все остальные факторы, повлиявшие на позиции нашего правительства по данному вопросу. А именно — геополитическое значение Сирии для России обусловлено расположением в этой стране последней заграничной военной базы — военного порта Тартус, который еще хоть как-то определяет геополитическое влияние нашей страны и не только в данном регионе, но и в мире. Экономический фактор, определяющий наши позиции по данному вопросу, основан на ливий-

ском опыте. Так потеря экономического влияния в Сирии, определенно, скажется на позициях России в мировой экономике. Более того нам не выгодно потерять крупнейший источник сбыта вооружения в лице Сирии. Кроме того появились новые условия для смены внешнеполитической концепции России. Так, после официального принятия России в ВТО, нашему правительству практически нечего опасаться, приводя в своей внешней политике государственные и национальные интересы на первый план. В то же время мы осознали необходимость отстаивать собственные интересы с целью не потерять свое политическое и экономическое влияние в регионе. Хочется еще раз подчеркнуть, что необходимость сохранения и усиления своего влияния в Сирии и в ближневосточном регионе, столь значимом для России, является главной причиной и предпосылкой для смены политической концепции российского государства в отношении стран Ближнего Востока и Северной Африки.

В заключение хочется сказать, что такая смена приоритетов во внешней политике позволит России не только сохранить свои позиции на Ближнем Востоке, но и усилить свое влияние в данном регионе. За два года сирийского кризиса мы уже можем говорить о первых положительных результатах деятельности наших представителей в отношении Сирии. Однако, в силу того, что институт Ближнего Востока в последнее время становится все более актуальным и политически значимым для современных МО, нам не следует останавливаться на достигнутом и, не отставая от современных тенденций, укреплять свое положение в таком значимом для нас регионе и развивать связи с его странами. Скорее всего, это и станет одним из этапов возвращения России статусу сверхдержавы.

А.Н. Литвинова

Самарский государственный университет

ЕВРОСОЮЗ КАК ПЛАЦДАРМ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ГЕРМАНИЕЙ СВОИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

ФРГ с самого своего вступления в Европейское объединение угля и стали (сегодняшний Евросоюз) в 1951 году на основе Парижского договора стала и до сих пор остается движущей силой процесса европейской интеграции и единства. На протяжении 60 лет Германия преследовала разные цели в ЕС, которые в основном исходили из ее внутрен-

них потребностей. Итак, рассмотрим наиболее явные намерения Германии в ЕС на протяжении всего ее непосредственного участия в нем.

Одной из главных целей вступления Германии в 1951 году в Европейское объединение, являлось использование членства в нем для отмены международных запретов и ограничений. Они были наложены на нее после Второй мировой войны как на проигравшую сторону. В тот период ФРГ остро нуждалась в восстановлении отношений с пограничными странами. Восстановление отношений с соседями было необходимо Германии для обеспечения безопасности своих границ, а также расширения рынка сбыта товаров в Европе. Именно стремление к Францией (одна из стран-победительниц) было верным способом достижения вышеупомянутых целей – установить новые политические и экономические связи в Европе, а также устранить сильное сопротивление в западном мире планам возвращения ФРГ в союз равноправных европейских государств. Франция была ближайшим соседом и одновременно противником Германии со времени установления прусского господства на Рейне в 1815 г. и, прежде всего, после создания Германской империи в результате войны 1870—1871 гг. Канцлер ФРГ Конрад Аденауэр писал:

«Я вижу в длительном улаживании отношений и в восстановлении хороших добрососедских связей между Францией и Германией одно из наиболее существенных условий установления нормального климата в Европе вообще» [1].

В 90-ые годы объединенная Германия членством в ЕС пыталась доказать, что она покончила с фашистским прошлым и намерена стать одним из лидеров на международной арене. Канцлер ФРГ Гельмут Коль неоднократно заявлял о стремлении к созданию «европейской Германии, а не германской Европы» [2]. И уже в 1993 году, в целом, благодаря общим стараниям Германии и Франции создается Европейский Союз, закрепленный Маастрихтским договором. По данным радиостанции Германии «Deutsche Welle» Г. Коль в 1992 году на съезде правящего Христианско-демократического союза сказал:

«Европа для Германии имеет судьбоносное значение. Будущее нашей нации в большей степени, чем будущее других народов, зависит от развития Европы. Поэтому нас не может оставить равнодушными вопрос о том, какой же путь изберет Европа» [3].

Теперь же, когда Германия добилась лидерства в Евросоюзе и в мировой экономике, она стремится поддержать экономическую и политическую стабильность ЕС. Превращение Евросоюза в должника может обойтись ФРГ в сумму, которая во много раз превысит финансовую помощь, оказанную ею странам ЕС во время экономическо-

го кризиса, а, следовательно, приведет к новой волне кризиса, который может закончиться распадом Евросоюза и ликвидацией Евро. Если это все-таки произойдет, лидерство Германии в мировой экономике может заметно пошатнуться, т.к. именно Евро обеспечивает ей значительные экспортные преимущества и позицию политического и экономического лидера в Европейском союзе [4], а чтобы восстановить позиции потребуются длительное время. Как заявила канцлер Германии Ангела Меркель 7 сентября 2011 в Бундестаге:

«Крах Евро повлечет за собой и крах Европы. Мы должны укрепить Евро. Вопрос не только в деньгах. Евро — это гораздо больше, чем валюта» [5].

В общем и целом, на сегодняшний момент главная цель ФРГ в Евросоюзе — сохранение экономической стабильности, а именно, недопущение ослабления Евро, ведь Германия играет роль главного партнера в области экономического сотрудничества и развития в ЕС.

Прежде чем перейти непосредственно к выявлению национальных интересов, реализуемых Германией через ЕС, зададимся вопросом, а чем же на самом деле является Евросоюз, если Германии удастся с такой легкостью продвигать свои интересы через него? Для того чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к фактам:

1. ЕС был создан по инициативе Германии
2. Франция (второй по значимости игрок в ЕС) по экономическим причинам никогда не могла претендовать на роль реального лидера в ЕС
3. Состав Европарламента примечателен постоянным большинством немецких депутатов
4. Германия как первая экономика ЕС фактически обладает блокирующим правом голоса.

Исходя из вышеперечисленных фактов, можно заявить, что ЕС — искусственно созданное Германией образование, которое существует до сих пор только благодаря ее стремлению к продвижению своей экономической и политической гегемонии по всей Европе. Уже сейчас ряд политологов заявляет, что в скором времени Евросоюз можно будет смело называть «Германским» союзом или «Четвертым Рейхом».

Рассмотрим теперь на конкретных примерах, в каких именно областях прослеживаются интересы Германии в ЕС, начиная с начала 1990 (в 1990 году на международной арене появилась новая объединенная Германия) по настоящее время:

Во-первых, в экономике. Германия в 1992 году (при подписании Мaaстрихтского договора) была инициатором введения единой валюты Евро, с целью создания устойчивых финансовых рынков, снижения

расходов на банковские операции и на страхование от рисков, связанных с изменением валютных курсов, снижения транзакционных издержек. Задачей Германии во всей этой операции было увеличение объема немецкого экспорта в страны ЕС. В 1999 году в оборот вступил Евро (примечателен тот факт, что 3 страны ЕС (Великобритания, Дания, Швеция) решительно отказались проводить новую финансовую реформу), благодаря этому продолжающемуся процессу экономической и финансовой интеграции стран ЕС, стремительное развитие получила «внутриевропейская торговля», где Германия занимает сегодня лидирующую позицию. Примерно $\frac{1}{3}$ всей продукции Германии идет на экспорт. Из этой части около 75% приходится на европейские страны, а если считать страны только Евросоюза, то получается в среднем 40-45%. Для сравнения в 1980-ые этот показатель был на отметке 30%.

Инициатива Германии консолидации стран Европы – проект создания единой европейской конституции (так и не был реализован) показывает, что Германия стремится доказать Евросоюзу, что ее политика нацелена на единство, кооперирование, соблюдение всеобщих интересов. Этим она добивается поддержания дружеских отношений со странами ЕС, в особенности с Францией, ведь она является главным импортером ФРГ. По данным Федерального статистического ведомства (BDS), в 2010 году немецкие товары были приобретены Францией на общую сумму 90,7 млрд. евро. На втором месте Нидерланды (63,2 миллиарда). Именно создание современного ЕС позволяет Германии как экономически развитой стране занимать до сегодняшнего дня одну из лидирующих позиций, которая позволяет ей и сейчас продвигать собственные интересы, как в ЕС, так и на мировой арене.

Во-вторых, в вопросах безопасности. Предложение Германии о создании единой армии Евросоюза, с целью борьбы с терроризмом и реализации независимой от НАТО оборонной программы. Проект рассматривался на протяжении первой половины 2000-ых, но так и не был реализован из-за отсутствия доверия между странами ЕС из-за участия Великобритании в операции НАТО в Ираке.

В-третьих, в геополитике. Одобрение Германией расширения ЕС в 2004 и 2007 годах на восток, позволило ей отдалить «Границу бедности» и вернуть себе положение центральноевропейской державы, которое было нарушено после возведения Берлинской стены в 1961 году. Берлинская стена тогда показала четкую границу между развитыми капиталистическими странами Запада и отсталыми странами Соцлагеря. «Пятое расширение» было необходимо Германии для отдаления «Границы бедности» от своих границ, в частности такой страны, как Польша.

Также в вопросах экологии – реализация Дунайской стратегии, которая направлена на модернизацию транспортного коридора в страны Восточной Европы для увеличения объема своего экспорта, а также на улучшение экологической обстановки общими средствами в данном регионе. Предложенный Германией проект Дунайской стратегии, который охватывает помимо Германии еще 7 стран-участниц ЕС направлен не столько на осуществление экологической безопасности этих 7 стран, сколько на выделение средств из общего финансирования для своей территории. Можно заметить, что этот план Германии основан не на принуждении, а на привлекательности осуществления мер по экологической безопасности и развития инфраструктуры в данных странах. В той или иной мере все будут в выгоде.

Можно заметить, что все вопросы, планы и проекты, которые Германия пыталась и пытается протолкнуть на рассмотрение стран-участниц ЕС – проявление использования Германией так называемой «мягкой» силы, т.е. стратегии без принуждения и давления, основанной только на привлекательности идей и якобы всеобщей выгоды решения данных вопросов для всех сторон. Германия осуществляет тактику продвижения своих интересов с помощью дипломатии, различных саммитов и договоров (Маастрихтский, Ниццкий, Лиссабонский и т.д.), т.е. на основе кооперирования и взаимодействия со странами Евросоюза.

Таким образом, вопросы последних 20 лет, которые решаются в ЕС, непосредственно связаны с продвижением Германией своих национальных интересов. Это и расширение на восток, это и создание единой конституции, армии и валюты, открытие границ и т.д. Следует отметить, что большинство предложенных ею проектов реализовано или принято во внимание. И здесь мы можем говорить о ЕС как искусственно-созданном Германией механизме для продвижения ее экономической и политической гегемонии в Европе. Следовательно, Германии стратегически выгодно сохранять целостность и единство ЕС столько времени, сколько у нее это получится.

Библиографический список

1. Артемов В.А. Конрад Аденауэр и его европейская политика // Вестник ВГУ. 2003. № 1. (71) // <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/hyman/2003/01/artemov.pdf>
2. История международных отношений (1918-2003) // Том третий. События 1945-2003 // Раздел четвертый. Глобализация // Глава 12. Распад биполярной структуры (1991–1996) // Заключение Маастрихтского дого-

вора и создание Европейского Союза // http://www.diphis.ru/zakluchenie_maastrichtskogo_dogovora_i_sozdani-a1519.html

3. Маттиас фон Хельфельд. Маастрихтский договор 1992 года: как начиналась еврозона // <http://www.deutsche-welle.cn/dw/article/0,,4614698,00.html>

4. Насколько реален выход Германии из Евросоюза? // <http://www.profi-forex.org/news/entry1008061516.html>

5. Демидова О. Ангела Меркель: Крах евро повлечет за собой крах Европы // <http://www.deutsche-welle.cn/dw/article/0,,15369939,00.html>

И.С. Селиверстов

Самарский государственный университет

ОЦЕНКА СОВЕТСКОЙ УГРОЗЫ ЦЕНТРАЛЬНЫМ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ США В 1940-1950-Е ГОДЫ

В период Холодной войны обе стороны (СССР и США) старались с помощью своих служб внешней разведки анализировать друг друга с целью предугадать дальнейшие намерения, действия, а также возможности противоборствующей державы. Этот процесс, являясь скрытым, тем не менее, непосредственно влияло на внешнюю политику, так как стороны старались избежать конфликта, а также знание целей противника позволяло достичь преимущества в различных сферах [1, с.117].

Благодаря различным документам можно понять, как ЦРУ – одно из главных внешнеполитических орудий США в период 1940-1950 х годов оценивало советскую сторону, как оно прогнозировало дальнейшие действия СССР. Приведем главные выводы этих анализов

1. Основой мощи СССР является не только его военная сила, но также и слабость стран Европы и Азии по вопросам внешней политики, а также слабость военных позиций США

2. Обладая значительной наземной армией, СССР тем не менее не обладают многочисленной авиацией и ВМС, что может служить преимуществом США в случае конфликтах [2, с. 289]

3. Война с СССР мало вероятна, поскольку Советское государство сильно истощено психологически и экономически

4. Кремль не обладает абсолютной властью в пределах страны, поскольку среди советского народа нарастает недовольство властью и отсутствием реформ, вызванное опытом многих советских людей, побывавших в годы войны в странах запада.

Также вызовут интерес и некоторые вероятные будущие намерения СССР, которые приводятся в документах, такие как

1) Создать как можно быстрее сильный военный потенциал в странах социалистического лагеря с целью сравняться и переиграть военный потенциал США.

2) Вести политическую, экономическую и психологическую войну с США для подрыва их потенциальных сил и увеличения таких сил у СССР; в частности предотвратить или замедлить восстановление и объединение Западной Европе а также стабилизацию ситуации на Ближнем и Дальнем востоке [3, с. 322].

Библиографический список

1. Trento, Joseph J. The secret history of the CIA. Basic books, New York, 2001.
2. Ambrose, Stephen E. Ike's spies. Eisenhower and the espionage establishment. University press of Mississippi, Jackson, 1999.
3. Threats to the security of the United States. Central Intelligence agency, September 28th, 1948.

СЕКЦИЯ СТЕНДОВЫХ ДОКЛАДОВ

Н.В. Гильмутдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ОРГАНА ПРИСЯЖНЫХ ПОВЕРЕННЫХ В КАЗАНИ

Появление адвокатуры было связано с острой потребностью в людях, обладающих специальной подготовкой и для осуществления судопроизводства. Органической частью новой судебной системы должна была стать адвокатура, ранее неизвестная российской судопроизводству. Хотя Судебные уставы были утверждены 20 ноября 1864 года, в части, касающейся присяжных поверенных, они вступили в действие только 17 апреля 1866 года. Поэтому именно эта дата считается днем рождения российской адвокатуры [1, с. 111]. Однако процесс становления адвокатской корпорации растянулся на годы, а в провинции этот процесс происходил с еще большим опозданием. Лишь 27 октября 1870 г. Правительствующий Сенат принял закон «О времени открытия Казанской судебной палаты и окружных судов: Казанского, Симбирского, Самарского и Смоленского» [2, с. 147], согласно которому создавались Казанская судебная палата и Казанский окружной суд с центром в Казани. В округ Казанской судебной палаты, помимо Казанской губернии, также входили Вятская, Екатеринбургская, Пермская, Самарская, Симбирская и Уфимская губернии. В свою очередь, в 14 уездах Казанской губернии действовало 18 уездных судов. Собственно в Казани судебным органом первой инстанции являлся Казанский окружной суд. В результате осуществления реформы Казань превратилась в важный административно-правовой центр огромного региона.

Именно в Казани с ее функцией административного центра, со значительным населением и университетом располагались наиболее крупные силы поволжской адвокатуры. Тем не менее, по количеству и по степени авторитетности казанские адвокаты существенно уступали не только столичной адвокатуре, но и присяжным поверенным западных краин империи.

В соответствии с Судебными уставами адвокаты имели право создавать собственные органы самоуправления – Советы присяжных поверенных. Однако закон допускал избрание Совета лишь в том случае,

если в округе Судебной палаты имелось не менее 20 присяжных поверенных. В Казани собственная сословно-профессиональная организация появилась значительно позже: вплоть до начала XX столетия казанские адвокаты не имели собственного органа самоуправления. Незначительное количество адвокатов в округе Казанской судебной палаты (в первое десятилетие менее 10 человек), а также последующие изменения в законодательстве не давало им права настаивать на образовании подобного учреждения в своей среде.

В декабре 1874 г. последовал временный мораторий на создание Советов в стране, продлившийся вплоть до начала XX века. Запрет объяснялся тем, что «учрежденные Советы присяжных поверенных не оправдали возложенной на них задачи надзора за охранением достоинства и нравственной чистоты в действиях лиц, принадлежавших к этому сословию» [3, с. 14]. В условиях отсутствия Совета в ряде судебных округов его функции были переданы окружным судам, в том числе и в Казани.

Отсутствие собственного корпоративного органа усложняло жизнь и исполнение профессиональных обязанностей адвокатов. Имелись и иные негативные последствия этого: неформальная не приязнь адвокатов, некоторыми представителями судебного чиновничества, отсутствия единого органа, призванного контролировать процесс зачисления в сословную корпорацию новых членов, в разных регионах к кандидатам в присяжные поверенные предъявлялись различные требования и другие.

В 1881 году группой казанских адвокатов было составлено обширное письмо с обоснованием необходимости создать в Казани подобный корпоративный орган (документ под названием «О необходимости и возможности учреждения Совета присяжных поверенных в округе» [4, л.16]). Острая потребность в Совете, по словам адвокатов, вынуждала их обратиться с ходатайством к сенатору. С одной стороны, среди самих адвокатов всегда существовало усиливавшееся по мере численного роста и обособления его от магистратуры стремление к самоорганизации для выражения корпоративной воли, выработки адвокатской этики и для представительства сословия. Нужно отметить, что и Судебная палата сама была заинтересована в создании такого органа. Комитет присяжных поверенных – это сословный орган при Казанском окружном суде, официально учрежденный в 1898 году для содействия Окружному суду в его деятельности. Комитет состоял из председателя (он же старшина сословия), товарища председателя и трех членов из числа присяжных поверенных.

Подчиненное положение состоящего при суде Комитета, которому предоставлялось лишь право совещательного голоса при решении сословных дел, равно как и неуверенность в дальнейшем своем суще-

ствовании, ослабляли сознание ответственности за свои решения и повышали напряженность в работе.

Таким образом, вплоть до начала XX века у казанских адвокатов фактически не было собственного легитимного корпоративного органа. Неоднократные неудачные ходатайства и попытки создать Совет неизменно заканчивались крахом, а попытка обойти запрет и создать некий эрзац-совет также никого не удовлетворяла, порождая новые конфликты.

Многочисленные ходатайства казанских адвокатов были удовлетворены только в условиях политической оттепели предреволюционной поры: 10 ноября 1904 г. было издано Высочайшее повеление императора Николая II об образовании Совета присяжных поверенных в округе Казанской Судебной палаты [5, с. 3].

Подводя итог *краткому обзору истории борьбы* казанских адвокатов по созданию собственной корпоративной организации, следует отметить следующее. Несмотря на то, что адвокатура округа Казанской судебной палаты была одной из самых молодых и малочисленных, она ясно осознала необходимость самоорганизации с целью защиты и репрезентации собственных интересов. Поэтому с начала 1880-х годов казанские адвокаты предпринимали неоднократные, но безуспешные попытки создать собственный корпоративный орган – Совет присяжных поверенных. Такая возможность появилась лишь в период либерализации внутривнутриполитического курса на заре Первой русской революции. История возникновения Совета присяжных поверенных округа Казанской судебной палаты также показывает уровень развития в пореформенный период региональной адвокатуры. Перипетии сложного и длительного процесса борьбы казанских адвокатов за право создать собственный Совет присяжных поверенных отражает непростой путь, который пришлось пройти отечественной адвокатуры при институционализации и обретении своей сословно-профессиональной самоидентификации.

Библиографический список

1. Троицкий Н.А. «Пред законом и пред Богом...» Клятва адвоката. 1866 г. // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 111-113.
2. История русской адвокатуры: в 3 т. / Под ред. И.В. Гессена. Адвокатура, общество и государство. 1864-1914. Т. 1. М., 1914. 372 с.
3. История русской адвокатуры. / Под ред. М.Н. Гернет. Сословная организация адвокатуры. Т. 3. М., 1916. 370 с.
4. Об открытии при Палате Совета присяжных поверенных за 1881 год // НАРТ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 99. 34 л.
5. Филиппова Ю.А. Из истории русской адвокатуры // Адвокатская практика. 2005. № 4. С. 5-11.

**К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЛЕСНОГО ХОЗЯЙСТВА
УДЕЛЬНОГО ВЕДОМСТВА В ЦАРЕВОКОКШАЙСКОМ УЕЗДЕ
КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

В конце XIX века лесные угодья на территории Царевококшайского уезда находились во владении различных собственников: казны, крестьянских сельских обществ, частных владельцев, удельного ведомства.

Большую часть удельных лесов Царевококшайского уезда составляла Жуково-Кузнецовская лесная дача, располагавшаяся в пределах Вараксинской волости. По данным 1884 г. общая площадь дачи составляла 3644,75 десятин, в том числе 2930,17 дес. собственно лесной почвы. В Жуково-Кузнецовской даче произрастали преимущественно деревья хвойных пород. Лесонасаждения отличались хорошим ростом. Так, хвойный лес в возрасте от 61 до 80 лет давал 40-50% строевого материала, а лиственный – исключительно дровяной материал уже с 40 лет [1, л. 3-5].

В удельной Жуково-Кузнецовской даче за период с 1880-1884 гг. для ежегодной вырубki отводилась площадь в 23 дес. кулисными полосами шириной по 40 сажений каждая [1, л. 5]. В 1884 г. дача была разделена на 25 кварталов, которые в свою очередь делились на участки [1, л. 13]. Для хвойных пород был установлен 100-летний оборот рубки, а для березы, осины и других лиственных насаждений – 50-летний. Рубка леса была назначена сплошная полосами не шире 20 – 30 сажений, причем полоса к полосе должна была вырубаться не ранее, чем возобновлялась прежде вырубленная [1, л. 8 об., 10 об.]. Последнее обстоятельство во многом способствовало успешному естественному возобновлению вырубленных лесосек. Подтверждением тому является тот факт, что в удельных лесах Царевококшайского уезда, благодаря целесообразной системе рубок, прогалины почти отсутствовали. Для сравнения в казенных лесах Царевококшайского уезда, где ширина лесосек нередко доходила до 50 сажений, прогалины занимали около 9% лесной почвы [2, с. 19].

Удельное ведомство извлекало основной доход из лесных ресурсов путем отпуска леса с торгов небольшими площадями для сплошной или выборочной рубки. Значительные средства поступали от взысканий за нарушение лесного устава, предоставления права побочных пользований в лесных дачах, платы за содержание оброчных статей и т.д.

В Жуково-Кузнецовской даче до 1883-1884 гг. продажа леса с торгов велась в незначительных количествах. В 1882 году от этой операции было выручено 2130 руб. 02 коп. В течение года от сдачи в аренду угодий в кассу поступило 137 руб., от пастьбы скота — 16 руб., от других побочных пользований — 2 руб. 75 коп., штрафных денег за самовольные порубки и другие правонарушения — 58 руб. 88 коп., а всего 2334 руб. 65 коп. [1, л. 119]. За 1883-1884 гг. в среднем поступало: от продажи леса 1499 руб. 76 коп.; от сдачи в аренду угодий — 131 руб.; от пастьбы скота — 16 руб. 50 коп.; от прочих побочных пользований — 1 руб. 37 коп.; от взысканий за нарушение лесного устава — 67 руб. 99 коп.; от оброчных статей — 712 руб. 06 коп. Валовой доход от дачи составлял в среднем 2428 руб. 68 коп. С учетом того, что на содержание 5 сторожей и 1 смотрителя для охранения дачи расходовалось в среднем по 1154 руб. в год, чистый доход с дачи составлял 1274 руб. 68 коп. [1, л. 5].

С 1892-1900 гг. валовой доход с удельных лесов Царевококшайского уезда составил 59224 руб. 35 коп. или в среднем по 6580 руб. 48 коп. в год. За вышеотмеченный период от продажи леса удалось выручить 57361 руб. 21 коп. или 97% от суммы валового дохода. Оставшаяся часть денег поступила в кассу от предоставления права побочных пользований в удельных леса, а также взысканий за самовольные порубки леса и другие нарушения лесного устава. Величина расхода за 1892-1900 гг. составила 11776 руб. 67 коп. или в среднем по 1308 руб. 52 коп. ежегодно. Основная статья расхода заключалась в выплате жалованья лицам, осуществлявшим управление лесами и охранение лесных богатств удельного ведомства [2, с. 56]. Чистый доход, получаемый в результате вычета из размера валового дохода суммы расходов, с удельных лесов за 1892-1900 гг. составлял 47447 руб. 68 коп. Обращает на себя внимание тот факт, что в 90-ые гг. XIX в. валовой и чистый доход с удельных лесов Царевококшайского уезда в разы превышал соответствующие показатели, характерные для 80-ых гг.

Валовая доходность удельных лесов с 1892-1900 гг. составляла 2 руб. 66 коп., средний расход — 53 коп., а чистый доход — 2 руб. 13 коп. с десятины [2, с. 22]. Для сравнения валовая доходность казенных лесов в 1897-1900 гг. составляла 1 руб. 42 коп. с десятины [2, с. 19]. Вышеприведенные цифровые данные позволяют сказать, что доходность лесов удельного ведомства превышала доходность соседних казенных дач. Этому обстоятельству благоприятствовало выгодное природно-географическое положение Жуково-Кузнецовской дачи, что обеспечивало полный сбыт заготавливаемых в ней лесоматериалов. Разрабатываемый в даче строевой и дровяной лес сплавлялся в г. Казань, и лишь незначительная часть материалов приобреталась местными крестьянами для отопления своих домов и ремонта хозяйственных построек [1, л. 6-7].

Приведенные сведения позволяют сказать, что удельное лесное хозяйство Царевококшайского уезда в конце XIX в. находилось на достаточно высокой для того времени ступни развития. Увеличение доходности удельных лесов достигалось не в ущерб состоянию лесонасаждений, а за счет стремления вести лесное дело на правильных началах.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 154. Оп. 1. Д. 93.
2. Казанское губернское земство. Оценка земель. Т. IV. Вып. I. Оценка лесных угодий Царевококшайского уезда. Казань, 1904.

П.В. Ломейко

Самарский государственный университет

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА ЛБИЩЕ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-11-63005 а(р).

Городище Лбище находится в 1,5 км к западу от пристани Лбище, на мысообразном выступе южной кромки плато Самарская Лука.

Первые сведения о наличии древнего оборонительного укрепления поблизости от с. Севрюкаево появились еще на рубеже XIX–XX вв.: известный симбирский краевед В.Н. Поливанов, ссылаясь на сообщение исправника, опубликовал информацию об «остатках древнего укрепления», называемого «Севрюкаевское Лбище».

В 1922 г. экспедиция Самарского университета под руководством В.В. Гольмстен проводила разведочное обследование Самарской Луки. В д. Кармалы от местных крестьян участники экспедиции получили подтверждение информации, сообщенной В.Н. Поливановым, о наличии городища в урочище Севрюкаевское Лбище. Урочище было осмотрено, при осмотре обнаружены рвы, но необычный вид укреплений, действительно оригинальных, отличных от оборонительных укреплений других известных к тому времени городищ Самарской Луки, заставил участников экспедиции усомниться в их искусственном происхождении и тем самым – в реальности существования древнего городища на Севрюкаевском Лбище.

В начале 1970-х годов городище посетил куйбышевский архитектор и краевед Е.Ф. Гурьянов, который сообщил о памятнике Г.И. Матвеевой. В 1973 г. ими был осуществлен совместный выезд на городище с целью

его осмотра и, по возможности, определения культурной и хронологической принадлежности. Собранный на городище подъемный материал был отнесен Г.И. Матвеевой к городецкой и именьковской культурам.

В 1981 г. Э.Л. Дубманом был составлен первый топографический план городища. В том же году А.В. Расторопов заложил на городище два раскопа: раскоп I площадью 176 м² в северо-западной части площадки городища и раскоп II площадью 24 м² в 40 м к юго-востоку от него. Керамический материал из раскопов исследователь отнес к двум разновременным группам. В первую группу он включил немногочисленные фрагменты керамики с рогожным орнаментом, которую отнес к городецкой культуре эпохи раннего железа. Характеризуя вторую группу керамического материала, А.В. Расторопов отметил, что она «близка именьковской», но «имеет особенности, характерные для керамики зарубинецкой культуры». На основании этого наблюдения он сделал предположение о том, что «городище Лбище является как бы связующим звеном между памятниками зарубинецкой и именьковской культур» [5, с. 105–106]. Таким образом, первые же раскопки памятника поставили перед исследователями проблему интерпретации материалов городища Лбище и определения их места в системе археологических культур Восточной Европы I тыс. н.э.

Своеобразный культурный облик материалов привлек к городищу внимание исследователей. В течение трех лет с 1982 по 1984 годы на городище проводила раскопки Средневолжская археологическая экспедиция Куйбышевского госуниверситета под руководством Г.И. Матвеевой. В двух раскопах III и IV было вскрыто 3518 м² площади и исследовано около 60 сооружений различного назначения. Кроме того, в процессе раскопок на городище были обнаружены грунтовые погребения, часть из которых оказалась синхронной времени функционирования городища, часть отнесена к новинковскому типу конца VII–первой половины VIII вв. н.э.

Богатый материал, полученный в результате раскопок городища, позволил Г.И. Матвеевой выделить особый лбищенский культурный тип памятников и датировать его III–IV вв. н.э. [1, с. 161–162].

Отмечая сходство материалов лбищенского типа с именьковской культурой и славкинским типом памятников, Г.И. Матвеева предложила единую культурно-хронологическую схему развития древностей Среднего Поволжья в первой половине – середине I тыс. н.э. В этой схеме лбищенским древностям отводилась роль одного из компонентов формирования именьковской культуры. Впоследствии, датируя саму именьковскую культуру V–VII вв. н.э., Г.И. Матвеева определила древности лбищенского типа как ранний этап именьковской культуры, датирующийся IV в. н.э. [2, с. 87–96 и др.].

После полевых работ первой половины 80-х годов прошлого века появились исследования, посвященные анализу отдельных категорий артефактов из культурного слоя городища Лбище. Техничко-технологические характеристики керамического комплекса городища Лбище рассматривались в работах Н.П. Салугиной, остеологический комплекс из культурного слоя был проанализирован А.Г. Петренко, жилища городища Лбище становились объектом исследования в работе Н.А. Лифанова.

В 2000-е годы начинается новый этап исследования городища Лбище, ознаменовавшийся возобновлением полевых исследований памятника, а также появлением новых интерпретаций материалов, полученных ранее. В 2001 году при осмотре памятника Г.И. Матвеева обнаружила, что местные жители начали добычу песка на его территории, повредив центральный бастион вала. В связи с возникшей угрозой дальнейшего разрушения памятника Г.И. Матвеева предприняла в 2002–2003 гг. его охранно-спасательные раскопки, доведя общую исследованную на городище площадь почти до 4 тыс. м².

Материалы из раскопов, заложенных на городище, неоднократно становились предметом рассмотрения как в специальных статьях, так и в обобщающих исследованиях [3, с. 94–112; 4, с. 186–189]. В начале XXI в. исследователи вновь обратились к проблеме культурно-хронологической интерпретации лбищенских древностей. Г.И. Матвеева, подводя некоторые итоги изучения именьковской культуры, фактически возвращается к своему первоначальному тезису о выделении городища Лбище и близких к нему памятников в отдельную группу. По ее мнению, материальная культура, выявленная при раскопках этих памятников, оказала влияние на формирование именьковских древностей Самарской Луки. Д.А. Сташенков предложил уточнить культурно-хронологическую схему Г.И. Матвеевой, отводя памятникам лбищенского типа роль особой культурно-хронологической группы, не связанной напрямую с генезисом именьковской культуры и синхронной ее раннему этапу [6, с. 272–275].

На сегодняшний день наиболее актуальной задачей остается полноценное введение в научный оборот материалов, полученных при раскопках городища Лбище, и их дальнейший детальный анализ.

Библиографический список

1. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Межвуз. сб. статей. Куйбышев, 1986.
2. Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа — ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тыс.

н.э. (вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара, 17–20 ноября 1997 г. Самара, 1998.

3. Матвеева Г.И. Памятники начала эпохи Великого переселения народов (II–IV вв. н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. В 6 тт. Т. 3. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

4. Матвеева Г.И. Хронология именьковской культуры // Самарский край в истории России. Материалы юбилейной научной конференции. Самара, 2001.

5. Расторопов А.В. Исследования городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

6. Сташенков Д.А. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. №6. Самара, 2010

Е.М. Малинкин

Самарский государственный университет

ПОГРАНИЧНЫЕ ГАРНИЗОНЫ ТЕРРИТОРИИ «ПОНИЗОВЫХ ГОРОДОВ» НА РУБЕЖЕ XVII – XVIII вв.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX вв.)»

Исследование военных сил, размещенных на территории «понизовых городов» и определение степени влияния на их состояние военных реформ и административных преобразований конца XVII – начала XVIII в. невозможно без детального анализа состава гарнизонов, размещенных в отдельных городах, пригородах и т.д. Главная причина обращения к гарнизонам именно южного и юго-восточного фронта – наличие здесь как старых, так и новых форм организации ратных сил, а также более значительная «военизированность» данной территории.

К началу XVIII в. одним из подобных фронтов на юго-востоке Европейской России был Симбирский уезд, являвшийся важным ключевым районом области так называемых «понизовых городов». В рамках представляемой работы, прежде всего, интересно рассмотреть гарнизоны, размещавшиеся в Симбирске, Корсуне, пригородах и слободах Симбирско – Корсунской засечной линии. Эти гарнизоны сложи-

лись в конце 40-х – 50-х гг. XVII в. и представляется важным выяснить в каком виде они «дожили» до начала XVIII в. Симбирский уезд стремительно разраставшийся в южном направлении в последние десятилетия XVII – начале XVIII в. был буквально насыщен военными гарнизонами, состоящими как из традиционных для XVII столетия категорий служилых людей, так и из солдат полков нового строя.

Старые, основанные до «Разинщины» военные поселения Симбирского уезда не подверглись сколько-нибудь серьезной перестройке, затронувшей традиционный состав основных групп служилых людей. Вместе с тем, в конце XVII – начале XVIII в. территория «срединной» части уезда рассматривалась как тыловая, с которой без колебаний снимались все новые и новые воинские контингенты для защиты более южных районов.

После начала Северной войны правительство предприняло меры для определения мобилизационного ресурса Поволжья, численности военных сил здесь [2, с. 122]. Важнейшим источником, позволяющим определить численность и структуру гарнизонов Симбирского уезда являются документы комиссии Генерального Двора под руководством князя Н.И. Репнина [1, с. 102-103]. Сводные данные, зафиксированные сотрудниками комиссии позволяют в целом определить численность и структуры гарнизонов уезда к 1702 г. Сложности при подсчетах возникают, прежде всего, вследствие того, что крупные военные контингенты военных сил отправляли в конце XVII – начале XVIII в. в Азов, Таганрог и Петровский, для судового дела в Казань, несколько позднее в «свейский поход» и т.д. В рассматриваемый период происходила постоянная ротация военного населения, как по пространству самой области «понизовых городов», так и за ее пределы. Очевидно, что общие итоговые сведения, приводимые в источниках на 1702 г. не совсем точно отражают реальную ситуацию с военизированным населением уезда на рубеже XVII – XVIII вв. Так, по спискам, составленным в приказной палате Симбирска казаков, стрельцов, сызранских и кашпирских солдат насчитывалось в «домех», т.е. в Симбирске и Корсуне, их пригородах, слободах и т.д. – 2163 чел., в казанской «посылке» 1134 чел [3, л. 195об]. Помимо того, на территории уезда размещались солдаты «выборного» полка. «По списку старых солдат» насчитали 1378 чел, да «новоприборных» – 622. Но, в «прошлом» 1701 г. из этого весьма значительного контингента 1700 чел. «русских,... кроме татар и чуваша» были отправлены с полковником Ф. Каром в «свейский поход». Однако, несмотря на столь значительную «посылку» резерв для дополнительных наборов в солдатскую службу в Симбирском уезде был достаточно внушительным. По данным переписчиков 1702 г.

в солдатских семьях насчитывалось еще недорослей, «детей и братьев и всяких свойственников, которые в службу поспели» 2498 чел. Характерно, что солдаты «выборного полка» были расселены, прежде всего, в сельской местности, по 44 селам и деревням уезда (и только сравнительно небольшое количество в самом Симбирске) [3, л. 198-441]. Таким образом, накануне Азовских походов Петра I численность различных категорий военных сил на территории Симбирского уезда и резервы для их пополнения были весьма значительными.

Оценивая состояние гарнизонов на 1702 г., необходимо учитывать, что незадолго до этого в 1696/97 г. значительная часть служилых людей была переведена в Азов и в г. Петровский «на вечное житье» (казаков «Синбирского города отъезжих слобод» Каменной, Ишеевской, Карлинской, Тетюшской; «карсунской черты» казаков слобод Вельдиватской, Кивацкой, Дозорной, Кодорацкой, Сосновкой, Кошелевской. Каменного Броду и др.) [3, л. 500-548; 4, л. 107-122]. Общее количество переведенных по подсчетам переписчиков составило 6245 казаков (видимо, вместе с недорослями) [3, л. 122].

Данные о гарнизонах Симбирского уезда позволяют сказать, что к началу XVIII в. в «понизовых городах» наблюдалась высокая мобильность служилых людей, что выражалось в отправлении их в важнейшие точки юго-восточных и южных окраин Европейской России. Также, в гарнизонах уезда наблюдалось сосуществование служилых людей традиционных категорий и «полков нового строя», при этом в некоторых городах именно «полки нового строя» являлись основой военных сил.

Библиографический список

1. Дубман Э. Д. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII – XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. Самара, 2011.
2. Рабинович М. Д. Формирования регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969.
3. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5128.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. II. Д. 5186.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАРИЙСКОМ КРАЕ В 1918 – 1921 ГОДАХ. (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

События октябрьской революции 1917 года и периода гражданской войны 1918 – 1922 годов затронули все население нашей огромной страны. Особенно тяжелым грузом они легли на плечи российского крестьянства. Так уж повелось, что с колыбели Российского государства крестьянство являлось самым многочисленным сословием общества. Именно оно вольно или невольно стало одним из самых главных действующих лиц истории нашей страны. Крестьянству в октябрьской революции и гражданской войне в историографии до недавнего времени отводилась исключительно роль ближайшего союзника пролетариата в борьбе с монархическим строем и за установление Советской власти. В последние десятилетия неподдельный интерес и широкие дискуссии у исследователей вызывает развернувшееся в обозначенный период времени крестьянское движение. Историки пытаются разобраться в мотивах, побудивших крестьян сопротивляться официальной политической власти в стране, подниматься на восстания и создавать свои формирования для борьбы с продовольственными и карательными отрядами. Многими современниками гражданской войны крестьянское движение в сравнении с белой угрозой характеризовалось как наиболее опасный враг в борьбе за утверждение и укрепление Советской власти на территории всей страны.

В историографии данной проблемы можно выделить два этапа:

I. советский, когда крестьянское движение рассматривалось исключительно как контрреволюционный, антисоветский и кулацкий мятеж. При этом долгое время отрицался его массовый характер на подконтрольной Советской власти территории, поэтому понятие «крестьянское движение» стало робко входить в исторический обиход только в 60-е годы 20 века.

II. современный, который характеризуется качественно новыми веяниями в изучении данной проблемы. Немало важную роль в изменении подходов к изучению крестьянского движения сыграл доступ к ранее засекреченным архивным материалам, которые приоткрыли новые факты, тем самым позволив наиболее многогранно проанализировать период гражданской войны, в частности дать объективную оценку этому движению. Оно стало рассматриваться как противостояние государственной политике Советской власти в аграрной сфере, борьба крестьянства за свои права. Теперь у историков не вызывает сомнений

массовый характер этого сопротивления. Стали развиваться идеи о самостоятельной роли крестьянства в революции и гражданской войне, крестьянской революции как самобытным явлением российской истории. Основателями этих идей являются выдающиеся историки В.П. Данилов [1] и В.В. Кабанов [2].

На современном этапе развития историографии особенно возросло внимание к региональной истории по проблеме крестьянских выступлений. В этом плане наиболее изученным регионом России является Поволжье. Крупнейшим историком, занимающимся исследованием феномена крестьянского движения в этом регионе, является В.В. Кондрашин [3].

Интерес к изучению крестьянского движения в Марийском крае стал проявляться в 90-е годы 20 века. При этом нельзя говорить о целенаправленном исследовании этой проблемы. Это скорее была одна из сопутствующих линий в рамках проработки вопроса политики «военного коммунизма» в Марийском крае. Наибольший вклад в изучение крестьянского движения в крае внес Д.С. Сайсанов [4], который отметил рядом статей, посвященных крестьянским восстаниям в 1918 – 1921 годах не только на территории Марийского края, но и в приграничных уездах соседней Вятской губернии. Особое место в его исследованиях, безусловно, занимал вопрос продовольственной политики в крае. Именно непопулярность политики «военного коммунизма» в крестьянской среде, в частности непосильную продовольственную разверстку и неприемлемые методы ее сбора, он обозначал как основную причину крестьянских волнений.

Говоря о советском этапе развития краеведческой историографии по проблеме крестьянского движения, то в основном он представлен воспоминаниями участников октябрьской революции 1917 года и гражданской войны. Наибольшую ценность представляют собой сборник воспоминаний «За власть Советов» [5] и историко-документальный очерк С.С. Савинова «Мужество» [6], который раскрывает события, происходившие в Марийском крае в 1918 году, в ракурсе борьбы трудящегося населения с контрреволюцией. В работах В.Ф. Пашукова [7], И.С. Максимова и Н.А. Мартынова [8], коллективной монографии «Очерки истории Марийской организации КПСС» [9] описывается ограниченный круг крестьянских восстаний, которые характеризуются в соответствии с идеологией советского времени как контрреволюционные и кулацкие выступления.

Таким образом, можно сказать, что история крестьянского движения в Марийском крае хоть и получила в последние годы серьезный толчок для изучения, тем не менее, еще недостаточно очищена от «белых пятен». Полноценного исследования этой проблемы не проведе-

но, до конца она не изучена и не представлена в виде комплексного анализа. События, происходившие с 1918 по 1921 годы, описаны лишь частично, им дана фрагментарная характеристика. Чаще всего в работах преобладает хронологическое перечисление фактов иногда с односторонним анализом, который особенно характерен для публикаций советского периода.

Библиографический список

1. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч.2. М., 2011.
2. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.
3. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в 1918 – 1922 годы / Дисс.-докт.ист.наук. Пенза, 2001.
4. Сайсанов Д.С. Крестьянские восстания на территории Марийского края в 1918 – 1921 годах // Исторические очерки. Материалы научной конференции III Тарасовские чтения (19-20 марта 1997 года). Йошкар-Ола, 1997.
5. За власть Советов. Сборник воспоминаний участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны 1918 – 1920 гг. Йошкар-Ола, 1978.
6. Савинов С.С. Мужество. Йошкар-Ола, 1983.
7. Пашуков В.Ф. Марийский край в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.). Йошкар-Ола, 1965.
8. Максимов И.С., Мартынов Н.А. Революционные события на территории Марийской АССР (февраль 1917 – июнь 1921 годов). Йошкар-Ола, 1941.
9. Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола, 1968.

М.А. Попова

Самарский государственный университет

НИЖЕГОРОДСКАЯ ПЕРИОДИКА XIX ВЕКА В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ ЦЕНЗУРЫ

Проблемы взаимоотношений власти и общества, власти и личности, зависимость свободной мысли и просвещения от цензурного контроля всегда волновали современников. Дискуссии на эту тему велись всегда, однако в XIX в. существовала возможность не только говорить, но и печатать. Газеты стали способом не только самовыражения, но и

пропаганды различных политических и социальных мнений. Однако в условиях самодержавного российского государства фильтром этих самых мнений оказалась цензура, исходящая от монарха. Наше общество имеет немалый опыт существования в условиях цензуры. В связи с этим исследование некоторых особенностей развития цензуры в России в XIX в. представляет большой научный интерес [7, с. 115].

С приходом к власти Александра I в 1801 г. началась либерализация общественной жизни — облегчение цензурных правил, снятие запрета на открытие частных типографий, разрешение ввоза газет и журналов из-за границы, бурный рост периодических изданий. Был принят цензурный устав, который вводил предварительную цензуру. С одной стороны он расширял права журналистов и писателей, допуская обсуждение в печати общественно-политических вопросов, а с другой — запрещал печатать произведения, «противные правительству, нравственности, закону божию и личной чести граждан». После восстания декабристов Николай I ужесточил надзор за прессой, стараясь не допустить распространение революционных идей в обществе. Было создано III отделение при царской канцелярии для борьбы с вольнодумством, в 1826 г. принят новый цензурный устав, который запрещал политическую тематику в печати. С приходом Александра II и его буржуазных реформ русская пресса получила широкое поле для деятельности, однако власть продолжала держать ее под своим контролем. Таким образом, власть регулировала развитие массовых информационных процессов, давая возможность развиваться деловой части прессы, направленной на созидательные цели и препятствуя оппозиционной политической, дестабилизирующей обстановку в обществе [2, с. 59].

Необходимо отметить, что, не смотря на жесткую политику государства, печатное дело развивается и совершенствуется не только в столице, но и в провинции. История нижегородской печати насчитывает более 175 лет. В 1830 г. было обнародовано Высочайше утвержденное Положение « В каждой из губерний по мере удобства и местной надобности утверждается издание Губернских ведомостей» чтобы облегчить канцеляриям производство дел сокращением переписки и «доставить средства как присутственным местам, так и частным лицам получать сведения к исполнению их относящиеся». Все, что выходило за рамки этого предписания строго регламентировалось. Печатание в «Губернских ведомостях» политических статей « как не соответствующих цели оных», не допускалось. Выпуск газет передавался в ведение МВД, а надзор за их содержанием вменялся в обязанности гражданских губернаторов [6, с.10]

Первоначально провинциальная журналистика составляла монополию властей, но постепенно стали появляться частновладельческие

газеты. В Нижнем Новгороде по установленным данным в этот период существовало 166 повременных изданий [1, с. 3]. Периодику Нижегородской губернии можно классифицировать по следующим категориям: издания местного правительственного органа («Нижегородские губернские ведомости»), издание местного церковного управления («Нижегородские епархиальные ведомости»), ярмарочные издания («Нижегородский листок», «Справочный листок для нижегородской ярмарки», «Нижегородская ярмарка»), общественно-политические и литературные частные издания («Нижегородский листок объявлений и справок», «Нижегородский биржевой листок», «Волгарь», «Действия органов Павловских крестьянских обществ»), издания научных организаций («Нижегородский сборник», «Нижегородский вестник пароходства и промышленности», «Действия Нижегородской Губернской Ученой архитектурной комиссии», «Известия Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г.»).

Издания часто носили специализированный характер, в зависимости от отрасли, которая занималась издательством (Кремлевская губернская типография (типография нижегородского губернского правления), типография «Нижегородского биржевого листа», «Нижегородского листка», газеты «Волгарь», а также частные типографии). Судя по разделам в разных изданиях, общественность больше всего интересовала хозяйственно-экономическая деятельности региона, быт и культура.

Жизнедеятельность любого издания полностью зависело от губернатора. Местная власть различного уровня — от административной власти губернатора до выборной власти городского или земского самоуправления — стремилась с помощью газеты получить периодическую возможность знакомить население с деятельностью своих органов. К тому же, чрез предварительную цензуру власть могла влиять на формирование общественного мнения [3, с. 79].

«Нижегородские губернские ведомости» стали рупором консерватизма, либеральными взглядами отличался «Листок для нижегородской ярмарки», редакция которого позволяла себе со ссылкой на публикации в столичной прессе вести самостоятельные дискуссии на актуальные экономические и политические темы. В адрес газеты неоднократно поступали замечания со стороны цензурного комитета по поводу фельетонов, что стало причиной закрытия газеты. Меры российской власти в эпоху «великих реформ» выявили незрелость общественного мнения в отношении этих преобразований с одной стороны, и нежелание журналистского корпуса формировать в общественном сознании социально ответственную позицию — с другой [4, с. 146].

Таким образом, судьба российской прессы обусловлена отношением к ней государственной власти [5, с. 126]. Нельзя не назвать это закономерным процессом, т.к. нормальному функционированию системы абсолютной власти необходимы инструменты для ее охраны и поддержания.

Библиографический список

1. Богодин С.И. Список периодических изданий Нижегородской губернии (1838-1928). Горький.: Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина, 1939.
2. Грабельников А.А. Массовая информация в России: от первой газеты до информационного общества: монография. М.:РУДН., 2001.
3. Курбакова Е.В. Власть и пресса: история возникновения и становления нижегородской газеты «Волгарь». Провинциальная журналистика и жизнь Российской Империи в XIX – XXв.: сб. научных статей // сост. А.А. Кожанов. Петрозаводск: изд. Петрозаводского ГУ, 2008.
4. Курбакова Е.В. Губернская власть и региональная пресса в России (возникновение нижегородской ярмарочной периодики в 1857 – 1872гг.). Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. 2007.
5. Курбакова, Е. В. Российская цензура и провинциальная пресса: глобальный и локальный ракурс изучения проблемы // Нижегородский край в истории России: материалы II науч. конф., посв. памяти акад. Н. Ф. Филотова. / ННГУ. Н. Новгород, 2009.
6. Смирнов С.А. Нижегородская пресса от А до Я. Краткая энциклопедия. Н.Н.: Поволжье, 2010.
7. Старкова Л. Российская цензура – первые задачи и поиск решений. Власть: общественный научно-политический журнал / ред. Горшков №12. М., 2008.

Д.И. Тушканов

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В ГАЗЕТЕ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1860-х ГОДАХ

В Российской Империи важную роль в общественно-политической жизни страны играли журналы и газеты. Особое место среди них принадлежало ежедневной газете «Московские ведомости», традиционно придерживающейся охранительно-консервативных позиций. После того как

в 1851 г. ее главным редактором стал М.Н. Катков количество подписчиков значительно возросло. В своих статьях М.Н. Катков уделял большое внимание свободе вероисповедания. «Свобода совести, — писал он в 1863 г., — и религиозная свобода — слова хорошие, но они хороши только с умом, — а без ума что может быть хорошего!» [2, с. 420] Таким образом, он призывал законодателя соблюдать чувство меры и политическое благоразумие. По вполне обоснованному мнению Михаила Никифоровича, «свобода как религиозная, так и всякая другая, не значит давать оружие нашему врагу; свобода не значит отказываться от власти в пользу чужого деспотизма» [2, с. 420]. В связи с этим вполне можно согласиться с выводами А.И. Пешкова. Весьма современно, причем не только для России, но и для всех стран Европы, звучат слова М.Н. Каткова о том, что «религиозная свобода не значит простирать терпимость до того, чтобы водворять у себя чужую нетерпимость» [3, с. 79].

Ярким примером такого отношения к нетрадиционным для России религиям, по его мнению, является отношение к иудаизму. «Относительно еврейской религии, как и вообще относительно всякого иноверия, возможна — утверждал Михаил Никифорович в одной из статей — только терпимость, но оказывать покровительство еврейскому религиозному закону или придавать ему обязательную силу для членов еврейского общества, это значит уже выходить за пределы веротерпимости» [2, с. 421]. Следовательно, он резко выступал против попыток религиозных меньшинств получить для себя особые льготные правовые условия существования. Наверное, прежде чем говорить об антисемитизме в России следует задуматься, например, хотя бы над словами А.В. Окорокова: «Духовная целостность русского «Я», воспитанная православием на протяжении веков, человеколюбие (через внутреннее боголюбие) определяли и его отношение к еврейскому народу. Миф о русском антисемитизме был создан искусственно и стал орудием борьбы материалистических сил с русской духовностью и православием в целом. Биологический антисемитизм или расизм, характерные, например, для национал-социалистической Германии, не имели и не могли иметь в многонациональной России никаких исторических корней. Неприятие еврейского народа у русских было связано с его внутренним миром, внутренней свободой, мистическим слиянием души с Богом, и общинным, коллективным мышлением. Пришлые элементы, каковыми воспринимались евреи, по мнению русских националистов, не имели в России исторических и, тем более, духовных основ и, следовательно, им не были дороги (на чувственном уровне) ее традиции, мировосприятие, мораль, жертвенность. Евреи воспринимались, как духовные чужаки, а их миропонимание, как опасное посягательство на русскую религиозность» [4, с. 46].

В полном соответствии с принятыми во всем современном мире нормами, находятся взгляды М.Н. Каткова на тоталитарные секты. Так, в 1869 г. он утверждал, что «относительно скопческой секты не должно быть речи о веротерпимости, которая не может так далеко простираться, чтобы во имя ее была допускаема организованная пропаганда секты, подрывающей самые основы человеческого общежития» [2, с. 144].

Совершенно справедливо пишет профессор И.А. Иванников: «В постсоветский период религиозные объединения в России получили полную возможность свободно развиваться, привлекать новых членов в свои ряды. Отсутствие должной защиты духовной сферы страны привело к проникновению и развитию в стране тоталитарных сект» [1, с. 406]. Ведь даже законы не мешают таким сектам успешно осуществлять «ловлю душ» в России, так как согласно ч. 1 пункта 2 ст. 4 федерального закона Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. [5, ст. 4465]. государство не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами их заменяющими.

Библиографический список

1. Иванников И.А. Проблема эволюции формы российского государства в истории русской политико-правовой мысли второй половины XIX – середины XX веков. Дисс. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000.
2. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863 год. М., 1897.
3. Пешков А.И. Православие и проблема веротерпимости в консерватизме М.Н. Каткова // Российская массовая культура конца XX века. Материалы круглого стола. 4 декабря 2001 г. Санкт-Петербург. СПб., 2001.
4. О कोरोков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920 – 1945 гг.). М., 2001.
5. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29 сентября 1997 г. № 39.

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVIII Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 7–8 декабря 2012 г.)

Материалы и доклады

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Компьютерная верстка, макет *Л. Н. Замамыкиной*

Подписано в печать 29.01.2012.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 15,32. Уч.-изд. л. 16,5. Гарнитура «Newton».

Тираж 150 экз. Заказ №
Издательство «Самарский университет»,
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Книга».
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru

